

Плюснин Ю.М.

МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ

Московский общественный научный фонд

Москва 2000

УДК 316.42. (470-21)
ББК 60.59
П 40

Плюснин Ю.М.

Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – Вып. 27. – 147 с.

Мнения, высказанные в докладах серии, отражают исключительно личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с позициями Московского общественного научного фонда.

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 5-89554-189-5

- © Плюснин Ю.М., 2000
- © Московский общественный научный фонд, 2000

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
<i>Проблема</i>	6
<i>Объект, предмет и цели исследования</i>	7
<i>Методы исследования</i>	8
<i>Процедура полевого социологического исследования</i>	9
<i>Характеристика объекта исследования</i>	10
<i>Структура представления материала</i>	13
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ ДОМОХОЗЯЙСТВ	15
Благосостояние, уровень жизни и экономическое поведение домохозяйств	16
<i>Уровень жизни</i>	16
<i>Удовлетворённость уровнем жизни</i>	18
<i>Реальный уровень жизни и черта бедности</i>	19
<i>Структура бюджета семьи</i>	21
<i>Источники доходов семьи</i>	22
Особенности хозяйственной деятельности местных сообществ	24
<i>Поиск новых возможностей: доходные и убыточные отрасли хозяйства</i>	24
<i>Перспективы развития конкретных отраслей</i>	26
<i>Условия успешного развития отраслей хозяйства</i>	27
<i>Перспективы стабилизации местной экономики</i>	27
Экономическая активность населения	28
<i>Занятость и безработица</i>	28
<i>Социально-профессиональный потенциал</i>	30
<i>Деловая активность людей</i>	31
Новые "модели жизнеобеспечения" локальных сообществ	32
Социально-экономические установки населения малых городов	34
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ	39
<i>Адаптация к новой жизни</i>	39
<i>Планирование личной и трудовой жизни</i>	41
<i>Оценка психологического статуса населения</i>	43
<i>Отношения между людьми</i>	46
<i>Социальное неблагополучие и "социальный стресс" в сообществах малых городов</i>	48
Скрытая социальная напряженность в провинциальном российском обществе	53
<i>Оценки вероятности возникновения стихийных массовых беспорядков и организованных акций протеста</i>	54
<i>Готовность людей принять участие в акциях протеста</i>	56
<i>Опыт участия населения в акциях протеста: митингах, демонстрациях, забастовках</i>	57
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЛЮДЕЙ	60
Отношение к власти и социально-политические установки населения	60
<i>Отношение к местной власти</i>	60
<i>Отношение к центральной власти и тенденции развития местного самоуправления</i>	62
<i>Отношение населения к реформам в обществе</i>	65

Социально-политические установки и политическая активность населения	68
Изменения базовых составляющих мировоззрения	72
<i>Религиозность</i>	72
Экологическое сознание	74
Рис. 23. Структура типов отношения к природе у населения провинциальной России	76
Индивидуальные цели и ценности жизни	77
<i>Динамика индивидуальных ценностей</i>	77
<i>Трансформация жизненных смыслов</i>	79
ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ	82

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема жизнедеятельности населения малых городов и сёл России в нынешний кризисный период является, может быть, наименее изученным вопросом. Однако от этого его значимость не уменьшается - ведь это почти 60% населения страны. Недостаточное внимание исследователей к данной проблеме объясняется, с моей точки зрения, не только отсутствием необходимых для этого средств, но в значительно большей степени "немодностью" предмета исследования. Научной публике и представителям власти куда менее интересны жизнь и беды простого человека по сравнению с политическими биографиями. Да и проблемы населения столиц и крупных городов нам ближе, чем проблемы жителей "провинции". Тем более, что во многом это разные проблемы.

Данное исследование обобщает результаты полевых социологических наблюдений, проведённых в течение лета и осени 1999 г. в нескольких регионах Сибири и европейской части России. Оно явилось продолжением моих исследований, начатых в 1992 г., почти со времени начала кризиса. Поэтому часть результатов является обобщением наблюдений, сделанных за этот период. Однако в большинстве своём приводимые материалы являются совершенно новыми эмпирическими данными, характеризующими "провинциальное" российское общество к концу нашего столетия. Эти данные относятся к специфике экономического поведения отдельных домохозяйств и изменениям "моделей жизнеобеспечения" сообществ малых городов и сёл, психологическому состоянию людей, характеру и качеству взаимоотношений между ними, значению взаимной поддержки в обществе, к оценке уровня эмоционального и социального стресса, который обуславливает и уровень латентной социальной напряженности, к отношению населения к власти, криминалу и к проблеме местного самоуправления. Они затрагивают также вопросы изменений в социальных ценностных установках и мировоззрении простых людей. Я предпринимаю здесь своего рода "моментальный срез" социально-экономического, психологического и социально-политического состояния населения *простой* России в период завершения, как я надеюсь, затянувшегося кризиса нашего общества. Оттого, что это моментальная картина нашей жизни, она частична, мозаична и эклектична. Это явные недостатки данного исследования. Имеется и множество скрытых недостатков, в том числе и для меня. Я надеюсь, впрочем, что читатель будет снисходителен. Ведь главной своей задачей я считаю возможность обратить его внимание на узловые проблемы, вокруг которых сминается и рвётся ткань повседневной жизни простого человека. Многие из этих проблем я затронул.

Исследование, результаты которого здесь представлены, является инициативной авторской работой, осуществляемой на средства грантов, выделенных несколькими фондами. Проведение работы в 1999 г. оказалось возможным благодаря финансовой поддержке Московского общественного научного фонда при содействии Фонда Форда, Российского гуманитарного научного фонда, а также Президиума Сибирского отделения Российской академии наук. В работе по проекту приняли участие, помимо автора, ещё 18 человек: с.н.с. В.М. Плюснин (участвовал во всех разделах проекта), к.и.н. А.М. Аблажей, к.э.н. А.В. Алексеев, к.ф.н. О.В. Бауск, к.б.н. А.В. Истомин, А.А. Истомин, В.В. Перфилов, А.В. Перфилов, к.и.н. Н.Н. Аблажей, В.М. Титов, к.и.н. Д.Г. Симонов, М.Е. Бауск, к.б.н. Г.Г. Назарова, к.б.н. Д.Л. Лайус, Я.Ю. Слободской, П.М. Глазов, А.В. Зонов, Л.М. Федченко. Всем этим людям, оказавшим очень большую помощь в проведении исследования, автор приносит свою благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема

Системная перестройка российского общества обусловила социально-экономические явления, развитие которых мы ранее не наблюдали и даже не допускали теоретически. Современный период развития России на языке теории динамических систем - катастрофа. А всякая катастрофа предполагает возможность одновременного возникновения двух или нескольких состояний, которые в обычных условиях не могут совпадать¹. Неслучайно поэтому в экономической жизни переходного общества наблюдается возникновение феноменов, которые теоретически — например, с точки зрения формационной теории, приверженцами которых является большинство российских экономистов и социологов, — не могут существовать одновременно. Однако подобная ситуация оказывается объяснимой в рамках других подходов (например развиваемых И. Валлерстайном и Ф. Броделем), согласно которым общество содержит потенциально все многообразие возможных форм, и в известные исторические моменты, именно в критические ситуации своей жизни, во времена переломов, признаки этих форм могут проявиться одновременно, независимо от того, соответствуют ли они общему направлению социального развития или нет²

В современных условиях радикального изменения всей структуры общественной жизни России нарушение совокупности внешних социальных (прежде всего государственных) и макроэкономических связей, на основе которых осуществлялась жизнедеятельность всего общества и формировалось поведение и структура социальных диспозиций его членов, привело к необходимости быстрой смены как глобальных, так и локальных моделей жизнеобеспечения. Наблюдение и фиксация этих процессов на всех уровнях – от политического до индивидуально-психологического -- представляется крайне важной задачей и с практической, и с теоретической точки зрения. Осознание познавательной и прикладной актуальности такой исследовательской задачи обуславливает необходимость фиксации отмеченных процессов на разных уровнях сложности и в разных группах населения.

В этих условиях одной из важнейших, но малозаметных для исследователей проблем оказывается вопрос о характере и направлении трансформаций способов рутинного жизнеобеспечения, которые были исторически выработаны каждым локальным сообществом и находятся во взаимосвязи с местными экологическими и социально-экономическими условиями. Эта трансформация затрагивает прежде всего и в основном простейшие виды экономического поведения населения, реализуемые на уровне отдельных домохозяйств. Она непосредственно связана с социальными ценностными установками людей.

Актуальная в последнее десятилетие для каждой российской семьи задача физического выживания потребовала массового перехода к простейшим формам хозяйствования. Но при этом тотальность процесса привела к тому, что семья превращается преимущественно в производственную единицу, в домохозяйство. Социализирующие, культурные и мировоззренческие функции редуцируются. С социологической точки зрения это неадаптивные процессы, а в глобальной перспективе чреватые серьезными последствиями для социального развития и существования многих социальных институтов. Однако в начальной точке раз-

¹ Poston T., Stewart J. Catastrophe theory and its applications. -- London, San Francisco, Melbourne: Pitman, 1978

² Wallerstein I. The modern world system. — 1974; Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV-XVIII siècle. T. 2. Les jeux de l'échange. T.3. Le temps du monde. — P.: Armand Colin, 1979; Braudel F. Afterthoughts on material civilization and capitalism. — Paris: Les Editions Arthaud, 1985.

вития этих процессов (в точке бифуркации) они остаются, как правило, незамеченными не только на уровне обыденного сознания людей, но и не фиксируются исследователями-социологами.

Таким образом, проблема заключается в выявлении комплекса изменений в структуре экономического поведения отдельных домохозяйств и локальных сообществ (в перспективе приобретающих значение макроэкономических процессов) во взаимосвязи с массовыми изменениями социальных ценностных диспозиций людей. Почти всегда эти изменения ситуативно - на небольшом временном интервале - адаптивны, но в более широкой перспективе оказываются неадаптивными. Изменчивость форм приспособления связана и с локальными эколого-географическими особенностями, и с экономической ситуацией в конкретных регионах. Однако, это пространственное и временное многообразие преходяще: многие формы эфемерны и исчезают без следа, тогда как некоторые могут оказаться той «затравкой», которая впоследствии даст жизнь новой социальной структуре, окажется базой для создания "нового социального порядка". Как раз эфемерность и перспективность такого многообразия социально-экономической активности - это то, что отличает периоды кризисного развития общества и составляет, при всем трагизме ситуации, основу исследовательского интереса к нему.

Указанная особенность в значительной степени определяет актуальность такого рода исследований. Естественно, что при этом они должны носить лонгитюдный характер и охватывать по возможности весь кризисный период развития общества и возможно более широкий круг регионов, чтобы могли быть зафиксированы во всей полноте. При этом еще один аспект имеет важное значение: наблюдение процессов в провинции, затронутой последствиями кризиса более, чем крупные города страны, предоставляет и много больше интересных - с академической точки зрения - результатов, поскольку именно развитие процесса в критических точках полнее всего обнажает его суть.

В силу наличия интенсивных и разнонаправленных градиентов денежных, материальных и людских ресурсов в экономике такой крупной страны как Россия, переходные процессы по силе, направлению и качеству различаются не только в разных регионах, но и в различных селитебных структурах (особенно на оси «крупный город – малый город – село»). Выявление особенностей этих процессов на уровне фиксации специфических моделей жизнеобеспечения крупной городской агломерации, небольшого города и села является отдельной глобальной социально-экономической проблемой. В данном исследовании мы концентрируем наше внимание на ситуации, сложившейся в малых городах, рассматривая её в общем для "провинциальной" России контексте. Анализ поведения и установок населения малых городов проводится в сравнении с сельским населением.

Важнейшей теоретической и методологической особенностью данной работы является то, что весь излагаемый материал получен в процессе полевых исследований: непосредственное прикосновение к живой деятельности людей позволяет увидеть и зафиксировать многоцветность и динамичность процессов, почти всегда безвозвратно утрачиваемые в сухих статистических отчетах. По моему убеждению, только *присутствие* позволяет исследователю отметить те аспекты жизни, которые в силу их текучей рутинности не находят отражения ни в массовом сознании, ни в средствах массовой информации.

Объект, предмет и цели исследования

Объект исследования имеет достаточно сложную структуру. На первом уровне это индивид, основными характеристиками которого выступают его трудовое поведение, психологическое состояние и социальные установки. На втором уровне это семья, рассматриваемая только как отдельное домохозяйство, самодостаточная экономическая единица. На третьем уровне это локальное (местное) сообщество, конституируемое соседскими, родственными и реципрокными альтруистическими отношениями, обладающее сходством экономического поведения составляющих его домохозяйств, а также сходством социальных, политических и мировоззренческих установок индивидов. Всё это определяет постоянную и устойчивую

взаимную связь между людьми и задаёт масштаб и целостность местного сообщества: это может быть отдельная деревня, или группа соседних деревень, село, посёлок, небольшой городок, или отдельный район в городе. На четвёртом уровне это население "провинциальной" России - жители сельской местности и городское население, проживающее в посёлках городского типа и малых городах, в общем составляющее 55% населения страны.³ Сложность объекта затрудняет последовательный и логически стройный его анализ.

Предмет исследования: изменения в структуре социальных ценностных и мировоззренческих установок во взаимосвязи с изменениями в поведении (преимущественно экономическом) жителей малых городов и сёл "провинциальной" России в кризисный период общественного развития.

Цель исследования: анализ локальных и специфических способов обеспечения жизнедеятельности людей на социальном и экономическом уровнях в кризисной ситуации в городах и селах провинциальной России, оценка значения радикального изменения форм экономического поведения и ценностных установок населения в широкой социально-экономической перспективе.

Методы исследования

Для решения исследовательских задач использована совокупность следующих методов: 1) объективные данные полученные из официальных источников, из средств массовой информации и сведенные в "Паспорте населенного пункта"; 2) анкетный экспертный опрос, дополненный интервью; 3) массовая социологическая анкета; 4) объективные непосредственные наблюдения, проводимые в период опросов в населённых пунктах.

1. Метод комплексного социально-экономического и социологического исследования локальных сообществ и отдельных домохозяйств представлен в форме анкеты «Паспорт населенного пункта» (авторская разработка). Анкета включает 120 позиционных вопросов, касающихся физико-географической характеристики населённого пункта, демографической структуры населения, форм организации экономической деятельности, форм собственности, особенностей организации индивидуального хозяйства, а также всех основных составляющих инфраструктуры поселения. Объективные данные заносятся из официальных экономико-статистических отчетных документов и аналитических справок, из похозяйственных книг (в том случае, когда они есть), а также со слов должностных или компетентных лиц.

2. Дополнительная информация получена с помощью контент-анализа местных средств массовой информации за последние несколько месяцев.

3. Метод экспертной оценки социальных и социально-психологических проблем локального сообщества, представлен в форме «Анкеты эксперта» (авторская разработка, см. Приложение). Анкета включает 42 вопроса, направленных на выявление проблем организации экономической, общественной (включая местное самоуправление), политической (основные политические ориентации, социальная напряженность), идеологической (религиозной и мировоззренческой) и культурной жизни сообщества. Важными составляющими анкеты являются вопросы о психологическом состоянии жителей и новых социальных ориентациях, связанных с необходимостью изменения экономического поведения с целью поиска способов выживания в тяжелых экономических условиях.

4. Основная анкета включает в себя 22 вопроса, аналогичные вопросам экспертной анкеты, она предназначена для получения информации от основной массы респондентов по 38 отдельным социологическим показателям. Девять вопросов характеризовали демографические, селитебные и социально-профессиональные признаки респондентов. Анкета приведена в Приложении.

³ См.: Демографический ежегодник России. Стат. сб./ Госкомстат России. - М., 1999. - 386 с.; Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 1999 г. - М., 1999. - 241 с.

5. Метод социально-психологического наблюдения повседневной жизни жителей малого города, села (экспертная исследовательская оценка) с видеозаписью и составлением краткого "Рапорта", отмечающего основные особенности организации жизни сообщества, поведения людей, их психологических особенностей и психоэмоционального состояния.

6. Метод интервью, соединяющий в себе черты фокусированного социологического и клинического психологического интервью. Методика была подготовлена в структурированной форме вопросника для интервьюера, состоящего из 8 разделов (быт, хозяйство, экономические проблемы, политические аспекты, отношения между людьми в локальном сообществе и внутри семьи, экологические, нравственные, мировоззренческие и религиозные аспекты жизни).

Обработка данных проводилась с использованием статистического пакета SPSS; применялись стандартные и непараметрические методы одномерного и многомерного анализа.⁴

Процедура полевого социологического исследования

Работа была построена на принципах полевого социологического исследования. Были организованы и проведены 13 отдельных экспедиций в период с 1 июня по 17 ноября 1999 г. В каждом регионе выбирался маршрут следования с использованием самых разных транспортных средств - от железнодорожного и автомобильного транспорта до морских судов и бронетранспортеров. На маршруте выбирались 1-3 городских поселения (или крупных посёлка городского типа), несколько сёл и деревень. Выбор мелких населённых пунктов был случайным. Планировалось в каждом регионе проводить обследование по крайней мере 4-5 населённых пунктов. В силу специфики экспедиционного исследования, это соотношение не удавалось выдерживать повсеместно. Число обследованных населённых пунктов в регионы варьировало от 3 до 10.

В каждом населённом пункте случайным образом выбирались разные улицы, предприятия, учреждения и дома, где проводился опрос респондентов. Проводилось не менее 10-20 интервью с последующим заполнением анкет. (В некоторых крупных населённых пунктах было получено избыточное количество анкет, вследствие чего определённая часть анкет исключалась из дальнейшего анализа.).

В каждом регионе стремились опросить не менее 100 взрослых человек (что удалось во всех случаях, за исключением Витебской области Белоруссии). Однако, далеко не всегда удавалось получить достаточное количество заполненных анкет. Немалое число респондентов, особенно в восточных регионах страны, отказывались заполнять анкеты, при этом охотно давая интервью; в последующем эти интервью использовались для анализа.

В качестве экспертов просили выступить глав районных и городских администраций, их помощников, специалистов администрации, представителей федеральной власти на местах, предпринимателей, коммерсантов, представителей технической и творческой интеллигенции. В процессе или после заполнения экспертом анкеты с ним проводилось интервью. Со слов экспертов, а также из похозяйственных книг заносились объективные социально-экономические данные о домохозяйствах.

В течение всего времени работы в населённом пункте все члены экспедиции проводили наблюдение состояния отдельных составляющих поселения, поведения людей, фиксировали их мнения, высказываемые вне интервью с исследователем. Такие наблюдения явились важной составляющей для характеристики местного сообщества.

Обычно непродолжительный период работы в большинстве населённых пунктов, в большинстве случаев полевой, а не стационарный характер работы, а также задача сбора возможно более обширного социологического материала весьма ограниченными силами и с использованием ограниченных средств явились причиной отмеченных выше методических недостатков. Кроме того, моё исследование исходно было ориентировано на получение вы-

⁴ См.: Поллард Дж. Справочник по вычислительным методам статистики. - М., 1982. - 344 с.; Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы. - М., 1998. - 352 с.

борочных данных, которые относились бы прежде всего к регионам, в которых ранее были проведены аналогичные исследования. Исходно не ставилась задача получить выборку, репрезентативную населению России, пропорциональную по экономическим районам и регионам (такая задача и не могла быть выполнена при имеющихся материальных и технических ресурсах). В то же время, хорошо понимая масштаб ограничений, обусловленный данными недостатками, полученный социологический материал позволяет, в силу своего объёма и широты охвата, экстраполировать полученные данные и сделанные на их основании выводы на ту часть населения России, которая проживает в сёлах и малых городах и составляет почти 60% общей численности.

Характеристика объекта исследования

Опрос проводился в 12 регионах России (субъектах федерации) и в Витебской области Белоруссии (в последнем случае проводилось только интервью). Шесть регионов расположены в Европейской части России в трёх экономических районах: республика Карелия, Архангельская и Мурманская области в Северном экономическом районе, Псковская область в Северо-западном, Тверская и Костромская области в Центральном районе (при последующем анализе Псковская область условно отнесена к Центральному району). Шесть других регионов расположены в Сибири: три в Западной Сибири (Алтайский край, Новосибирская и Томская области) и три в Восточной Сибири (Хакасия и Эвенкия в Красноярском крае и Иркутская область). Таким образом, имеется возможность сравнительного анализа положения населения в двух восточных и двух европейских районах страны. На карте рис. 1 отмечены обследованные регионы.

Опрос проведён в 84 населённых пунктах, в том числе в 53 сёлах с числом жителей от нескольких десятков до 4-4,5 тыс. человек и в 31 (в 26 полный опрос, в 5 - только интервью) городе с численностью населения от 4,7 до 160 тыс. человек (см. табл. 1 и 2). В опросе приняли участие 1922 человека, заполненные анкеты получены от 1718 респондентов (в том числе 425 человек выступили в качестве экспертов и заполнили соответствующие анкеты).

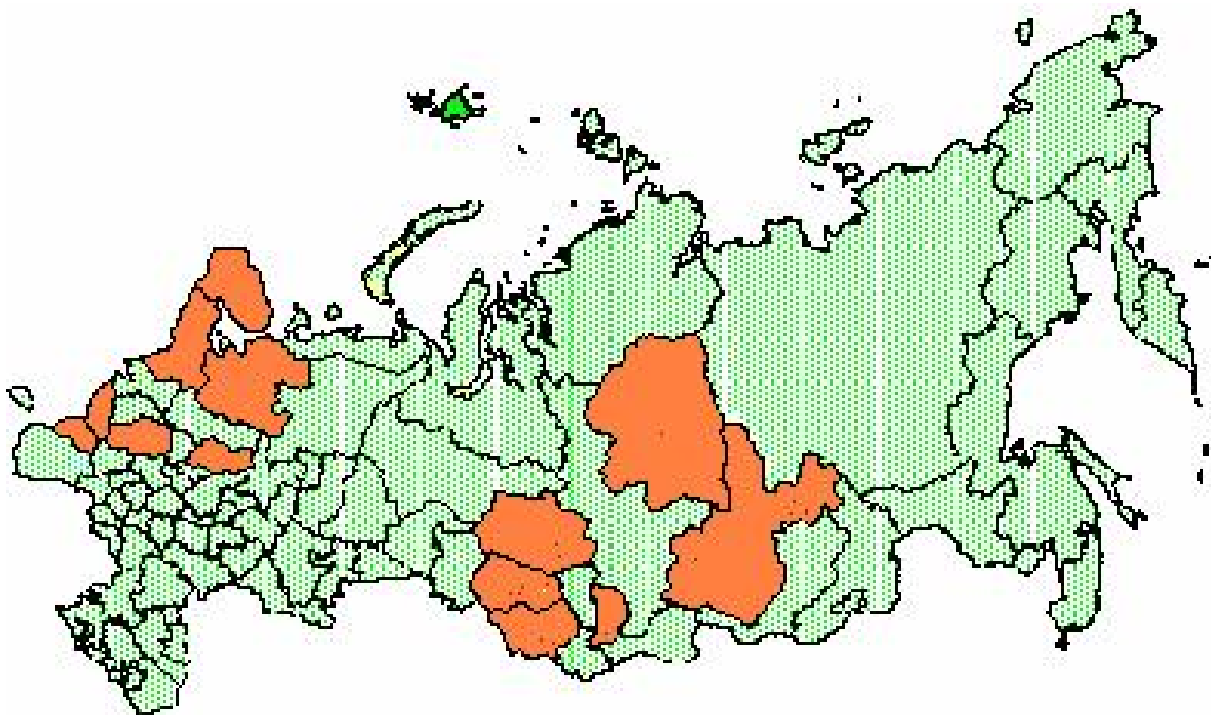

Рис. 1. Регионы России и Белоруссии, обследованные в 1999 г.

Таблица 1

Распределение респондентов по типу населённого пункта

Тип населённого пункта	Число ответивших на анкеты	Частота, %%
Небольшие деревни (менее 100 жителей)	17	1,0
Деревни (100 - 499 жителей)	141	8,2
Небольшие сёла численностью 500 - 2000 жителей	352	20,5
Сёла и пгт численностью 2,0 - 4,9 тыс. жителей	44	2,6
Малые города и пгт (5,0 - 9,9 тыс. жителей)	417	24,3
Малые города и пгт (10,0- 19,9 тыс. жителей)	266	15,5
Малые города численностью 20,0 - 49,9 тыс. жителей	248	14,4
Города численностью более 50,0 тыс. жителей	233	13,6
ВСЕГО	1718	100,0

Таблица 2

Структура выборки городского населения

Число жителей городского поселения	Общее число обследованных городов	Число городов, где получены объективные и анкетные данные
От 4,7 до 9,9 тысяч жителей	15	13
От 10,0 до 19,9 тысяч жителей	5	5
От 20,0 до 49,9 тысяч жителей	7	5
Более 50,0 тысяч жителей	4	3
ВСЕГО	31	26

Поскольку классификация населённых пунктов городского типа очень неопределённая и причисление населения к городскому или сельскому зависит от характера основной деятельности большинства жителей, а численность не является основным фактором отнесения населённого пункта к городу или посёлку городского типа⁵, некоторые населённые пункты с числом жителей 5000 человек и более я отнёс к малым городам исключительно на основании характера деятельности большинства населения. Кроме того, в анализе использованы данные, полученные от жителей трёх городов средней численности (от 70 до 161 тыс. жителей), которые, однако, также рассмотрены наряду с населением малых городов. Тем самым, говоря о малых городах, я имею в виду более обширную группу населённых пунктов, нежели обычно используемую при классификации: сюда входят несколько крупных посёлка городского типа (пгт) и три средних города (см. табл. 3).

Основными признаками, по которым мы стремились обеспечить пропорциональность выборки генеральной совокупности, являлись: (1) возрастная структура взрослого трудоспособного населения; (2) соотношение населения по полу; (3) соотношение среди занятых в экономике по сферам производства; (5) соотношение по социально-профессиональному статусу. Хотя добиться одинаковой репрезентативности по всем признакам, естественно, не удалось, все же в совокупности была обеспечена высокая статистическая надёжность выборки (расчётная надёжность выборки по качественным признакам составляет более 97 %)⁶. По основным демографическим и социально-экономическим признакам выборка репрезентативна населению России, проживающему в сельской местности и небольших городах (численность которого составляет 60 % населения страны).

⁵ См.: Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 1999 г. - Москва: Госкомстат России, 1999. - С. 3.

⁶ По некоторым населённым пунктам пришлось корректировать выборочную совокупность, поэтому от общего числа респонденто-горожат численность 1188 человек для анализа использованы данные только по 1001 респонденту. Расчёт надёжности см., напр: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М., 1987. - С. 61-67.

Таблица 3

Список городов, от жителей которых получены данные выборочного опроса

Экономический район	Регион	Город	Численность населения, чел.		
Северный	Республика Карелия	Кемь	16400		
		Чула	4700		
	Архангельская область	Вельск	26400		
		Кулой	8200		
	Мурманская область	Кандалакша	47100		
		Умба	7600		
белоруссия	Витебская область	Полоцк*	78800		
	Северо-Западный	Псковская область	Остров	30000	
		Себеж*	6500		
		Пустошка*	6100		
		Невель*	21200		
Центральный	Тверская область	Ржев	70200		
		Селижарово	7700		
		Старица	9800		
		Зубцов	8100		
		Шарья*	26600		
	Костромская область	Вохма	15432		
		Боговарово	7060		
		Западно-Сибирский	Алтайский край	Рубцовск	165100
			Новосибирская область	Змеиногорск	12700
				Курья*	7000
Томская область	Болотное	20735			
		Здвинск	5924		
	Северск	117900			
		Мельниково	23300		
		Восточно-Сибирский	Красноярский край (Эвенкия)	Тура	5800
Красноярский край (Хакасия)	Абаза			18600	
	Иркутская область		Таштып	6477	
Чуна			15800		
	Мама		5100		
Новый Уоян	5000				

Примечание: звёздочкой (*) отмечены города, в которых проводилось только интервью

Демографические и социально-профессиональные характеристики общей выборки из 1718 респондентов и выборки по малым городам из 1001 респондента следующие. Соотношение респондентов по полу: в общей выборке 41,7% мужчин и 58,3% женщин, в городской выборке, соответственно, 42,1% и 57,9%.

Средний возраст по всей выборке - $39,1 \pm 0,3$ года ($SD = 11,79$), медиана распределения равна средней - 39 лет; первый дециль (10%) в интервале от 15 до 23 лет, последний дециль (последние 10% распределения) - в интервале от 54 до 84 лет; 80% респондентов, таким образом, в возрасте от 24 до 54 лет. Средний возраст респондентов в городской выборке - $38,6 \pm 0,4$ года ($SD = 11,21$).

Подавляющее большинство респондентов являются постоянными жителями. Доля сравнительно недавних мигрантов среди опрошенных (приехавшие в данный населённый пункт менее чем 5 лет назад) составляет около 5%. Средний срок проживания в населённом пункте составляет 26,2 года. В малых городах такой же срок проживания: в среднем составляет 26,6 лет.

Структура семейного поведения: в общей выборке женатых (замужних) респондентов 69,5% (в малых городах - 67,0%); никогда не состояли в браке 15,0% (соответственно, в городах 15,1%) респондентов; разведены - 12,2% (14,5% - в городах больше разведённых, что очевидно); вдовых - 3,4% (в городах 3,4%). Среди женщин велика доля разведённых - 16,1% (только 6,7% мужчин разведены) и вдовых (4,5% против 1,8% вдовых мужчин).

Распределение по уровню образования значительно различается у мужчин и женщин: неполное среднее - у 4,3% женщин, 8,2% у мужчин; среднее - у 15,8% женщин и 27,1% мужчин; среднее специальное - у 44,8% женщин и 26,7% мужчин; незаконченное высшее - у 5,8% женщин и 6,8% у мужчин; высшее - у 29,3% женщин и 31,1% мужчин.

Структура населения городов по уровню образования практически совпадает с общей. Незначительно - только на 4% (34,1% против 30,1%) - повышена доля индивидов с высшим образованием в малых городах сравнительно с сёлами за счёт некоторого снижения долей индивидов на всех остальных уровнях.

Социально-профессиональная структура выборки: рядовые работники составляют 54,2%, специалисты - 31%, руководители разного уровня - 13,1%, частные предприниматели - 1,6%. Городская выборка только немного смещена в сторону повышения доли специалистов и руководителей: здесь 50,0% рядовых работников, 32,5% специалистов, 15,6% руководителей и 2,0% предпринимателей. Среди женщин относительно мужчин выше на 7% доля специалистов и ниже на 6% - руководителей.

Структура выборки по сферам производства. Указали, что они официально не работают 11,6% (в городе эта доля ниже - 8,9%); как правило, все эти люди - пенсионеры. Ещё 2,3% респондентов - учащиеся (в городе 1,8%). В сфере материального производства (промышленность, строительство, транспорт, связь, сельскохозяйственное производство) работают 25,9% респондентов, при этом доля мужчин в 2 раза выше, чем женщин (39,5% против 16,2%). В городах доля респондентов, занятых в этой сфере, такая же - 25,1%. В сфере услуг и распределения (материально-техническое снабжение, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, торговля) 19,3% опрошенных (14,9% мужчин и 22,4% женщин). В городах эта доля незначительно выше - 22,6%. В сфере социального воспроизводства (образование, воспитание, здравоохранение, культура, спорт, наука и т.п.) 26,9% опрошенных (13,7% мужчин, 36,3% женщин). В городах - 25,6%. В сфере социального регулирования и контроля (органы управления, милиция, юстиция, армия, флот, банковско-финансовая система и т.п.) заняты 14,0% респондентов (15,8% мужчин, 12,7% женщин); в городах 16,1%. Распределение по секторам экономики: 55,5% респондентов работают в государственном секторе, 13,9% - в смешанном, и 22,0% - в частном секторе (8,6% указали, что не работают). Городская выборка полностью совпадает с общей.

Структура представления материала

Исследование носило аналитический, а не монографический характер, поэтому полученный материал разнороден, не всегда полон, затрагивает разные аспекты жизни населения, и не обладает цельностью. Последовательность изложения при переходе от одного вопроса к другому не всегда могла быть выдержана. Нарисованная картина современной жизни населения "провинциальной" России, простых жителей селений и городков мозаична и не полна. Она и не могла быть иной. Полнота предполагает глобальное исследование, но тогда утрачивается, может быть, самое важное: возможность ухватить ситуативность и переменчивость повседневной жизни на широком пространстве страны в кризисный период развития общества. Жертвуя полнотой и монографичностью, мы имеем возможность обеспечить свежесть и своевременность описания процессов, образующих неприметный для поверхностного столичного взгляда, заглубленный, но широкий и могучий поток повседневной жизни простого народа.

Для представления результатов исследования была принята следующая структура (табл. 4): даётся характеристика объекта на уровне индивида, домохозяйства, локального сообщества и населения в трёх основных аспектах его изучения - социально-экономическом, социально-

психологическом и социально-политическом. В тексте последовательность изложения соответствует последовательности аспектов анализа, однако иногда она изменена.

Таблица 4

Структура представления результатов исследования

Уровни анализа объекта	Аспекты исследования		
	Социально-экономический	Социально-психологический	Социально-политический
Индивид, домохозяйство	Уровень жизни Материальное благополучие Бюджет семьи Источники дохода	Адаптация к новой жизни Психологическое состояние и повседневное настроение Эмоциональный стресс Планирование жизни	Отношение к власти Политическая активность Опыт участия в акциях протеста Готовность участия в акциях протеста
Локальное сообщество	Локальные модели жизнеобеспечения Занятость и экономическая активность Перспективность отдельных отраслей хозяйства Экономические перспективы сообщества Инфраструктура	Отношения между людьми Поддержка родных и близких	Специфика местной власти Организованная преступность как новая местная власть Местное самоуправление Социальная напряженность
Население в целом	Перспективы экономики страны Социально-экономические установки	Социальный стресс Скрытая социальная напряженность	Отношение к реформам Социально-политические установки

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Глубокий кризис экономической жизни России, отчетливо видимый всеми нами в крупных городах, затронул, конечно, и провинцию, но здесь наблюдаем мы его проявления куда как реже, да и значительно меньше знакомы с его последствиями, хотя этот процесс продолжается уже почти десятилетие. Эти последствия носят многообразный характер, они относятся не только и даже не столько к отдельным составляющим экономики, сколько ко всему укладу жизни простых людей, к его ценностным установкам, идеологии и мировоззрению. На значительной части пространств России произошло превращение товарной экономики в простую материальную жизнь. А материальная жизнь есть по преимуществу или исключительно всего лишь обеспечение собственного выживания. Внезапный переход от развитых экономических форм к простой материальной жизни, как всякая резкая перемена, повлек за собой и определенные психологические деформации. Эти изменения имели первоначальное значение в качестве непосредственных адаптивных реакций на острые "стрессогенные" воздействия, идущие со стороны разрушающейся экономики. Процесс во многом насильственной деградации товарного хозяйства вынуждал экономических субъектов (каковыми стали неожиданно для себя каждая семья, каждый человек в отдельности) к таким приспособительным реакциям, которые нередко приобретали парадоксальный характер. Но в ещё большей мере кризис захватил население малых городов. В смысле занятости и трудоустройства оно оказалось в положении, много худшем, чем в крупных городах, где рынок труда всё-таки развит лучше, а в смысле непосредственного жизнеобеспечения – в положении, много худшем, чем в сёлах, поскольку развитого подсобного хозяйства в городах не было. Население провинциальных городов оказалось между двух огней: с одной стороны, значительная его часть утратила работу и вместе с ней – денежные доходы, с другой стороны, в отличие от сельских жителей, они не могли перейти сразу к производству натуральных продуктов для полного жизнеобеспечения. Для того, чтобы создать подсобное хозяйство, достаточное для обеспечения семьи, городским жителям понадобилось, в зависимости от исходных условий, не менее 2-5 лет. Население малых городов по характеру своей производственной деятельности стало в последние годы всё более приближаться к сельскому населению, к тому характеру хозяйствования, который сформировался в сельской местности в первые же годы кризиса как ответ на поставленную перед людьми задачу физического выживания.

Парадоксальность экономического поведения, вызванного резкими разрушительными изменениями в структуре хозяйствования, приобретая значение *психологического* механизма жизнеобеспечения, далеко не всегда осознавалась и осознается самими его носителями. Напротив, формирование такого парадоксального экономического поведения приобретает массовый характер и оценивается людьми даже как наиболее рациональный и оперативный ответ, единственно благодаря которому можно максимально смягчить последствия катастрофических разрушений.⁷

⁷ См., напр.: Плюснин Ю.М. Психология материальной жизни (парадоксы сельской экономики выживания) // ЭКО, 1997. - № 7. - С. 169-176; Плюснин Ю.М. Модели жизнеобеспечения поморского населения русского Севера в современных условиях // Вестник РГНФ, 1997. - № 3. - С. 180-192; Плюснин Ю.М. Современные модели выживания на Русском Севере и в Горном Алтае // Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири. - Барнаул, 1999. - С. 98 - 107.

Благосостояние, уровень жизни и экономическое поведение домохозяйств

Оценка уровня благосостояния населения городов провинциальной России осуществлена на основе таких показателей, как удовлетворённость уровнем жизни семьи, изменения в благосостоянии семьи в течение последнего года, структура бюджета семьи в процентном и денежном выражении, сопоставленная с оценками минимального уровня (черты бедности) и нормального для жизнеобеспечения семьи уровня дохода.

При этом респонденты классифицировали уровень жизни своей семьи по шкале, в общих чертах соответствующей социологической шкале социально-экономической стратификации российского общества. По данным ВЦИОМ (социологический мониторинг "Социальные и экономические перемены в России", продолжающийся с марта 1993 г.), социальная стратификация российского общества представлена 6 слоями, в которых в 1996 г. правящая элита и верхний слой составляли около 5-7%, средний слой составлял около 20%, базовый слой - около 60%, а нижний слой и социальное дно - около 10-15%.⁸ Однако, эта структура лишь в некоторой степени отражается в непосредственных оценках людьми уровня своей материальной жизни в 1999 г. (эти столь существенные изменения могли быть, конечно, вызваны и кризисом августа 1998 г.).

Уровень жизни

Оценки людьми уровня жизни получены с помощью простого показателя отнесения респондентом себя к той или иной ранговой группе на шкале со значениями: 1 - живём на черте бедности; 2 - на уровне ниже среднего; 3 - на среднем уровне; 4 - выше среднего уровня; 5 - живущие на высоком уровне достатка. Такая же шкала использовалась мною и ранее в других исследованиях.

На рис. 2 показано распределение оценок уровня жизни жителей как в целом по провинциальной России, так и отдельно в малых городах (кроме того, я посчитал необходимым привести и аналогичные данные для крупного города Новосибирска, исследование в котором проводилось в январе-феврале 1999 г.). Здесь же приведены экспертные оценки уровня жизни, полученные в тех же самых населённых пунктах.

По результатам опросов респонденты распределились (с учетом специфики малых городов, где большинство домохозяйств только сейчас стали иметь значительное подсобное хозяйство) следующим образом. Высокий уровень достатка своей семьи отметили всего 0,1%, уровень выше среднего - 1,3%. На среднем уровне живут 24,3% семей, на уровне ниже среднего - 38%, а на уровне, который с точки зрения самих респондентов соответствует черте бедности - 36,4%. В малых городах соответствующее распределение почти неотличимо от общего: высокий уровень - 0,1%; выше среднего - 1,8%; средний - 26,6%; ниже среднего - 36,4%; на черте бедности - 35,1%.

Самооценки уровня жизни, таким образом, предельно пессимистичны: почти 3/4 респондентов (72%) считают благосостояние своей семьи низким или на черте бедности.

Хотя оценки такого рода и субъективны, но они в целом отражают реальность. Таким образом, к нижнему слою общества относят себя не 7-10% людей, а в 4-5 раз большее количество. Не менее чем 1/3 жителей в провинциальной России составляет низ и дно общества.

На уровне ниже среднего (этот уровень может быть отождествлен с отнесением респондентом себя к базовому слою общества) живут почти в 2 раза меньшее число семей, чем это оценивается в мониторинге ВЦИОМ. Только доля респондентов, причисляющих себя к среднему уровню примерно соответствует оценкам. Показательно, насколько мало людей считают свой уровень жизни выше среднего - менее 2% (при этом в опросах участвовало

⁸ Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РГНФ, 1998. - № 3. - С. 132 - 147.

немалое число районных чиновников, имеющих высокие должности, а также местные бизнесмены).

Различия между оценками ВЦИОМ, значительная доля респондентов которого - жители средних и крупных городов, столицы, - и нашими оценками фиксируют факт значительного разрыва у уровне благосостояния населения крупных и малых городов.

Распределение оценок опрашиваемых достаточно хорошо совпадает с мнением экспертов. По этим последним оценкам, уровень благосостояния большинства жителей оказывается существенно ниже среднего уровня (оценка по 5-балльной шкале составила всего 1,8 балла при среднем ожидаемом значении 3 балла; распределение ответов экспертов представлено на рис. 2 сглаженной кривой).

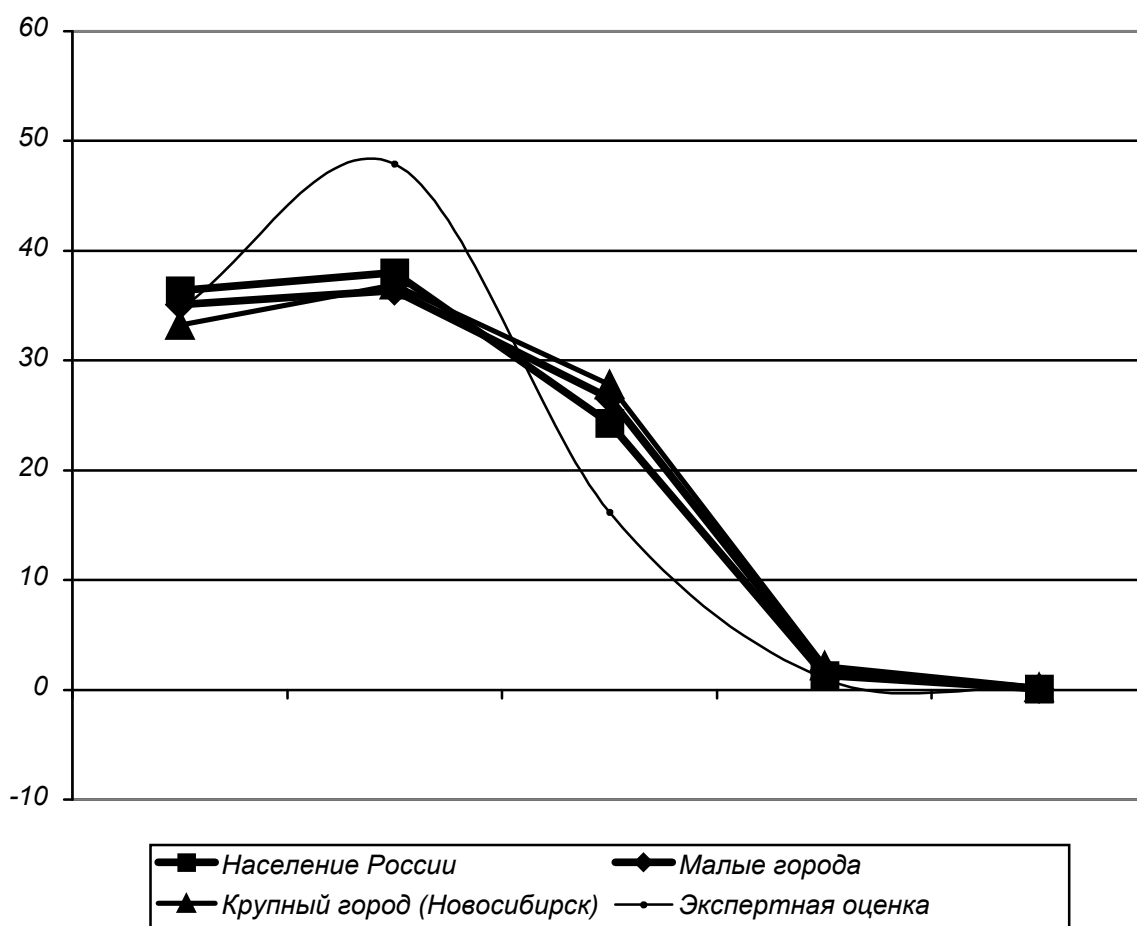

Рис. 2. Уровень жизни населения России в 1999 г. Оценки респондентов (по оси ординат в процентах ответов от общего числа) приведены для всего населения и отдельно для малых городов и крупного города. Аналогичные экспертные оценки показаны тонкой сглаженной линией.

Структура уровня жизни, зафиксированная для небольших городов России летом 1999г., оказалась очень близкой соответствующей структуре, полученной в процессе аналитического социологического исследования трудоспособного населения Новосибирска в январе 1999 г.⁹ Для сравнения приведу данные моих выборочных опросов уровня жизни населения Новосибирска в период с 1996 г. (табл. 5). За это время в полтора раза стало больше тех, кто

⁹ Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год. - Новосибирск, 1999. - 32 с.

субъективно чувствует себя нищим, и во столько же раз меньше тех, кто считает, что живет на среднем уровне достатка. Медленно, но совершенно определенно уровень жизни людей в крупном городе снижается от года к году. Хотя оценки такого рода и субъективны, но они в целом отражают реальность. Таким образом, к нижнему слою общества относят себя не 7-10% людей, а в 4-5 раз большее количество. Не менее чем 1/3 жителей в провинциальной России составляет низ и дно общества.

На уровне ниже среднего (этот уровень может быть отождествлен с отнесением респондентом себя к базовому слою общества) живут почти в 2 раза меньшее число семей, чем это оценивается в мониторинге ВЦИОМ. Только доля респондентов, причисляющих себя к среднему уровню примерно соответствует оценкам. Показательно, насколько мало людей считают свой уровень жизни выше среднего - менее 2% (при этом в опросах участвовало немалое число районных чиновников, имеющих высокие должности, а также местные бизнесмены).

Различия между оценками ВЦИОМ, значительная доля респондентов которого - жители средних и крупных городов, столицы. - и нашими оценками фиксируют факт значительного разрыва у уровне благосостояния населения крупных и малых городов.

Распределение оценок опрашиваемых достаточно хорошо совпадает с мнением экспертов.

По этим последним оценкам, уровень благосостояния большинства жителей оказывается существенно ниже среднего уровня (оценка по 5-балльной шкале составила всего 1,8 балла при среднем ожидаемом значении 3 балла; распределение ответов экспертов представлено на рис. 2 сглаженной кривой).

Между тем, сопоставление распределения оценок уровня жизни в целом по провинциальной России, полученных в 1999 г. как в небольших городах, так и в сёлах, с аналогичными выборочными оценками 1997-98 гг. для небольших населённых пунктов показывает, что в этом случае никакой значительной динамики не наблюдается - ни в сторону улучшения, ни в сторону ухудшения. Уровень жизни в сёлах и малых городах и так достиг предельных нижних значений.

Таким образом, в последнее время самооценки людьми уровня жизни семьи совершенно не различаются и не зависят от того, где живёт семья: в селе, в малом, или в крупном городе.

Таблица 5

Изменения самооценок уровня жизни семей жителей Новосибирска (в %)

Уровень жизни	1996 N = 1025	1998 N = 698	1999 N = 963
Высокий	0,1	0,1	0,2
Выше среднего	4,7	1,9	2,2
Средний	39,9	31,8	27,5
Ниже среднего	34,3	44,1	36,9
Близко к черте бедности	21,0	22,1	33,2

Удовлетворённость уровнем жизни

Удовлетворённость людей уровнем жизни в 1999г. получена по экспертным оценкам. Все оценки респондентов удовлетворённостью теми или иными составляющими материальной жизни ниже среднего уровня. Только качеством питания и жилищными условиями люди более или менее удовлетворены. Действительно, в силу массового перехода населения к производству продуктов питания в домашнем хозяйстве, люди значительно больше стали использовать и качественную натуральную пищу - рыбу, мясо диких животных, грибы и ягоды. В силу значительной безработицы существенно возрос объём заготавливаемых ди-

коросов, продуктов промысла, причём не только в сёлах, но и в малых городах. Недостаточный уровень питания отмечают около 45% жителей, остальные - нормальный (40%) или высокий (около 15%).

Жилищные условия у многих жителей сёл и малых городов существенно лучше, чем в крупных городах, причём люди это знают. Поэтому и оценки удовлетворённости качеством жилья в целом более высокие, чем соответствующие оценки жителей крупных городов.

Менее 38% не удовлетворены жилищными условиями семьи, у 46% респондентов они нормальные, а у 16% - хорошие и очень хорошие.

Однако совершенно не удовлетворены ни жители малых городов, ни, особенно, жители сёл условиями поддержания своего здоровья, качеством медицинского обслуживания, транспортным обеспечением и возможностями обеспечить свой досуг, удовлетворить культурные потребности. Последнее обстоятельство оказалось очень важным не только для молодёжи и интеллигенции, но и для многих простых жителей. Уже в течение нескольких лет почти никто в сёлах и даже городах (за исключением учителей и представителей администрации) не может позволить себе поездки не только на отдых в другие регионы страны, но и в областной город или в соседние области. Поэтому достаточная удовлетворённость медицинским обслуживанием и возможностями рекреации - только у 18%. Недостаточная удовлетворённость - у 33% жителей, а полная неудовлетворённость - у 39%. При этом нет никакой разницы, в селе или в небольшом городе проживают люди. Такая же низкая удовлетворённость досугом: 54% людей совершенно не удовлетворены возможностями обеспечить себе отдых и досуг. Ещё более 1/4 (27%) лишь в очень малой степени могут обеспечить себе досуг и нормальный отдых. Только менее 1/5 семей имеют возможность обеспечить себе досуг. Основные причины - не только отсутствие достаточных средств, но и нехватка времени (домашнее хозяйство требует как больших затрат времени, так и постоянного и ежедневного труда; человек не может освободиться от такой работы на достаточно продолжительное время, чтобы поехать куда-то).

Значительная неудовлетворённость людей уровнем своей жизни связана не только с низкими доходами, безработицей, но и с тем, что благосостояние людей постоянно снижается. По экспертным оценкам (N=407), за последние полгода - год стали жить лучше только 22% семей (5,7% значительно лучше, а 16,5% - немного лучше, чем раньше). У 20,6% семей материально жизнь никак не изменилась, а у 57% благосостояние ухудшилось (у 30,7% - незначительно, а у 26,5% - жизнь стала значительно хуже. Соотношение долей семей, улучшивших и ухудшивших своё благосостояние, составило 1 к 2,6. На каждую семью, улучшившую свою жизнь, приходится 2-3 семьи, жизнь которых ухудшилась. В данном случае различия между сельскими и городскими семьями несущественны.

Реальный уровень жизни и черта бедности

Каков же реальный уровень жизни людей в денежном выражении? Естественно, что здесь у нас весьма неполные и недостаточные данные, поскольку респонденты оценивают свои денежные доходы, часто не учитывая роль подсобного хозяйства. Тем не менее, хотя бы какие-то оценки оказалось возможным получить.

В процессе опроса респондентов просили ответить на вопрос о бюджете семьи, при этом дать ответ о распределении бюджета, как в процентах, так и в рублях. Оценки в рублях, которые представили большинство респондентов, и являются некоторым базовым уровнем для оценки денежного дохода средней провинциальной семьи, а также городской семьи (исключая доход, получаемый в натуральной форме).

По оценкам, полученным от 851 человека, которые представили распределение своего бюджета в рублях, месячный доход семьи из 2,93 человек составил 1958 рублей, в пересчёте на одного человека - 668 рублей. В малых городах денежные доходы, естественно, должны быть выше, чем в сёлах. Но оказалось, что не намного: по данным 629 респондентов, средний месячный денежный доход городской семьи, состоящей в среднем из 2,9 человек, составил 2157 рублей, или менее 750 рублей на одного человека в месяц (744 рубля; ошибка

среднего составила всего 25 рублей). В сёлах с числом жителей от менее 100 до 4-5 тысяч средний доход составил 1394 рубля в месяц на семью из 2,8 человек, т.е. менее 500 рублей в месяц на одного человека. В сельской местности больше семей обеспечены продуктами подсобного хозяйства и есть больше возможностей в заготовках дикоросов. Поэтому превышение на 1/3 в денежных доходах горожан скомпенсированы доходами в натуральной форме.

Сопоставим полученные оценки с оценками самих респондентов того уровня, который, по их мнению, соответствует черте бедности, а также их оценкам нормального уровня жизни семьи.

Значение черты бедности те же респонденты определяют в среднем в 682 ± 12 рублей. Жители городов дают несколько более высокие оценки: 729 ± 15 рублей, а жители сёл - 574 ± 16 рублей. Практически, это почти одинаковые оценки. Примечательно, насколько точно совпадают оценки реального уровня жизни семьи и черты бедности: в среднем 668 и 682 рубля соответственно, при этом городские жители чуть-чуть лучше оценивают своё положение (744 рубля против 729 рублей черты бедности), а сельские - хуже (499 рублей против 574 рублей).

Можно с достаточной уверенностью говорить, что, несмотря на то, к какому слою общества по уровню благосостояния люди относят себя, в среднем оказывается, что подавляющая часть их живет на черте бедности (возможно, это как раз те 3/4 населения, которые относят себя к живущим хуже среднего уровня).

Как при этом оценили люди нормальный уровень дохода? В среднем на одного человека в месяц должно приходиться, по их мнению, 2561 ± 60 рублей. Оценки горожан выше (2867 ± 77 рублей), в селе, соответственно, значительно - ровно на 1000 рублей - ниже (1866 ± 90 рублей).

Можно предположить, что разница в 1000 рублей отражает различия в обеспеченности жителей продуктами питания, получаемыми с подсобного хозяйства. Следовательно, натуральное хозяйство приносит дополнительный доход, который составляет не менее тысячи рублей в месяц на одного человека (это, во всяком случае, нижняя граница; сравнение с данными о значимости разных источников дохода семьи показывает, что доля продуктов подсобного хозяйства составляет от 1/4 до 1/3 в семейных доходах). Простейший расчёт показывает, что вклад подсобного хозяйства в бюджет средней семьи в провинциальной России составляет, в денежном исчислении, не менее 35000 рублей в год. А реальный денежный доход такой семьи из разных других источников (зарплата, пенсия, случайные приработки) составляет менее 24000 рублей в год.

Нормальный доход семьи, в оценках людей - чуть более 90000 рублей в год (в среднем 7530 рублей в месяц на семью из 2,93 человек). Это примерно в 4 раза больше, чем они сейчас реально имеют и во столько же раз больше их собственных оценок черты бедности (для сравнения: оценка черты бедности средней семьи составила 23700 рублей в год).

Не правда ли, умеренные запросы? Тем более, если все полученные в исследовании оценки сопоставить, например, с официально принятым в России уровнем бедности. Как известно, этот уровень составляет \$4 в день на одного человека.¹⁰ В пересчете по курсу доллара на лето 1999 г. (примерно 24-25 рублей) это составит 2940 - 3000 рублей в месяц на одного человека.

Парадоксально, но факт: средний городской житель провинциальной России считает нормальным уровнем жизни для себя тот, который правительство его страны признаёт только уровнем бедности, а сельский житель - уровень, почти в 2 раза ниже официальной черты бедности! Для большей наглядности я представил приведенные выше цифры на двух графиках, отдельно для жителей городов и сёл (рис. 3, 4).

¹⁰ Доклад о развитии человека в Российской Федерации. 1998. – Нью-Йорк, Оксфорд: Оксфорд Университи Пресс, 1998.

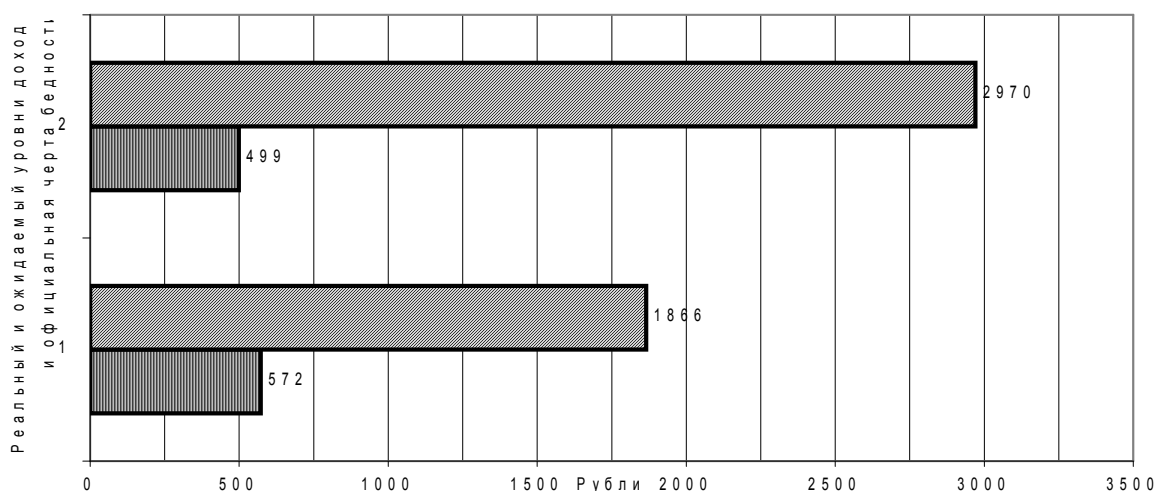

Рис. 3. Черта бедности и уровень дохода населения малых городов России

Структура бюджета семьи

Показательна структура бюджета провинциальной семьи. Сразу замечу, что та структура, которая была получена летом и осенью 1999 г. для 12 регионов России, почти полностью совпадает со структурой бюджета средней семьи в крупном городе (данные по Новосибирску на январь 1999 г.¹¹ При этом структура бюджета как городской, так и сельской семьи практически одинакова.

Доля расходов на питание семьи составила уже 63% (рост по сравнению с 96-98 гг. - около 10-13%, в основном за счет сокращения доли расходов на коммунальные услуги). В денежном выражении 1308 рублей на семью, или чуть более 450 рублей в месяц на одного человека (в селе менее 850 рублей; конечно, надо иметь в виду, что немалая часть продуктов питания производится в домашнем хозяйстве, хотя в отношении городских семей это далеко не всегда верно). Коммунальные расходы в бюджете средней городской семьи составили 14,6%, или в среднем 238 рублей, транспортные расходы - 4,8%, или 128 рублей. В селе они существенно ниже, а в небольших деревнях приближаются к нулю.

На покупку вещей повседневного употребления остается всего 12,4%, около 330 рублей в месяц (в селе менее 220 рублей). А на досуг, развлечения, культуру остаётся только 4,9% (153 рубля в городе, 56 рублей в селе).

Среднестатистическая структура бюджета соответствует структуре бюджета городской семьи, живущей ниже черты бедности. Давно и хорошо известно, что средняя обеспеченная семья тратит на питание всего лишь около 1/3 бюджета, а когда расходы на питание достигают 1/2 бюджета, это означает, что семья по уровню своей жизни вплотную приблизилась к черте бедности.

Всего только 7% российских семей имеют возможность тратить на питание 30% и менее своего бюджета, а 63% семей тратят на питание более 50% бюджета. Почти 10% населения страны живут за гранью возможного - они тратят на еду менее 300 рублей в месяц, т.е. не более чем 10 рублей в день на 3-х человек. А позволить себе тратить на питание 1000 и более рублей в месяц на человека могут всего менее 8% семей.

¹¹ Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год. - Новосибирск, 1999. - 32 с.

Источники доходов семьи

Каковы источники доходов семей? На этот вопрос давали ответ 410 экспертов, ответы которых распределились следующим образом. Первым по значению (но не по реальному объему) источником денежных доходов остается зарплата в учреждениях и на предприятиях. Второе значение имеют пенсии и разного рода пособия. И только третье - доходы, приносимые садово-огородным или приусадебным участком. Однако, когда мы суммируем значение всех источников доходов городской семьи, то ситуация выглядит иначе (см. табл. 6):

Таблица 6

Распределение ответов экспертов на вопрос об источниках средств к существованию большинства жителей

№	Источники	Значение (в %)
1	Оклад, зарплата в учреждении, на предприятии	25,8
2	Зарплата на дополнительной работе	2,1
3	Пенсии, пособия	26,3
4	Садово-огородный участок, личное подсобное хозяйство	26,5
5	Доход от продажи дикоросов, собственной сельхозпродукции	4,9
6	Предпринимательская и коммерческая деятельность	4,5
7	Доходы от ловли рыбы, морского промысла, сбора водорослей	1,5
8	Доходы от охоты, пушного промысла, зверохозяйства	1,7
9	Проценты от вкладов разного рода	0,09
10	Случайные приработки эпизодического характера	5,4
11	Доходы от нелегальной (криминальной деятельности)	1,5

Результаты экспертных оценок, представленные в таблице, сами по себе весьма любопытны. Почти 81%, т.е. 4/5 всех доходов приносят жителям государственные пособия или заработная плата или работа в своем хозяйстве. Но при этом значение всех трех источников практически одинаково - каждый из них даёт семье четверть всех доходов.

Крайне невелик уровень предпринимательской и коммерческой активности в собственном смысле слова. Но если добавить к этому более простые, не преобразованные виды предпринимательства и коммерции - все виды доходов от продажи "добытого из природы" продукта, что более свойственно жителям малых городов и сел по сравнению с урбанизированными районами, то в этом случае доля дохода от предпринимательской активности возрастает до 13,5%, что надо признать немалым уровнем активности людей. Замечательно представление экспертов о таких видах деятельности, которая в той или мере осуждается общественным мнением: о нелегальной и криминальной деятельности и получении дохода с помощью ренты. Эксперты полагают, что эти виды активности дают совсем незначительный вклад в доход средней семьи. Однако, с полной уверенностью к этой группе можно отнести такой вид деятельности, как случайные приработки. Но даже с учетом этого, нелегальные (или "теневые") источники доходов населения составляют, по мнению экспертов, всего около 7%. Судя по моим непосредственным наблюдениям, это значение сильно занижено. Как видно по распределению оценок в таблице, источники дохода однозначно разделяются по своему значению для жизнеобеспечения семьи на три группы. Подавляющее значение имеют три источника, образуя группу наиболее значимую: заработки в качестве наемных работников на предприятиях и в учреждениях разной формы собственности, государственные пенсии и пособия, а также натуральное хозяйство. Здесь следует отметить некоторое внешнее противоречие в экспертных оценках. При указании источников доходов значимость зарплаты составляет чуть более 30%. Но при оценках доли зарплаты в общем доходе семьи в городе они дают уже оценку в 62% ($62,4 \pm 1,5\%$). Зарплата, таким образом, оказы-

важнейшей составляющей денежных доходов. Следовательно (исходя из равного значения зарплаты и приусадебного хозяйства в качестве источников существования семей), экспертами неявно предполагается, что роль подсобного хозяйства в качестве источника пропитания велика примерно в такой же степени, как и зарплаты в качестве источника денежных доходов.

В нынешних условиях, особенно на селе, зарплата не может оставаться основным источником существования семей. Оценки доли зарплаты в общих доходах семьи весьма разнородны (см. рис. №3). Можно выделить по крайней мере две причины такого необычного распределения оценок. Во-первых, может иметь место сознательное сокрытие немалой части дополнительных не денежных доходов, или денежных доходов от браконьерства и продажи рыбы, или сезонных подработок (это обоснованно в том случае, когда человек отождествляет себя со всеми жителями села или города). Во-вторых, жители могут реально дифференцироваться на группы, сильно различающиеся между собой по уровню доходов и вкладу зарплаты. На селе такие условия всегда существовали, например, между простыми колхозниками с одной стороны, сельской интеллигенцией (учителя, врачи, служащие), не имеющей своего хозяйства, — с другой, и колхозным правлением — с третьей. В городах такая же ситуация стала складываться со середины 90-х годов. Обе причины представляются равно вероятными.

На гистограмме рис. 5 выделяются две отчётливых группы значений — 50 % и 90 - 100 %; более половины респондентов (52 %) считают, что доля зарплаты в бюджете сельской семьи составляет не менее 80 % и до 100 %. В среднем доля зарплаты оценивается на уровне 72 % от общих доходов ($SD = 27,2$). По мнению же наиболее компетентных лиц, в среднем заработная плата составляет всего 40 – 50 % всей суммы реальных доходов (что подтверждает и расклад бюджета в том виде, как его дают сами респонденты: см. ниже).

Вторую группу образуют также три источника, давая в сумме около 15% дохода. Это собственная предпринимательская и коммерческая активность людей, проявляемая как непосредственно в формах случайных приработков или неорганизованной коммерции, так и в организованных формах. Третья группа незначимых источников дохода образована как деятельностью, обусловленной локальными природными условиями, так и незаконной деятельностью.

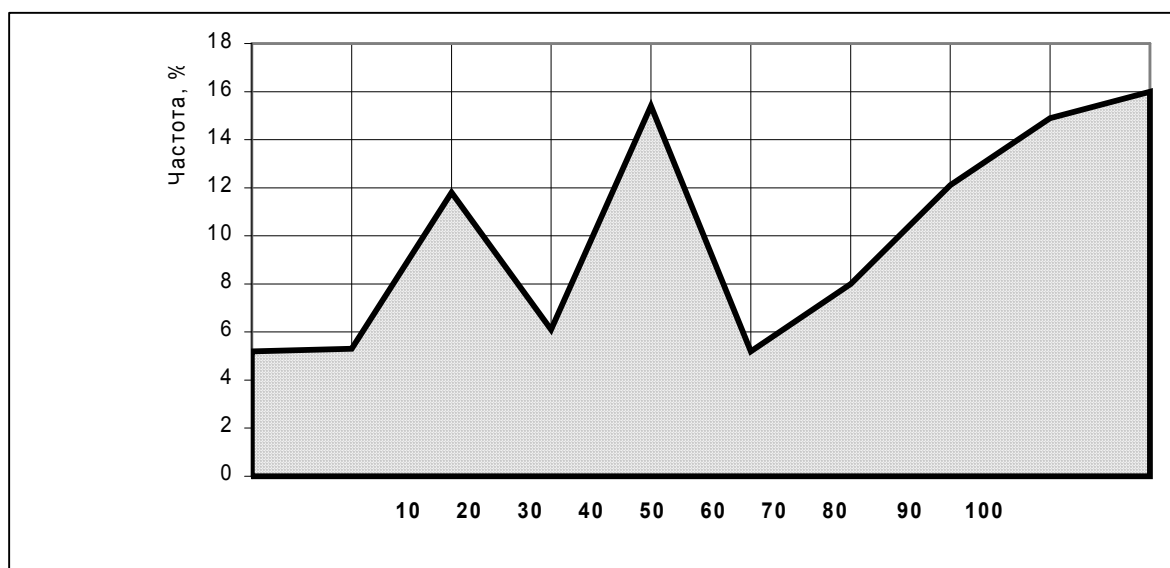

Рис. 5. Распределение ответов респондентов-экспертов о доле заработной платы в бюджете средней семьи (по оси абсцисс - доля зарплаты в процентах, по оси ординат - значения оценок).

Представляется важным отметить, что по экспертным оценкам распределения источников доходов можно оценить экономическую зависимость человека от государства: на данный момент она составляет всего-навсего не более 1/2. Вторую половину образует собственная, самодеятельная активность людей. Это, я думаю, немалый прогресс за 10 лет "реформ".

Особенности хозяйственной деятельности местных сообществ

Основное внимание в исследовании уделялось не состоянию местной экономики, а тому, в какой степени развитие тех или иных отраслей может обеспечить существование сообщества в нынешних условиях. Поэтому рассмотрены только некоторые вопросы, связанные с оценкой состояния отраслей и общей перспективой экономического развития локальных сообществ.

Поиск новых возможностей: доходные и убыточные отрасли хозяйства

Расчёт на многообразии и простоте способов жизнеобеспечения локальных сообществ как в сёлах, так и в городах сильнее всего отражается в оценках перспективности (доходности) или убыточности тех или иных отраслей хозяйства. В табл. 7 приведены экспертные оценки экономического состояния отраслей хозяйства районов. Разные отрасли расположены в порядке убывания по степени их доходности.

Таблица 7

Распределение ответов экспертов на вопрос: "Какие отрасли в районе являются высокодоходными, а какие убыточными?" (значимость отраслей дана в процентах от общей суммы ответов)

Наименование отрасли	Доходные отрасли	Убыточные отрасли
Промышленное производство – вообще	11,3	10,6
в том числе: строительство	1,8	5,9
Атомная промышленность	1,5	
Металлургия	0,8	
Машиностроение		0,5
Легкая промышленность		0,8
Производство электроэнергии	5,5	0,3
Сырьевые отрасли – вообще	18,1	4,8
В том числе: горнодобывающая	2,3	
Золотодобыча	0,25	
Нефтедобыча и нефтепереработка	4,3	
Заготовка леса	9,3	4,3
Деревообработка	2,0	
Сельскохозяйственное производство вообще	8,1	56,4
В том числе производство зерновых и овощехозяйство	1,0	1,3
Животноводство	2,3	2,7
Производство молочных продуктов	0,5	0,3
Переработка сельскохозяйственной продукции	1,2	2,9
Продукты промыслов - вообще	4,0	1,3
В том числе лов рыбы	2,5	0,3
Охотничье хозяйство	1,0	1,0
Заготовка дикоросов	0,5	
Транспорт - вообще	10,6	4,8

Наименование отрасли	Доходные отрасли	Убыточные отрасли
В том числе железнодорожный	6,5	
Воздушный	0,5	
Водный	0,25	
Связь	9,8	0,3
Сфера обслуживания - вообще	1,2	7,2
В том числе Бытовое обслуживание	1,0	1,6
Коммунальное хозяйство	0,5	5,6
Банковская деятельность	2,5	
Частная предпринимательская деятельность	1,8	0,3
Торговля, мелкая и крупная	26,2	2,1
Административная деятельность	5,5	0,3
Социальная сфера вообще		4,8
В том числе здравоохранение		1,3
Образование		1,0
Культура		1,9
Криминальная деятельность	0,8	
Все отрасли убыточны		7,2
ВСЕГО ДАНО ОТВЕТОВ	397	376

Наиболее выгодным видом деятельности остаётся торговля – как мелкая розничная, так и оптовая (челноки), а также крупная торговля лесом, рыбой, нефтью, ГСМ, водкой. Технологичное промышленное производство почти в два раза менее доходно, чем добыча и реализация сырья. Однако сельскохозяйственное производство оказывается более выгодным, чем промысел. Более ¼ доходных отраслей – сфера услуг (транспорт, связь, коммунальное и бытовое обслуживание, банковская деятельность). Если добавить в эту же группу административную деятельность, то в целом сфера услуг составит 30% и это оказывается более выгодным, чем коммерческая деятельность.

Очень низко оценивается доходность предпринимательской деятельности, что понятно в условиях малых городов и сельской местности.

Аналогичные оценки убыточных отраслей в районе дали следующее распределение (см. ту же табл. 7) С подавляющим перевесом доминирует сельскохозяйственное производство в целом и по отдельным отраслям. Из остальных убыточных отраслей наибольшее значение эксперты придают строительству и промышленности вообще, сфере бытового обслуживания и особенно коммунальному хозяйству, транспорту, а также мелкой кооперативной торговле. Убыточность деятельности в социальной сфере имеет, с точки зрения экспертов, не столь большое значение, как это можно было бы предполагать, исходя из реального состояния здесь дел (в сельской местности и малых городах люди, работающие в бюджетных организациях, имеют большие шансы на регулярную выплату зарплаты по сравнению со сферой промышленности).

Столь значительное единодушие экспертов относительно убыточности сельскохозяйственного производства не может быть объяснено только глубокой психологической установкой, сложившейся в прежние годы, поскольку именно сейчас сельскохозяйственное производство стало и в сёлах и в городах основой выживания большинства семей. Основной упор при обосновании убыточности этих отраслей подавляющее большинство делает на неправильную государственную политику в области налогообложения и ценообразования, которая изначально ставит сельскохозяйственное товарное производство с предельно длинным, годовым, циклом в неравные, проигрышные условия по сравнению со всеми остальными сферами общественного производства. Налицо парадоксальность ситуации: именно сельскохозяйственное производство стало основой жизнеобеспечения значительной части населения страны в период кризиса, для многих – единственной сферой приложения их труда. И в то

же самое время именно эта сфера не только не предоставляет человеку никаких экономических перспектив, но и составляет наиболее рисковую область вложения его ресурсов. Данный момент, с моей точки зрения, представляется весьма важным негативным фактором, оказывающим влияние как на деловую активность населения, так и на психологическое состояние людей, тем самым, оказываясь фактором нарастания скрытой социальной напряженности.

Перспективы развития конкретных отраслей

Как видятся руководителям и специалистам в малых городах и сёлах перспективы местной экономики? Здесь имеются три аспекта: 1) перспективы развития конкретных отраслей; 2) условия их успешного Развития; 3) продолжительность срока выхода экономики из критического состояния. Спектр предложений экспертов о том, что же стоит и необходимо развивать или восстанавливать в районах, весьма широк: они предложили более 20 направлений. В табл. 8 представлены предложения экспертов с относительной оценкой значимости тех или иных отраслей.

Таблица 8

Ответы экспертов относительно направлений развития экономики города, района

Наименование отрасли	Частота, %
Промышленность	14,3
В том числе: в целом, без дифференциации	5,4
Местная лёгкая	2,2
Горнодобывающая (золото, цветные металлы, слюда, алмазы, уголь)	4,8
Нефтедобыча и нефтепереработка	1,3
Машиностроение	0,6
Сельскохозяйственное производство	43,7
В том числе: в целом, без дифференциации	33,4
Животноводство	3,0
Полеводство и кормопроизводство	1,3
Переработка сельхозпродукции	6,0
Рыбная промышленность,	3,7
В том числе в целом, без дифференциации	1,5
Рыбная ловля	0,7
Переработка рыбы	1,0
Лесное хозяйство,	9,2
В том числе в целом, без дифференциации	6,1
Заготовка леса	0,9
Переработка древесины	2,2
Промышленная заготовка и переработка дикоросов	0,6
Охотничий промысел и звероводство	2,1
Кустарное производство	0,1
Строительство, в том числе дорожное	7,4
Транспорт	3,9
Торговля и общепит	0,4
Коммунально-бытовое обслуживание	3,3
Социальная сфера (образование, здравоохранение, культура)	6,5
Туризм и сфера услуг	3,9
Развитие товарного частного хозяйства	0,1
Содействие развитию предпринимательства	0,1
Всего ответов	671

Замечателен следующий момент: несмотря на то, что большинство экспертов – жители малых городов, а не сельской местности, значение развитию сельскохозяйственного производства они придают определяющее. Если объединить все отрасли, имеющие отношение к сельскому хозяйству, то их значимость в оценках экспертов превысит 50%. Это при том, что именно данная сфера – самая убыточная на настоящий момент. Люди прекрасно понимают, что основу экономического благополучия населения на данном этапе обеспечивает именно сельское хозяйство, но не частная торговля, предпринимательство или фермерство (оценки развития в этом направлении самые минимальные). На этом фоне преобладания сельскохозяйственного производства достаточно большое значение эксперты придают сырьевым отраслям в развитии местной экономике. Если не дифференцировать, то в общем оценка значимости добычи и первичной переработки природных (в том числе биологических) ресурсов составляет 22%. Это второе место в перспективах экономического развития провинциальных регионов, как это видят эксперты.

Условия успешного развития отраслей хозяйства

С чем же связывают руководители и специалисты, выступающие в качестве экспертов, развитие указанных ими выше отраслей хозяйства? К сожалению, в ответах на этот вопрос нет ничего оригинального. Два условия представляются большинству респондентов важнейшими: 1) финансирование; 2) наличие умелого, дельного руководителя, “хозяина”. Кроме того, естественно, что развитие местной экономики, особенно экономики села, нуждается в создании соответствующих служб по закупке, вывозу или переработке сельскохозяйственной продукции, поскольку именно с этой сферой связывают эксперты надежды на развитие региона. Также имеет важное значение упрочение транспортных коммуникаций, подвижного состава флота и автомобильного транспорта, строительство дорог. Важной проблемой является обеспечение топливными ресурсами и электроэнергией. Есть среди мнений экспертов и условия стратегического характера, как-то: изменение налоговой системы в отношении регионов, воссоздание системы профессионального обучения (что для сёл и небольших городов критически важно), государственная помощь в организации рабочих мест при недостаточно развитом местном рынке труда. Обостряется проблема регионализма, поскольку она связана с несправедливым, по мнению многих, распределением налогов в федеральный и местный бюджет.

Перспективы стабилизации местной экономики

Обсуждая вопрос о том, какое время понадобится местной экономике города, района, села для преодоления последствий экономического кризиса и создания новых стабильных организационных форм, эксперты разделяются в своих оценках на несколько групп: 1) «оптимисты», полагающие что для такого перехода достаточно всего менее пяти лет (таких оказалось 9%); 2) «реалисты», рассматривающие обозримые перспективы стабилизации экономики в интервале от 5 до 15 лет (58,5 %); 3) «пессимисты» (таких 20,5%), полагающие, что процесс стабилизации растянется на многие, “долгие” годы — от 15-20 до 50-100 и более лет; 4) «релятивисты» - люди, полагающие, что всё будет зависеть от условий, в которых придётся развиваться сельской экономике (12 % от всей совокупности экспертов). Таким образом, хотя единого мнения о перспективах местной экономики у людей нет, преобладает представление, что понадобится десяток лет для выведения экономики из кризиса (на рис. 6 видно, что 10 лет - это мода и медиана распределения прогнозируемых сроков стабилизации экономики). Можно отметить, что тех, кто ставит более или менее обозримые сроки, всё-таки подавляющее большинство - 4/5. Причём, указываемые экспертами сроки стабилизации никак не зависят от их возраста, пола, образования, сектора экономики, который они представляют, а зависят только от социально-профессионального статуса эксперта. Респонденты с более высоким статусом, чаще руководители, являются большими оптими-

стами, по сравнению с теми, у кого статус ниже. Возможно, это отражает объективную ситуацию: деградация экономики, упрощение экономической структуры повысили её мобильность, разворотливость. И руководители это чувствуют и понимают лучше, чем многие другие. Если сопоставлять оценки, полученные в данном исследовании, с аналогичными экспертными оценками предыдущих лет, то придётся признать, что оптимизма у людей значительно убавилось. К 1995-96 гг. очень многие местные руководители и предприниматели говорили о 3-5 годах как об обычных сроках восстановления экономики района, мало кто отодвигал перспективы стабилизации на 15-20 и более лет в будущее. По мере же развития кризиса и отсутствия какого-либо видимого улучшения в экономике района, соответственно возрастали и сроки стабилизации. Можно сказать, что оценки сроков стабилизации экономики прямо пропорциональны длительности кризиса: в первые пять-шесть лет кризиса они составляли в среднем те же пять лет на восстановление, теперь, по прошествии десятилетия, эксперты также говорят о не менее чем 10-15 годах восстановления. Даже год после 17 августа 1998, который был повсюду отмечен значительным подъёмом местной экономики, не повлёк за собой роста энтузиазма.

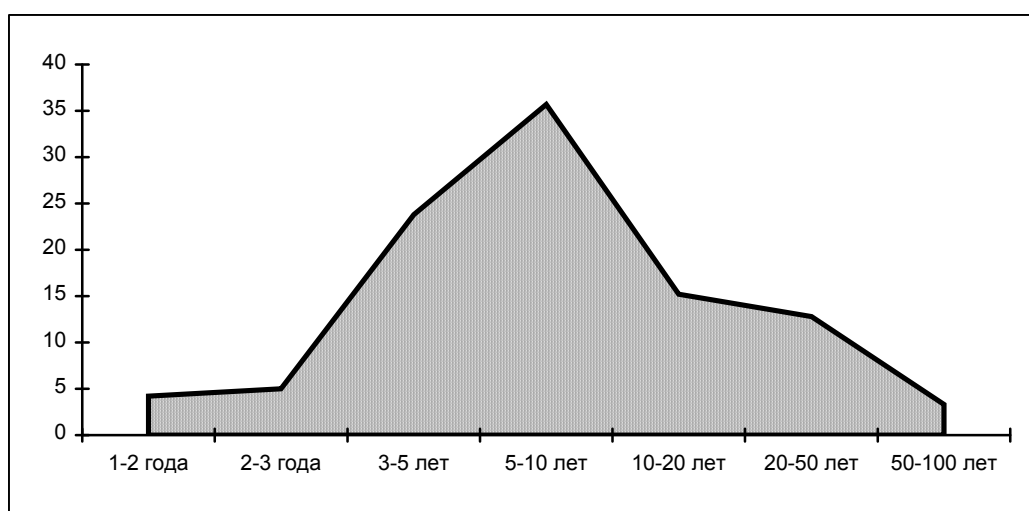

Рис. 4. Экспертные оценки перспектив восстановления и стабилизации экономики регионов. По оси абсцисс - годы, необходимые, по мнению экспертов, для выведения экономики города, района из кризиса. По оси ординат - частота ответов в процентах. Мода и медиана распределения - 10 лет, при среднем 15 лет.

Экономическая активность населения

Занятость и безработица

Хотя официальный уровень безработицы в стране высок, реальная безработица несравненно выше. В малых городах она значительно выше, чем в крупных. Есть населённые пункты, где работу имеют не более 10-20% трудоспособного населения, часто только занятые в бюджетной сфере. Подавляющее большинство населения вынуждено обходиться не только случайными приработками на частных предприятиях, или в теневой экономике (что стало совершенно обычным делом в провинции), но даже таким поиска средств к существованию, как лов рыбы, сбор ягод, кража продуктов питания, скота, птицы и продажа всего этого на

улицах, железнодорожных станциях, вдоль автодорог. Это стало способом заработка не только подростков и женщин, но и взрослых мужчин.

По суммарной экспертной оценке, уровень реальной безработицы составил к середине 1999 г. в малых городах страны в среднем около 40 %; при этом 2/3 экспертов отметили, что уровень безработицы составил в разных городах от 20 до 60%. Эти оценки можно считать вполне достоверными. Они согласуются и с нашими прямыми наблюдениями, проводимыми во время опросов. (Однако при опросе среди респондентов оказалось всего 9-12% неработающих. Среди них 8-9% пенсионеров, которые не работают официально, но вынуждены прирабатывать. Многие из тех, кто указал, что работает, занимается индивидуальной деятельностью, торговлей, заготовками и сбытом, кустарным производством, находится в теневом бизнесе. Люди работают, но не "посчитаны", они как бы вне экономики, вне государственного контроля.¹²⁾

Однако и люди, имеющие работу, в действительности находятся почти в положении безработных, так как зарплата невелика (нередко в два и более раза ниже официально принятой в России черты бедности) и выплачивается с большими задержками. В этих условиях хронической невыплаты зарплаты на государственных и акционерных предприятиях (что нередко происходит по вине местного руководства), на множестве частных предприятий распространилась практика таких же задержек и даже полного отказа от выплаты зарплаты. Уровень официальной безработицы наиболее высок в основных производственных сферах: прежде всего в сельском хозяйстве, особенно пригородном, где нередко были заняты многие жители городов, и во вторую очередь, в строительстве. Более 90% безработных, по оценкам экспертов, в том числе по оценкам официальных лиц. — представители этих отраслей. Никак или почти никак безработица не затронула административно-хозяйственный аппарат, а также сферу образования. Весьма незначительна она на транспорте и в связи. Проблема занятости особенно остро стоит для молодёжи, но не для женщин (что, напротив, типично в крупных городах). Немалая часть женщин заняты в бюджетной сфере, многие самозаняты в домашнем хозяйстве или в сфере частного бизнеса (коммерция и сфера услуг). Молодёжь остро нуждается в работе, чтобы иметь возможность организации досуга, поездок, дальнейшей учёбы, однако в условиях малых городов, где все "тёплые" места распределяются только по благу, а доходных мест нет почти совсем, молодые люди объективно лишены перспектив нормального трудоустройства. Поэтому обычными у молодёжи провинциальных городов стали два способа "заработать": либо воровство, разбой и грабёж, которые почти повсеместно приобрели организованный характер (по отзывам, одиночек, занимающихся криминальным "бизнесом", почти нет), либо совершенно случайные и потому мизерные подработки (в частных фирмах, на предприятиях, выполнение разного рода услуг, неквалифицированных работ).

В отличие от молодёжи, для взрослого трудоспособного населения существует, наравне с проблемой занятости, равно значимая проблема нежелания работать. По оценкам руководителей хозяйств и предприятий, не менее половины их работников не желают работать и стараются всячески избежать работы. Среди таковых много, если не большинство мужчин. Собственно говоря, это потенциальные добровольные безработные. Из них во многом и составлен штат безработных. Объективные причины для такого поведения имеются: несоответствие между объёмом работы и предлагаемой за неё суммой вознаграждения. Это несоответствие вопиюще, поэтому обычный ответ в таких случаях: "я за это время, что работал бы, наловлю рыбы или наношу ягод и продам их в пять раз дороже". Однако такое несоответствие влечёт за собой, как это ни странно, и противоположную реакцию: многие склонны чрезмерно завышать оценки стоимости своего труда. Другими словами, парадоксальной психологической реакцией на заниженный уровень оплаты труда со стороны работодателя оказывается завышенное предложение платы за свой труд со стороны работника.¹³

¹² См.: Плюснин Ю.М. Жизнь вдали от государства // ЭКО, 1999. - № 12.

¹³ См.: Плюснин Ю.М. Социально-психологические составляющие ценностного отношения к труду в современном обществе // Человек. Труд. Занятость – Новосибирск, 1999. – Вып.. 2. - С. 25-39.

Но проблема не только в большом числе людей, не желающих работать. Проблема и в избытке работников вообще, особенно на селе, в меньшей степени в городе. Реальное экономическое состояние небольших городов таково, что нынешний объём производства по силам выполнить всего 1/5 - 1/10 части работников (в сёлах эта доля, практически по всем экспертным оценкам, составляет вообще не более 1/10). По мнению экспертов, десятая часть всего наличного состава работников (но работников трезвых и деятельных) способна обеспечить весь нынешний объём производства.

Проблема занятости в малых городах и сёлах страны приобретает, таким образом, совершенно иной акцент. Оказывается, не плохо, что до 60% и более не имеют работы. Даже для более высокого уровня экономической активности населения достаточно всего 10-20% работников. Остальное трудоспособное население избыточно при данном уровне экономического развития. Встаёт проблема не занятости вообще, а социальной занятости, занятости людей в обществе. Единственным решением (если оставить вопрос о миграции в крупные города) здесь видится повышение индивидуальной трудовой активности людей и высокий уровень их профессионализма. Каков здесь потенциал населения малых городов?

Социально-профессиональный потенциал

Состояние и уровень развития социально-профессионального потенциала городов по оценкам экспертов невысокое. Но при этом оценки качества рабочей силы и активности населения высокие. Так, материально-техническое обеспечение предприятий и организаций неудовлетворительное с точки зрения 59% экспертом, 30% считают его нормальным, и только 11% - достаточным и хорошим. Ещё хуже оценки степени развития производственной базы хозяйств: в 89% её считают неудовлетворительной, только в 8% нормальной, и лишь 3% экспертов считают её достаточно развитой.

Таким образом, по общему мнению, экономических потенциал большинства предприятий городов и хозяйств районов подорван в очень значительной степени. Если экстраполировать экспертные оценки, то допустимо заключить, что лишь 3-4% предприятий и хозяйств могут быть отнесены к категории успешных. Ещё около 10% вполне нормально функционируют. Но не менее 85-90% предприятий и хозяйств находятся в тяжелом и критическом состоянии.

В явном противоречии с этим находится качество рабочей силы и профессиональный уровень работников. Всего 34% экспертов считают его неудовлетворительным, 42% - нормальным, достаточным, а 24% - высоким и очень высоким. На этом фоне высоки и оценки предпринимательской и коммерческой активности населения городов: до половины экспертов считают её высокой или очень высокой.

Существующее противоречие между реальным положением предприятий и профессиональным уровнем работников выливается не только в спад производства, снижение занятости, но в значительное снижение интенсивности труда людей. Интенсивность труда сильно снизилась по оценкам 59% экспертов, осталась нормальной - 30%, и только в 11% ответов сохранила высокий уровень. Эти оценки можно сравнить с нашими аналогичными данными, полученными в то же самое время и на такой же по объёму выборке (415 человек) высококвалифицированных работников в крупном городе: интенсивность труда снизилась у 17%, осталась на том же уровне у 46% и значительно возросла у 37%. Изменения в интенсивности труда, как видно, носят противоположный характер: если в крупных городах напряжённость труда специалистов возрастает, то в малых городах, несмотря на достаточно высокий уровень профессионализма, она упала в очень значительной степени. Только различиями в профессиональном уровне работников это падение не объяснить. Более явная причина этого - спад экономической активности в малых городах, значительно превосходящий таковой в крупных городах.

На фоне тотального развала экономики и падения занятости населения до 1/2 - 1/3 от полного уровня, противоречием выглядят высокие оценки уровня деловой активности людей в малых городах и сёлах страны. В противоположность распространённым стереотипным представлениям (с удивительной охотой и таким постоянством транслируемыми в СМИ) о тотальной лени, безответственности, склонности к пьянству большинства населения страны, эксперты, ежедневно имеющие дело с этим народом и составляющие его часть, совсем иначе оценивают его потенциал.

С учётом того сравнительно небольшого интервала времени, прошедшего с начала "реформ", - всего менее 10 лет, - представляются удивительно высокими оценки уровня предпринимательской и коммерческой активности населения. Лишь менее половины экспертов (47%) считают активность населения в этих сферах невысокой. С точки зрения 27% активность вполне осязаемая, а по мнению ещё 26% она очень высокая. Если сопоставлять эти оценки с теми эпизодическими оценками, которые были получены нами до 1995 г., то можно уверенно говорить, что за 5 последних лет предпринимательская активность населения возросла в несколько раз (что, кстати, вполне согласуется с динамикой ценностных установок населения, изучавшейся нами в эти же годы: постоянно возрастает доля людей, ставящих в качестве первоочередной цели своей жизни задачу индивидуального успеха¹⁴).

На рис. 7 представлены экспертные оценки индивидуальной деловой активности жителей малых городов в разных сферах общественного производства (N=228 экспертов). Как видно, наиболее высокая предпринимательская активность жителей сёл отмечается в торговле ширпотребом, спиртными напитками, в перепродажах вещей, а также в разных формах нелегальной деятельности (при пятибалльной шкале даже средние оценки приближаются к максимальным). Оценивая активность населения в торговле спиртным, 74% экспертов считают её очень высокой, и только 10% - низкой. Практически столь же высока и коммерческая активность населения в торговле ширпотребом: 67% дают высокие оценки, 12% - низкие. Ближе всего к коммерческой активности стоит уровень активности в нелегальной экономической деятельности (теневой экономике): почти половина экспертов (49%) дают высокие оценки, и только 1/4 - низкие (25%).

Все остальные оценки видов активности значительно уступают этим. Однако следует иметь в виду, что это оценки индивидуальной деловой активности горожан, а не сельских жителей. Тогда станет ясно, насколько близко малые города страны по образу жизни населения подошли к сельским поселениям. Ведь в четырёх видах активности, которые относятся к сфере сельского хозяйства, по крайней мере четверть экспертов дали высокие оценки (25% - в заготовках и сбыте грибов и ягод, в охотничьем и рыбном промыслах, 22% - даже в сфере сельскохозяйственного производства), а в торговле продуктами сельскохозяйственного производства - весьма высокие (30%, тогда как только 39% оценили активность сограждан невысоко).

Контрастом такой активности горожан в сфере сельского хозяйства стоят оценки их активности в области строительства и транспортных услуг (от 54 до 57% экспертов дали низкие оценки, и 17-20% - высокие).

При этом практически все эксперты считают, что население городов сейчас остро нуждается в деловых людях, в своих собственных, доморощенных коммерсантах и предпринимателях, и этому надо учиться. Обучение жителей бизнесу считают необходимым около 2/3 (более 60%) респондентов, и лишь менее 1/5 (15-20%) полагают, что в специальном экономическом образовании населения нет нужды.

Таким образом, население малых городов в последние годы значительно повысило экономическую активность и направляется она либо в сферу коммерции (частную мелкую роз-

¹⁴ См.: Плюснин Ю.М., Плюснин В.М., Долматова Г.В. В каком направлении изменяется система ценностей населения современного российского общества? // Гуманитарные науки в Сибири, 1999. - № 1. - С. 71 - 75.

ничную торговлю) - в первую очередь, либо в сферу теневой экономики - во вторую очередь, либо в сферу сельскохозяйственного производства и промыслов - в третью очередь.

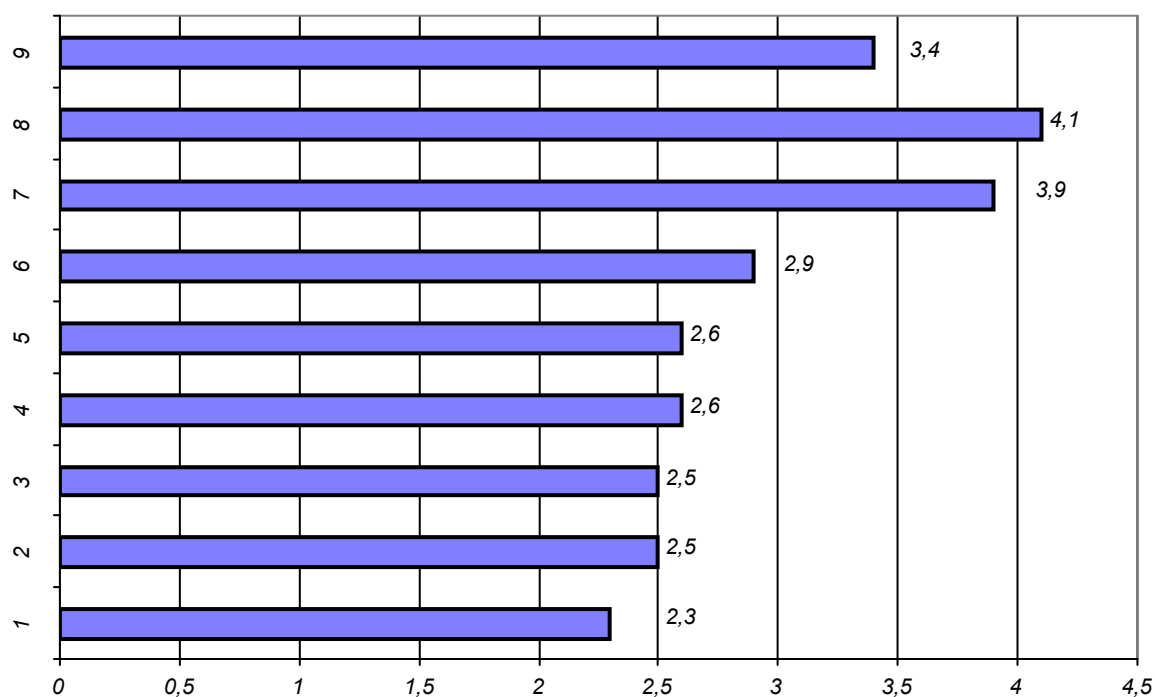

Рис. 7. Оценки уровня индивидуальной деловой активности жителей малых городов в различных сферах общественного производства. 1 — в строительстве; 2 — на транспорте; 3 — в заготовках и сбыте дикоросов; 4 — в охотничьем и рыбном промысле; 5 — в сфере сельскохозяйственного производства; 6 — в торговле продукцией сельского хозяйства; 7 — в торговле ширпотребом, в перепродажах; 8 — в торговле спиртными напитками; 9 - в нелегальной деятельности. Оценки в баллах на оси абсцисс (пятибалльная шкала, где среднее значение - 3 балла).

Новые "модели жизнеобеспечения" локальных сообществ

В целом неблагоприятные для местных сообществ социально-экономические преобразования способствуют разрушению сложившегося хозяйственного уклада и формированию новых моделей жизнеобеспечения. Важнейшими особенностями стратегии поведения сообществ в кризисных условиях оказываются следующие:

- а) тенденция к возврату традиционных неэкономических форм хозяйствования - к возврату от экономики к "натуральной" жизни;
- б) попытка сохранить существовавшие в советское время "производственно-распределительные" отношения, основанные на "экономическом патернализме";
- в) хаотический процесс формирования сиюминутных, ситуативных (и в силу этого неадаптивных) механизмов жизнеобеспечения.

В разных регионах эти процессы имеют как универсальные, так и специфические черты, выявление и описание которых позволяет дать картину развития социально-экономических и социально-психологических процессов в обществе в период его радикальной трансформации.

Одной из существеннейших черт таких процессов является их спонтанный, внезапный и непредсказуемый характер. Новые способы жизнеобеспечения сейчас могут складываться буквально в течение года. Ясно, что они не являются совершенно новыми, но актуализированными в данной ситуации старыми традиционными способами. Поэтому они по сути элементарны, просты, являются теми самыми пресловутыми «соломинками». Тем не менее, даже они выступают некоторого рода «островками стабильности», на непродолжительное время возникающими то тут, то там в кипящей лаве социального катаклизма. Кто знает, может быть, какие-то из этих форм в будущем послужат основой для более развитых систем жизнеобеспечения сельских сообществ.

Там, где сохранились базовые элементы советского хозяйства, психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. Такое приспособление наблюдается повсеместно, особенно в небольших поселениях. В стратегическом отношении оно неадаптивно, но основывается на рациональных мотивах и является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям нестабильной экономической и социальной жизни. Среди многочисленных прежде элементов структуры хозяйственной деятельности предприятий реальную жизнеспособность сохранили очень немногие. Как правило, эти немногие островки жизнеспособной экономики попали под контроль организованных преступных группировок (или связаны с теневым бизнесом). Это со своей стороны является фактором стабилизации, так как позволяет застраховаться (в разных смыслах) от неприятных неожиданностей. Благодаря этому хозяйство или предприятие имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты своим работникам. Величина этих выплат невелика, но достаточно стабильна. Они выступают в виде вспомоществования, благодаря которому люди имеют ещё достаточно времени и на занятия своим собственным хозяйством и разного рода промыслами. Создание подобной любопытной модели жизнеобеспечения - ядра советского предприятия в криминальной облатке - привело к формированию не менее любопытных, если не сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда семья, особенно городская, не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и её члены лишены работы, но может получать регулярное вспомоществование в виде зарплаты, это выглядит как рента от доходов, получаемых в результате теневого бизнеса.

Эта форма, описанная мною на Русском Севере ещё в 1996г.¹⁵ приобрела любопытные вариации на востоке страны. На предприятиях, занятых добычей полезных ископаемых, особенно цветных металлов и золота, большая часть работников превращена в крепостных, если не сказать рабов. Расположенные вдали от транспортных артерий, небольшие города и посёлки постоянно нуждаются в рабочей силе. Тяжёлые условия труда вынуждают людей уезжать и искать лучшей жизни. Хозяева предприятий всеми силами пытаются воспрепятствовать этому, доходя до того, что совсем не выплачивают зарплаты, ограничиваясь выдачей продуктов питания. На счетах населения скапливаются огромные суммы денег, которые они не могут снять и распорядиться по своему усмотрению. Люди оказываются привязанными к месту и предприятию, которое задолжало им огромные суммы и поддерживает их существование натуральным способом.

На юге страны, в регионах с более развитым сельским хозяйством, ситуация сложилась иная, но не менее любопытная. Здесь практически каждый городок и каждое село ориентируется на свой собственный, как правило, в данный период времени единственный, способ жизнеобеспечения. В одном случае это заготовка и продажа сена, дров, угля, в

¹⁵ Плюснин Ю.М. Модели жизнеобеспечения поморского населения русского Севера в современных условиях // Вестник РГНФ, 1997. - № 3. - С. 180-192.

другом - производство мёда, мяса, зерна, в третьем - заготовка и продажа леса или изготовление срубов, в четвёртом - продажа ягод, рыбы, продукции подсобного хозяйства. Выбраны самые простые и наименее трудоёмкие, не требующие сложных орудий или техники виды деятельности, могущие быть осуществлёнными отдельными семьями. В любой момент вид деятельности можно сменить без больших дополнительных материальных или организационно-профессиональных затрат. Ориентация сделана преимущественно на использование природных ресурсов путём их первичной переработки. При переездах от одного города или села к другому это создаёт впечатление многообразия способов жизнеобеспечения. Но по сути - это чрезвычайное упрощение всей системы хозяйствования (особенно если сравнить с советским периодом), сведение былого разнообразия к одному-двум производствам. По большому счёту это не стратегия развития, а вынужденная ситуативная адаптация.

В 1999г. было зафиксировано быстрое развитие процессов на местном уровне, которые можно расценивать как предпосылки появления в будущем ещё одной новой модели жизнеобеспечения. Это формирование экологически ориентированного предпринимательства, причём с инициативой снизу. Практически в каждом небольшом городе появились 1-2 предпринимателя, которые начали вкладывать деньги в экологический и научный туризм, в развитие народных промыслов, привлекая к этому делу наиболее активных, трезвых и дельных мужчин. Повсеместно спонтанно сформировался феномен экологически ориентированного предпринимательства.¹⁶ Та скорость, с какой распространяется эта форма деловой активности населения, она обещает стать важной структурообразующей точкой экономического развития малых городов.

Социально-экономические установки населения малых городов

Исследование экономических ценностных ориентаций населения проводилось с помощью анализа распределений ответов на вопрос о путях нормализации положения в стране и тех мерах, которые могут способствовать улучшению экономики России. Респондентам было предложено оценить (по ранговой шкале на интервале от 0 до 5) значение следующих мероприятий: 1) государственный контроль над ценами; 2) стабилизация (замораживание) цен и зарплаты; 3) усиление государственного контроля над частным бизнесом; 4) полная свобода частного предпринимательства; 5) ограничение ввоза иностранных товаров; 6) привлечение в страну иностранного капитала.

В целом распределение оценок жителей малых городов России полностью совпадает с аналогичными оценками сельских жителей. Частные различия, связанные с типом поселения и числом жителей города тоже несущественны (на этом фоне представляется важным тот факт, что аналогичные установки жителей крупного города (Новосибирск, январь 1999 г.) отличаются весьма существенно, может быть радикально (см. ниже)).

В табл. 9 представлено распределение респондентов по группам с полярными и промежуточными социально-экономическими установками.

Видно, что сравнительно однозначно респонденты настроены в отношении таких мер, как государственный контроль над частным бизнесом и ценами (его считают сравнительно важным фактором от 60% до более чем 80% людей); к такой мере, как замораживание цен и зарплаты распределение отношений прямо противоположное, но не во мнениях одних и тех же людей, а между представителями разных групп, полярных в своих установках. Напротив, в отношении к вопросам свободы предпринимательства, открытости или закрытости экономики страны отчётливо просматривается поляризация установок людей: и обе поляр-

¹⁶ Плюснин Ю.М. Парадокс экологически ориентированного предпринимательства в сельской России: мировоззренческие основания развития цивилизованного бизнеса // Цивилизованный бизнес как фактор устойчивого развития России. - М., 1998.

ные группы, и средняя группа представлены практически равными долями - по 1/3 в каждом случае.

Таблица 9

Распределение жителей малых городов по трём группам (две полярные и промежуточную) по отношению к экономическим мерам, способным улучшить положение дел в стране

Меры, способные улучшить положение дел в экономике	Частота ответов в %		
	Не будут эффективными совсем	Будут эффективны в среднем	Будут очень эффективны
1. Государственный контроль над ценами	17,5	22,6	59,9
2. Стабилизация (замораживание) цен и зарплаты	59,9	25,3	14,8
3. Полная свобода частного предпринимательства	31,7	38,7	29,6
4. Государственный контроль над частным бизнесом	19,0	26,3	54,7
5. Привлечение иностранного капитала	34,5	37,0	28,5
6. Ограничение ввоза иностранных товаров	33,9	34,7	31,4

На какие типы по характеру социально-экономических установок могут быть подразделены жители малых городов?

В январе 1999 г. я проводил аналитическое исследование трудоспособного населения Новосибирска (репрезентативная выборка в 1000 человек). Одним из неожиданных результатов явилось, в частности, то, что по социально-экономическим установкам всё население города однозначно разделилось на 2 почти равные по численности и полярные по установкам группы. Одну из групп численностью 45% составили "государственники", уверенные в том, что усиление роли государства в экономике, наряду с ограничением экономических свобод, является главным условием стабилизации в стране, вторую группу (44%) составили те, кто имеет прямо противоположное мнение. Небольшое число людей (11%) составили промежуточную по установкам группу.¹⁷

В данном же исследовании, которое началось спустя полгода, я ожидал получить аналогичные или близкие результаты. Однако, структура социально-экономических установок жителей малых городов и сёл оказалась не столь однозначной. Ясно, что выборка по 12 регионам даже географически неоднородна. Но ещё большее значение имеет неоднородность, обусловленная фактором селитенности. При анализе всей выборки, включающей как жителей городов, так и жителей сёл, структура социально-экономических ценностных установок не проявляется в чётко очерченных типах. Классификация не позволяет выявить небольшое число хорошо друг от друга отграниченных кластеров. Однако, при выделении подвыборки населения малых городов начинают отчётливо проявляться группы, более или менее однозначно различающиеся по типу установок.

Анализ структуры ответов респондентов из малых городов России с помощью процедуры иерархической классификации позволил выявить две очень чётко различающиеся надкластерные группировки: одна небольшая, состоящая из двух достаточно тесно связанных кла-

¹⁷ Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год. - Новосибирск, 1999. - С. 9-10.

стеров из небольших по численности групп (при использовании быстрого метода классификации, "K-mean cluster analysis", обе группы объединяются в один кластер), другая группировка объединяет 3-4 кластера (два небольших и независимых кластера и два тесно связанных между собой наиболее крупных кластера). Структура взаимных связей между группами кластеров представлена в виде дендрограммы на рис. 8.

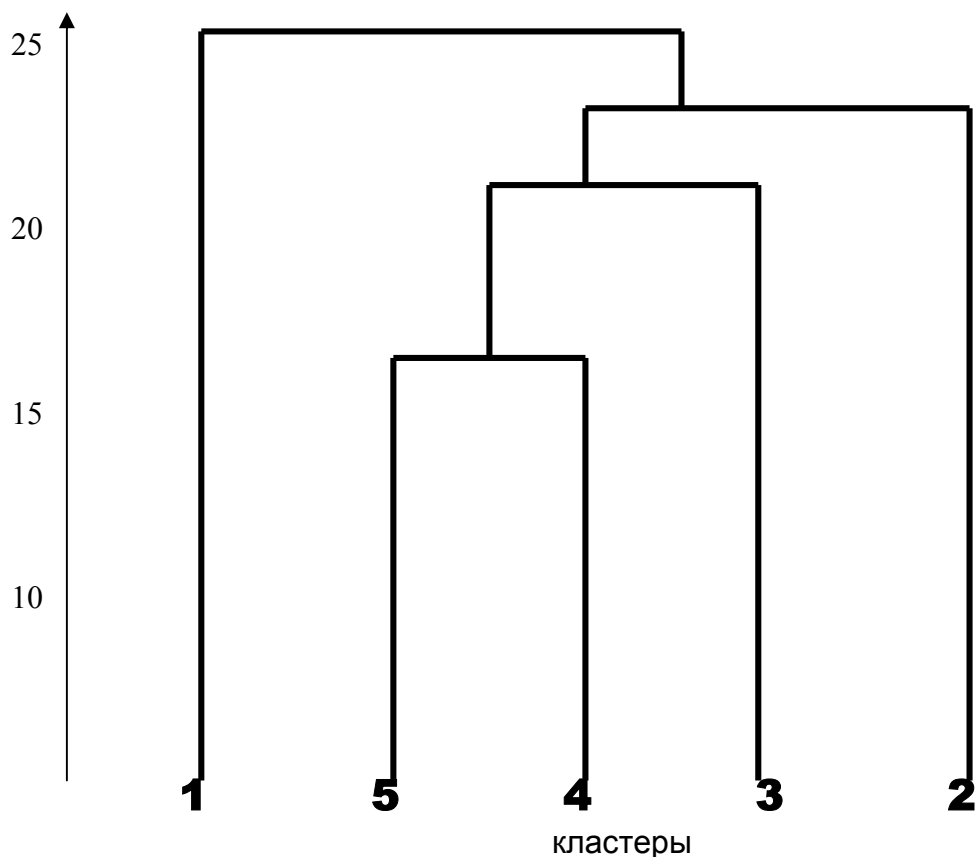

Рис. 8. Дендрограмма, построенная по данным иерархического кластерного анализа выборки малых городов по шести социально-экономическим установкам (описаны в тексте). По оси ординат - дистанция (евклидово расстояние) между кластерами. Номера кластеров соответствуют номерам в тексте и на рис. 9.

Содержательный анализ различий социально-экономических установок населения малых городов показывает, что действительно среди 4-5 вполне различных и близких по численности групп индивидов с разными установками, особо выделяется одна группа (обозначенная как группа 1; представители её составили 20,5% от общей численности городских жителей). Она более других однородна и наиболее удалённая от остальных в силу особого характера и направленности установок. Её представители выступают за радикальную либерализацию экономики при одновременном снижении контролирующей и регулятивной роли государства.

Индивиды, входящие в остальные четыре группы, сходны между собой в признании необходимости контролирующей роли государства в экономике как условия её стабилизации (преимущественная важность государственного контроля над ценами и контроля частного бизнеса). Далее всех относительно первой "либеральной" группы удалены по установкам индивиды (это хорошо видно на рис. 8; группа 2, доля 17,4%), которые только два этих указанных фактора считают важными, все остальные - нет. Усиление контролирующей функции государства представители этой группы считают достаточным для восстановления экономики.

Ближе всех ко второй группе располагается третья (21% численности), представители которой делают ставку на контролируемую роль государства в экономике в ещё большей степени. Кроме того, они ориентированы также на экономическую изоляцию. Последние, четвёртая и пятая группа, одинаково равные по численности (22% и 19%, в сумме 41%) сходны между собой по всем установкам, кроме одной: отношения к стабилизации (замораживанию) цен и зарплаты. Первые (группа 4) считают данную меру, наряду со всеми прочими факторами, важным условием стабилизации, а вторые (группа 5) рассматривают замораживание цен и зарплаты как фактор негативный для развития экономики страны. По всем остальным факторам оценки представителей 4 и 5 групп сходны: на первый взгляд кажется, что это "максималисты", полагающие, что как усиление контроля со стороны государства, так и увеличение экономических свобод, наряду с ростом открытости экономики, - всё будет способствовать улучшению и процветанию. Однако точнее было бы определить их как людей, весьма смутно представляющих себе значение и роль разных факторов в экономическом развитии.

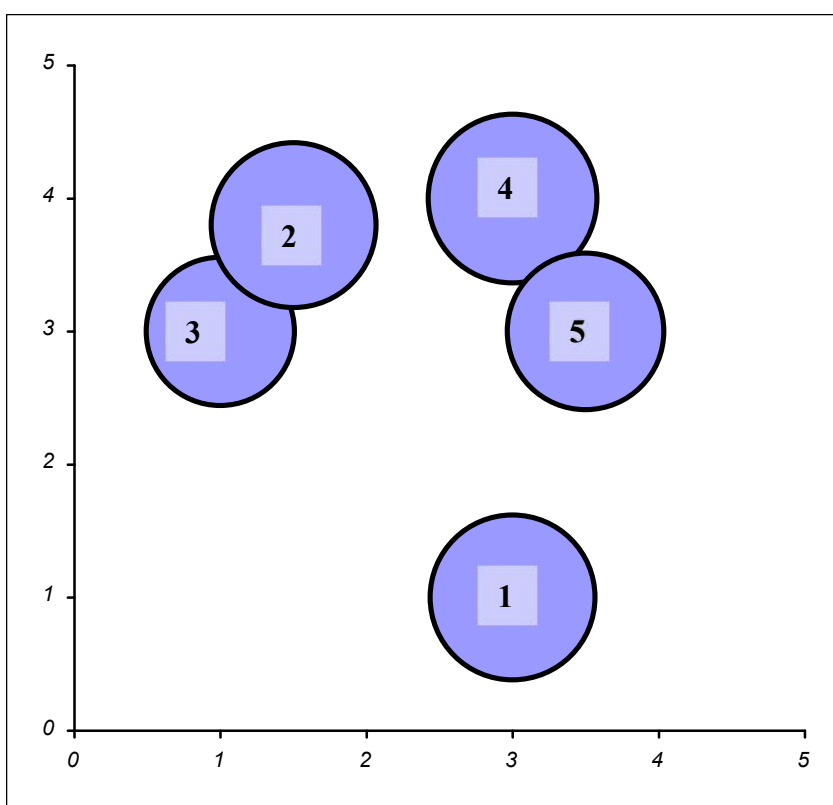

Рис. 9. Взаимное расположение пяти выделенных кластеров индивидов с разными социально-экономическими установками в системе координат "либерализация" (ось абсцисс: суммированы параметры "полная свобода частного предпринимательства" и "привлечение иностранного капитала") и "государственный контроль" (ось ординат: суммированы параметры "государственный контроль цен", "замораживание цен и зарплаты" "усиление государственного контроля над частным бизнесом", "ограничение ввоза иностранных товаров"). Площадь кружков соответствует относительной величине групп, координаты их центров - усредненные значения центров, соответствующие исходной ранговой шкале (ранги в интервале от 0 до 5). Номера кружков - номера описанных в тексте кластеров.

На рис. 9 схематично представлено взаимное расположение выделенных групп индивидов по осям "либерализация экономики" (ось абсцисс) и "государственный контроль экономики" (ось ординат). Видно, что за сугубо либеральную, полностью свободную от государственного контроля экономику выступает только 1/5 часть горожан. В два раза больше людей (2/5) выступают за экономику, находящуюся под исключительным государственным контролем. И столько же респондентов (2/5) считают, что все (или почти все) меры - и государственное регулирование, и рост частной инициативы, и открытость - дадут результат.

Налицо, таким образом, достаточно сложная кластерная структура социально-экономических установок населения городов (см. также рис. 8). Особняком стоит группа "либералов". Надкластерная группировка (сравнительно большая ориентация на государственный контроль экономики) из четырёх кластеров образована двумя группами по два кластера каждая: первая пара кластеров (2 и 3) - исключительные "государственники", вторая пара кластеров (4 и 5) - не определившиеся "максималисты", для которых хороши все средства, лишь бы они помогли в улучшении экономики.

Достаточно хорошо видно, если сравнить характер отношений между кластерами на рис. 9 с кластерной структурой социально-политических установок (рис.), насколько сходно распределяются респонденты по типам и социально-экономических, и социально-политических установок. От 70% до 80% всех жителей малых городов имеют установки, ориентированные на сильную государственную власть и государственный контроль экономики. Лишь от 20% до 30% людей демонстрируют либеральные и рыночные установки. Сопоставляя с населением крупного города, видим, насколько шире распространены здесь либеральные установки сравнительно с малыми городами провинциальной России.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ

Социально-психологическое состояние населения является важным признаком не только благополучия всего общества, но и фактором, в значительной степени определяющим социальные ценностные установки людей (в частности, экономические и политические установки), изменения в содержании обыденного сознания, а также сдвиги в мировоззрении. Психологическая характеристика населения включает в себя следующие параметры: 1) приспособленность людей к новым социальным и экономическим условиям жизни; 2) планирование людьми своего будущего в трудовой сфере и в личной жизни; 3) повседневное настроение и эмоциональное состояние людей; 4) оценка респондентом эмоционального состояния своих близких и соседей; 5) уровень эмоционального стресса в популяции; 6) качество отношений между людьми в их непосредственном окружении; 7) наличие моральной и материальной поддержки между членами сообщества; 8) степень социального неблагополучия в локальном сообществе (распространенность отклоняющихся форм поведения - алкогольной аддикции и антисоциального поведения) и социальный стресс; 9) уровень социальной напряженности в обществе.

Адаптация к новой жизни

Значительная часть наших соотечественников, несмотря на десятилетие перемен, всё ещё никак не может приспособиться к "новой жизни". Слишком уж мала доля тех людей в обществе, которые считают себя хорошо или вполне адаптированными к нынешним экономическим и даже социальным условиям. Обычно учёные, не располагающие эмпирическими данными о мнениях и самооценках людей, предполагают, что сейчас в российском обществе около 1/5 населения хорошо адаптированы к новой жизни ("фавориты"), примерно 1/5-1/4 - плохо ("аутсайдеры"), а остальные же 1/2 - 3/5 находятся в неопределённом переходном состоянии.¹⁸

Между тем, по моим наблюдениям, основанным на ежегодных опросах населения "провинциальной", а не столичной и не городской России, картина оказывается гораздо безрадостнее. Если суммировать данные социологических наблюдений за все последние 5 лет (1995-99 гг.), то ситуация выглядит следующим образом. Только не более чем один из каждых десяти человек (1/10, а отнюдь не 1/5 часть населения) считает, что он - в "фаворитах" новой жизни и уже к ней вполне приспособился. Никак не могут к ней приспособиться не менее чем 5-6 человек из каждых десяти (3/4, а не 1/4 "аутсайдеров", как обычно думают; но, правда, только около 10% людей считают, что они уже вовсе не способны усвоить новые правила игры). Оставшиеся 3-4 человека из каждых десяти (от 1/3 до 2/5) находятся в том неопределённом состоянии, когда они сами ещё не знают вполне, приспособились ли за десять лет они уже к этой жизни, или всё ещё нет. В приводимой ниже табл. 10 по каждому году суммированы данные моих социологических исследований, проведенных в основном в городах и селах Западной Сибири.

¹⁸ См., напр.: Природа, 1999. - № 1.

Таблица 10

Чувство приспособленности людей к новым социальным и экономическим условиям жизни (ответы в %)

Уровень приспособленности к новым условиям жизни	1996 N = 1027	1998 N = 708	1999 N = 953
Хорошо адаптируюсь	6,6	6,7	9,5
Средне	47,4	36,6	36,0
С трудом адаптируюсь	36,0	34,3	39,9
Совершенно не приспособлен	4,4	10,9	11,4
Затрудняюсь ответить определенно	5,6	11,5	3,1

В 1999 г. жители провинциальных городов следующим образом распределились в оценках собственной приспособленности. Лишь 7,2% считают себя "фаворитами", полагая, что они в целом хорошо адаптировались к новым условиям. Средний уровень собственной приспособленности признают у себя менее 40% опрошенных (39,5%). Трудности адаптации к новым экономическим и социальным условиям отмечают почти такое же число респондентов - 37,8%. И 11,8% считают, что они совершенно не адаптировались почти за 10 лет новой жизни. Как видно, данные, полученные для жителей малых городов России, почти полностью совпадают с данными опроса на начало года жителей третьего по величине города страны.

Какие категории людей лучше или хуже чувствуют себя в новых условиях? Из очевидных и ожидаемых корреляций можно отметить только три (при этом статистический уровень значимости коэффициентов корреляции весьма невелик). Сравнительно хуже мужчин приспосабливаются женщины, люди старшего возраста по сравнению с более молодыми, те, кто находится в разводе или вдов по сравнению с состоящими в браке или неженатыми (незамужними).. Против ожиданий, на самоощущение лучшей или худшей приспособленности людей не влияют ни уровень образования, ни социально-профессиональный статус человека. Не имеет значения также то, в какой сфере общественного производства и секторе экономики человек трудится.

В целом оказывается, что каждый второй взрослый житель России не чувствует себя достаточно приспособленным к той жизни, какой мы теперь живем. Средняя адаптированность - это ведь просто значит: кое-как приспособился. Таким образом, есть основания думать, что до 90-95% простых людей в стране не только не чувствуют себя "хозяевами жизни", но даже и рассчитывающими на мало-мальский успех её участниками. Объяснить это можно множеством причин. В том числе одна из первых и самая очевидная - экономическая. Действительно, чувство плохой или полной неприспособленности человека к новым условиям теснейшим образом связано с его оценкой низкого уровня жизни своей семьи ($r = 0,386$; $N = 989$; $p < 0,0001$). В таком же отношении с самооценкой приспособленности находится и оценка человеком нормального (желаемого) уровня душевого дохода в рублях: чем выше приспособленность, тем большее количество денег считает человек нормальным для жизни ($r=0,115$; $N=974$; $p<0,001$).

Однако, помимо безусловно очевидных экономических причин, следует указать и на далеко не столь очевидные причины психологического характера. Оценка человеком своего повседневного эмоционального состояния находится в очень тесной зависимости от чувства приспособленности к новой жизни ($r=0,332$; $N=991$; $p<0,0001$). Можно, конечно, предполагать, что плохая приспособленность является причиной плохого душевного состояния. Но мне представляется, что это взаимообусловленные состояния. Подтверждением этому может служить тот факт, что люди с плохой приспособленностью хотя и находятся в подавленном эмоциональном состоянии, однако их оценки настроения других, близких им людей значительно более оптимистичны, чем соответствующие оценки людей с чувством хорошей при-

способности. Другим, столь же важным психологическим фактором оказывается поддержка человека его близкими: люди с относительно худшими самооценками приспособленности указывают, что они получают большую поддержку близких, сравнительно с тем, какую поддержку близких получают более адаптированные люди. Это дает мне основание заключить, что чувство приспособленности человека к новой жизни в не меньшей мере обусловлено психологическими факторами, чем экономическими условиями его жизни. Печальным представляется мне тот важный факт, что на протяжении всего почти десятилетнего периода в российском обществе несколько не увеличивается число людей, которые считают себя адаптировавшимися к новой жизни. Их доля при опросах, проводившихся мною начиная с 1994, остаётся в пределах всего 5-10%. Но не уменьшается в обществе и число тех людей, кто считают себя вовсе неспособными "встроиться" в новые экономические и социальные отношения. Их хотя и немного – всего один из каждых десяти жителей, но, несомненно, это отчаявшиеся люди. И доля их даже несколько возрастает. В целом до половины людей не чувствуют себя в своем обществе нормально и благополучно. Общее же число людей, чувствующих себя более или менее - хорошо и средне - приспособившимися к новой жизни, с течением времени не возрастает, а даже несколько сокращается: с 54% в 1996г. до 43-44% в 1998г. и 1999г.

А ведь простая схема рассуждений как раз предполагает, что по мере "входа в рынок" всё большее и большее число людей будут чувствовать себя в новых социально-экономических условиях комфортно. Может быть, этого и следовало бы ожидать, если бы реформы были непродолжительны, позитивны и способствовали, в конечном счёте, стабилизации общества. К сожалению, хаос реформ и полная неопределенность будущего побуждает людей к выбору стратегий поведения, которые только в краткосрочной перспективе бывают адаптивными, а даже на отрезках времени в один-два года оказываются неадаптивным, случайным броуновским блужданием. Отсюда и отсутствие чувства приспособленности. Люди хорошо понимают это, видят, как "внешняя жизнь" в форме противоречивых законов и государственных директив подбрасывает им всё новые сюрпризы, один другого неприятнее, и потому отнюдь не уверены, что то оружие, которое они выбрали сегодня для борьбы за своё существование, завтра окажется столь же пригодным, как сегодня.

Планирование личной и трудовой жизни

В случае изучения такого психологического феномена, как планирование людьми своего будущего, мои наблюдения дают в целом весьма пессимистическую картину того, насколько резко сократились в глазах людей перспективы их личной жизни и работы. По оценкам социальных психологов, в советский период простой человек планировал своё будущее в среднем обычно на 1-3 года, немалое число людей и на сроки в 5 и более лет. Развитие кризиса, появление и рост безработицы и неплатежей населению со стороны государства, когда каждый оказался перед реальной угрозой утраты всех средств к существованию, привели к тому, что начиная, по-видимому, с 1991-92 (по эпизодическим наблюдениям. регулярные же наблюдения начались только с 1994 г.), обычное планирование людьми своей жизни и работы стало быстро и резко сокращаться. К 1993-94 планирование, особенно трудовой деятельности, сократилось у большинства людей до месяцев и недель (причём не только, например, у заводских рабочих или жителей сёл, но даже у профессиональных учёных). Можно совершенно уверенно говорить, что жизненные перспективы людей сократились сразу на порядок в течение очень короткого отрезка времени. В последующем, к 1996-98 гг. наблюдался медленный, но постоянный рост перспективного планирования жизни и работы. В некоторых социальных группах средние оценки перспектив приближались к 8-10 месяцам и 1 году. Однако, в 1998 - начале 1999 жизненные перспективы людей вновь стали призрачными, вновь резко сократились, и сейчас ситуация подобна той, что была в 1994. Приблизительная динамика жизненных планов людей (данные получены частью в пилот-

ных исследованиях, частью в аналитических социологических исследованиях, причем на разнородном материале, поэтому иллюстрация носит самый общий характер) приведена на рис. 10.¹⁹

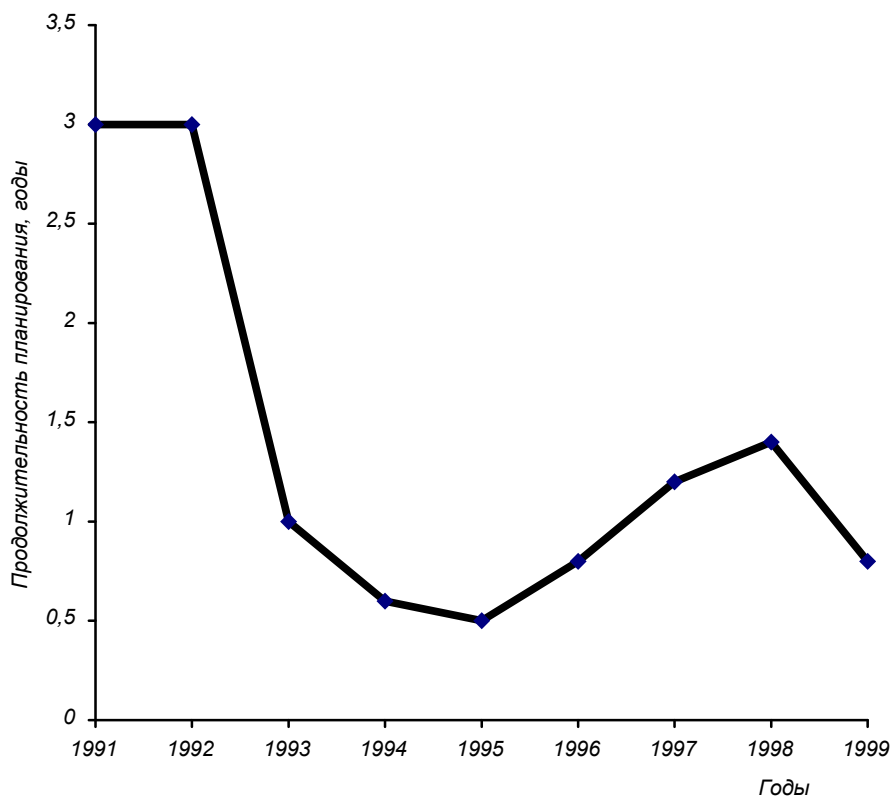

Рис. 10. Схематичное представление средних сроков перспективного планирования людьми своей жизни в 1992 - 1999 гг. Суммированы данные исследований разных лет.

Приведу в дополнение к этой схеме некоторые фактические данные, обобщающих несколько разных исследований городского населения за два последних года (1998-99 гг.). До половины населения (более 49%) совсем отказываются как-то планировать свою жизнь и ещё 15% планируют её не далее, чем на 1/2 года. Получается, что практически 3/4 населения не видят сейчас для себя лично никаких перспектив в сложившихся и складывающихся социальных, политических и экономических условиях. Только 1/4 часть населения оценивает свои жизненные перспективы как нормальные (от 1 до 3-5 лет) или продолжительные (от 5-10 и более лет).

С трудовыми планами дело обстоит хоть немного получше, чем с личными перспективами. Здесь 1/3 людей (36%) отказывается вообще как-то планировать своё будущее, и ещё 14% планируют трудовую активность не далее, чем на месяц и всего до полугода. В сумме это ровно половина населения. Из оставшихся треть населения (34%) просматривает перспективы своих трудовых планов на отрезках от 1 года до 3-5 лет, а 12% людей - ещё дальше. Как выстраивают свои жизненные, личные и трудовые, планы жители малых городов?

¹⁹ См.: Плюснин Ю.М. Лишние люди в науке. Опыт социально-психологического расследования // Науковедение, 1999. - № 1. - С. 7-19.

В табл. 11 приведены численные значения частоты выбора горожанами тех или иных сроков планирования своей жизни. Отсутствие планов или их чрезмерная краткосрочность (до полугода) почти у 43% горожан. Еще от 1/5 до 1/4 (23%) затрудняются вообще что-то сказать о своих личных планах. Таким образом, 2/3 населения (66%) имеют явно недостаточные сроки планирования своей жизни. Нормальные сроки планирования отмечаются только у 1/3 людей. Видно, что продолжительность планирования к середине года несколько возросла, если сравнивать полученные данные со средними за 2 предыдущих года сроками. Такова ситуация и с планированием людьми трудовой жизни: Почти 30% отказываются планировать, еще 14% имеют слишком краткие, до полугода, планы. Затрудняются ответить о своих планах 20%. Всего, таким образом, те же 2/3 людей не имеют перспектив. Из тех оставшихся 1/3, кто планирует на сроки от 1 года до 10 и более лет, половина (14%) имеют трудовые планы всего не более, чем на 1 год вперед. Таким образом, перспективное планирование в сфере трудовой жизни у жителей малых городов значительно сокращено сравнительно с вышеприведенными данными: число людей с нормальными (т.е. продолжительностью более 1 года) сроками планирования сократилось с 1/2 до 1/3.

Таблица 11

Распределение ответов жителей малых городов о сроках планирования своей трудовой и личной жизни (частота ответов в %%)

Сроки планирования будущего	Трудовая жизнь	Личная жизнь
Вообще не планирую свою жизнь	23,7	29,9
Затрудняюсь ответить определенно	19,6	22,7
Не более чем на 1-3 недели	6,0	6,3
На срок от 1 до 3 месяцев	4,4	3,0
До полугода (на 4-6 месяцев)	6,0	3,4
На срок до 1 года	14,1	9,0
На 1-2 года	5,4	2,0
На 2-3 года	3,9	2,5
На 3-5 лет	4,9	2,8
На 5-10 лет	4,8	4,1
Более чем на 10 лет	7,3	14,4

Резкое сокращение сроков планирования своей жизни является, на мой взгляд, одним из самых важных маркеров социальной нестабильности. Как только нестабильность возрастает, сроки перспективного планирования в массовой части общества начинают сокращаться. Те значения жизненных перспектив, которые я фиксирую в среде простых людей, свидетельствуют о глубине психологического кризиса общества.

Оценка психологического статуса населения

Люди всегда хотят спокойствия и стабильности. И то, что сейчас в России большинству из нас приходится непрерывно выдумывать многочисленные, разнообразные, но по своей сути и содержанию простейшие стратегии выживания, тактики борьбы за существование, раздражает и дезориентирует многих. Непосредственной реакцией на это оказывается снижение эмоционального статуса, фона повседневного настроения людей.

Общество и его члены чувствуют себя плохо. Это все знают. Но насколько плохо? Здесь социологи, психологи, врачи практически сходятся во мнении и в численных оценках. Как

самооценки людьми своего собственного повседневного эмоционального состояния, так и их оценки преобладающего настроения близких (родственников и членов семьи), соседей и коллег по работе крайне пессимистичны. Если дифференцировать их по критериям уровня эмоционального стресса,²⁰ то доля лиц в психологически благоприятном состоянии приблизится к 1/10 - 1/20, а почти 1/3 окажется имеющей тот или иной уровень хронического напряжения. Это оценки самих людей, но они адекватны независимо полученным объективным данным²¹.

По моим собственным наблюдениям населения городов в 1999 году при опросах людей о их повседневном эмоциональном настроении, только один человек из каждых двадцати (если точнее по всей выборке, то менее 5%) отвечает, что он обычно находится в хорошем или прекрасном расположении духа. Естественно, что это одновременно почти все те люди, которые считают себя более или менее удачно приспособившимися к новой жизни, чувствующие поддержку близких. Только 26% людей по их собственным оценкам пребывают в нормальном психологическом состоянии. Таким образом, в сумме лишь около 1/3 членов общества чувствуют сейчас себя нормально или хорошо, другими словами, не испытывают эмоционального стресса. А 2/3 людей (около 68%) оценивают своё душевное состояние пессимистично, причём 12% считают, что они находятся в крайне тяжелом эмоциональном напряжении (см. рис 11)

Однако те же самые люди, характеризуя настроение близких людей из своего непосредственного окружения, дают ещё менее благоприятные оценки. По их мнению, только один из каждых 14 близких им людей (всего это составляет около 7%) живёт с уверенностью в будущем и с оптимизмом в душе. Шестеро из каждых десяти (62%) - испытывают напряжение и неуверенность, а каждый третий (около 33%) находится на грани нервного срыва (респонденты описывают их состояние такими словами, как тревога и страх, раздражение и агрессия, апатия и тоска). В табл. 12 приведены значения оценок (в процентах) респондентов повседневного настроения своих близких.

Неблагоприятный рост уровня эмоционального стресса в российском обществе стал наблюдаться практически сразу с началом реформ (правда, в то время мои исследования этих аспектов носили эпизодический характер). К 1995-1996 годам эмоциональное напряжение достигло, по-видимому, самых неблагоприятных значений. По ряду наблюдений, если говорить медицинским языком, в состоянии острого эмоционального напряжения находилось от 1/2 до 2/3 населения, а в хронической фазе, чреватой развитием самых разных соматических заболеваний и нервно-психическими нарушениями, - от 1/5 до 1/4 и более людей. Со временем в процессе психологической адаптации стала уменьшаться доля людей, имеющих острое эмоциональное напряжение, постепенно они переместились в ту часть популяции, для которой характерна адекватная эмоциональная реакция на стресс. Однако доля популяции с патологическим характером эмоционального реагирования на стресс, характеризующимся застойными явлениями, составляет и сейчас не менее 1/3. Говоря патетически, до трети населения страны находится на грани срыва, и еще почти 2/3 испытывают острый стресс. Лишь единицы чувствуют себя благоприятно. Такова горестная реальность.

²⁰ По которым непосредственное эмоциональное реагирование на неблагоприятные ситуации (острый стресс) характеризуется такими признаками как «неуверенность в завтрашнем дне», «постоянное напряжение», «беспокойство», а эмоциональное реагирование затяжного, хронического характера (хронический стресс) – такими как «тревога», «страх», «раздражение», «агрессия», а с признаками невротического синдрома - как «пессимизм», «тоска», «апатия», «безысходность» (см.: напр.: Леутин В.П., Николаева Е.И. Психофизиологические механизмы адаптации и функциональная асимметрия мозга. – Новосибирск, 1988. – 193 с.).

²¹ См., напр.: Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б. Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек, 1997. -- № 1. – С. 19 – 33.

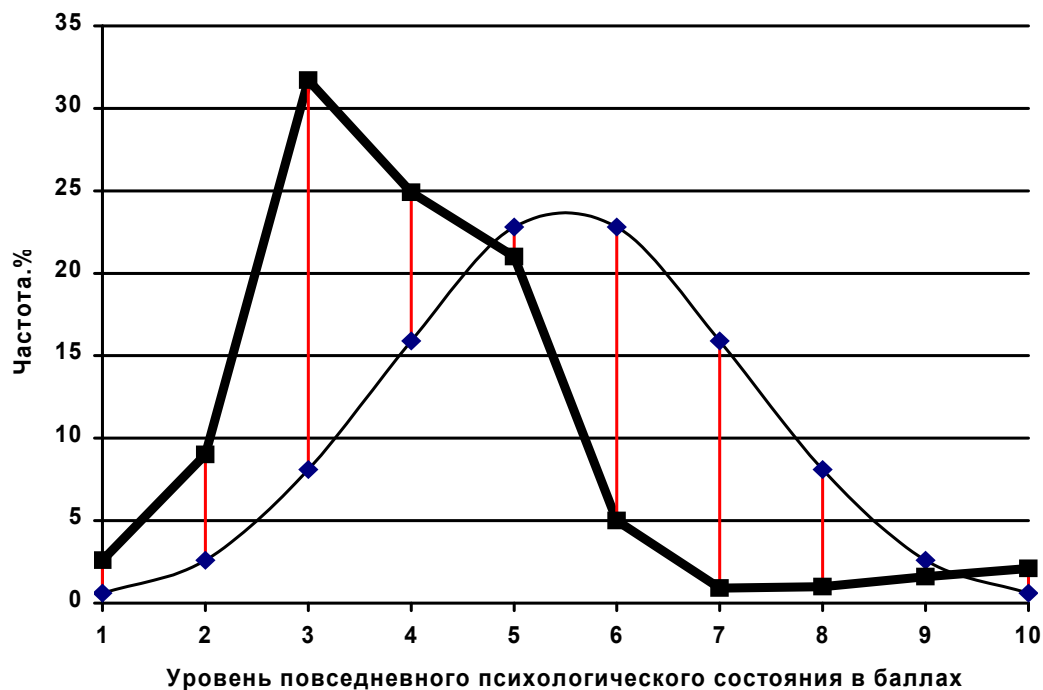

Рис. 11 Уровень повседневного настроения людей. Жирная кривая очерчивает площадь наблюдаемого распределения ответов респондентов о их эмоциональном состоянии, а тонкая сглаженная – ожидаемое нормальное распределение. Минимаксные линии отражают степень отличия между распределениями. Уровень настроения представлен в баллах: 1-4 - разные степени неблагоприятного состояния от очень тяжелого до "ниже среднего"; 5-6 - нормальное психологическое состояние; 7-10 - разные степени благоприятного настроения, от хорошего до превосходного.

Таблица 12

Характеристика эмоционального состояния родных и близких респондента

Характеристика	Доля, %	
Благоприятное (нормальное) состояние	Оптимизм,	3,7
	Уверенность	3,1
Острый эмоциональный стресс	Неуверенность	27,1
	Напряжение	23,1
	Беспокойство	11,1
Уровень невротического реагирования (хронический стресс)	Тревога и страх	8,4
	Агрессия и раздражение	8,1
	Пессимизм и тоска	6,5
	Апатия и безысходность	9,6

Отношения между людьми

Непосредственные отношения людей в ближайшем социальном окружении крайне важны как для индивидуального эмоционального состояния человека, так и для успеха его деятельности. Поэтому мне представляется важным получить оценки людьми качества отношений между соседями и родственниками.

Важнейшей характеристикой качества отношений между родственниками может служить степень взаимной поддержки между ними - как психологической, так и материальной. Качество же отношений между соседями может быть оценено непосредственно по ранжированной шкале - от "прекрасных" и "хороших" до "плохих" и "невыносимых".

Респонденты оценивали качество простых обычных отношений между людьми в городке, или в отдельном районе города, где они живут. Люди повсеместно отмечают, что простые соседские отношения между ними, несмотря ни на какие трудности и катаклизмы, которые несёт им "внешняя" жизнь в виде политических, экономических потрясений и катастроф, остаются нормальными, душевными. Соседская община, будь то небольшое село или городок, сохраняет сплоченность, взаимный альтруизм людей, готовность их помочь друг другу. В табл. 13 приведено распределение ответов респондентов на вопрос о том, каковы с их точки зрения повседневные отношения между людьми в их городе или районе города. Видно, насколько мала доля тех, кто считает эти отношения плохими или невыносимыми. Не велико число и таких респондентов, кто отмечают, что отношения между людьми трудные, не совсем нормальные. Если суммировать долю людей с таким мнением, то она составит только 1/5 часть - 21%.

Напротив, 2/3 отмечают, что отношения между людьми в локальном сообществе носят нормальный характер, а ещё 15% считают, что они хорошие или прекрасные.

Таблица 13

Качество неформальных повседневных отношений между людьми в локальных сообществах малых городов. Распределение оценок респондентов (в %).

Отношения	Частота ответов, %
Невыносимые	0,9
Плохие	2,3
Трудные	17,9
Нормальные	64,0
Хорошие	12,3
Отличные	1,2
Прекрасные	1,3

Какими особенностями поведения и социальных установок характеризуются те респонденты, чьи оценки ниже нормальных, средних? В этой группе объединились люди, в среднем ничем не отличающиеся от остальных (только сравнительно более старшего возраста, 41,4 года). Несколько больше людей, недовольных отношениями, живет в городах с числом жителей 20-50 тысяч.

Среди этих людей по сравнению с теми, кто оценивает отношения как нормальные и хорошие, существенно меньше имеющих значительную поддержку от своих близких и, соответственно, почти вдвое больше тех, кто считает себя одиноким или не имеет никакой поддержки (таких среди них почти 30%). Соответственно, и их оценки повседневного настроения окружающих значительно более пессимистичные, чем у тех, кто позитивно оценивает межличностные отношения в своём кругу. Эти люди также чувствуют себя хуже приспособленными к новой жизни: более 2/3 из них с трудом или совсем не могут приспособиться

(доля людей с аналогичной самооценкой приспособленности в среднем составляет 49%). Естественно, что и психологический статус этих людей крайне неблагоприятен: 87% из них чувствуют себя плохо. Иными словами, люди, считающие, что межличностные отношения в их непосредственном социальном окружении плохи, скорее всего сами испытывают психологические трудности, не чувствуют себя достаточно "укорененными" в своем окружении.

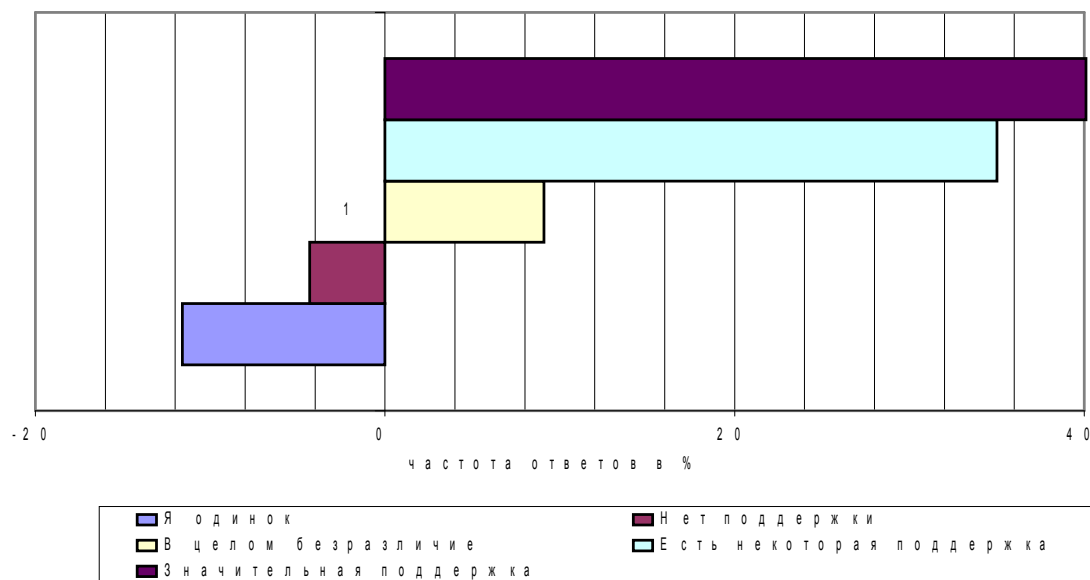

Рис. 12. Распределение респондентов по степени поддержки их со стороны близких

В целом благоприятное качество отношений в соседской общине - правило для нашего общества. Все годы реформ люди сохраняют искренние, доброжелательные отношения друг с другом, несмотря на множество трудностей и проблем, выпавших на долю каждого. И это следует рассматривать как фактор стабилизации и консолидации социальных отношений. Почти такая же ситуация наблюдается и в отношении оценок людьми степени поддержки их со стороны своих близких. Это в равной степени как моральная (психологическая), так и материальная поддержка. В нашем обществе (конечно, прежде всего, в среде простых людей), не в пример западному обществу, человек располагает очень большой моральной, душевной и материальной поддержкой со стороны близких. Это ведь очень важно знать, что ты не пропадёшь, если что, что немало людей придут тебе на помощь, вытянут из пропасти. Сколько людей уверены в помощи и поддержке со стороны своих близких? По моим наблюдениям (см. также рис. 12), это не менее 3/4 (75%) людей. Очень значительную поддержку имеют 40% людей, еще 35% хотя и имеют поддержку и сочувствие со стороны близких, но она представляется им недостаточной. Безразличное отношение близких чувствуют по отношению к себе 9%. Только один из каждых двадцати человек (4%) признаётся, что от своих близких он не получает никакой помощи, а скорее помехи. Всего лишь 10-12% взрослых людей в нашем обществе чувствуют себя одинокими, что в несколько раз меньше, чем в современном западном обществе (например, в Западной Европе до 40% взрослых людей считают себя одинокими).

Если разделить респондентов на две полярные группы по получаемой поддержке - на те 40%, что защищены ближайшим своим окружением, и на совокупную группу тех, кто оди-

нок или не имеет никакой поддержки (16%), то между ними выявляются весьма значительные различия не только психологического порядка.

Во-первых, между этими группами есть определенные демографические и социально-профессиональные различия. В первой группе ("защищенных" окружением близких) существенно больше женщин, чем мужчин (61% против 39%), тогда как во второй ("одиноких" и "незащищенных") соотношение такое же, как во всей выборке (54% женщин и 46% мужчин). И по возрасту люди во второй группе старше. Среди них больше разведенных и вдов (последних больше в 4 раза) Представители второй группы имеют более низкий уровень образования. Среди них в 3 раза больше тех, кто потерял работу.

Как ни странно, в небольших городах, численностью до 10 тыс. жителей, представителей второй группы половина (51%), тогда как представителей первой - только 1/3 (33%). Можно было бы ожидать скорее обратного соотношения.

Естественно, что "защищенные" чувствуют себя более адаптированными к новой жизни по сравнению с "одинокими" (соотношение хорошо и средне приспособленных сравнительно с плохо приспособленными в первой группе составляет 56% к 44%, а во второй - 33% к 66%). В оценке своего уровня жизни более половины "одиноких" относят себя к живущим на черте бедности (52%), и всего 15% - к живущим на среднем уровне, тогда как среди "защищенных" представителей тех и других, соответственно, по 30%.

Оценки психологического состояния других людей и собственного повседневного настроения у тех и других сильно различаются: по сравнению с общим характером оценок "защищенные" гораздо большие оптимисты, а "одинокие", наоборот, глубоко пессимистичны. Это определенно отражается и на планировании людьми своего будущего: среди "одиноких" много больше тех, кто отказывается вообще определять планы на личную жизнь и работу. Они пессимистичнее характеризуют моральную и криминальную ситуацию в своем городе, экономическую и политическую обстановку в целом.

Можно предполагать, что как раз социально-психологические факторы оказываются определяющими многие социальные, экономические и политические установки людей: скорее отсутствие чувства защищенности в кругу ближайших социальных связей влияет на диспозиции человека, нежели экономические трудности обуславливают рост разобщенности людей.

Именно два отмеченных здесь обстоятельства - психологическая поддержка близких и социальная сплочённость людей, живущих по соседству друг с другом - и оказываются, с моей точки зрения, едва ли не ключевыми факторами, которые всё ещё поддерживают и скрепляют наше общество на самом глубинном, низовом его уровне.

Социальное неблагополучие и "социальный стресс" в сообществах малых городов

Нестабильность общественной структуры вызывает нарушение нормального психоэмоционального состояния большинства членов общества. Такая неспецифическая реакция (проявляющаяся в нарушении настроения, нормального эмоционального состояния, в появлении и распространении форм отклоняющегося поведения в деформации социальных установок у значительной части населения) на нарушения и дисбаланс структуры связей в социальной, экономической, политической, нравственной сферах можно назвать "социальным стрессом", по аналогии с соответствующим понятием, принятом в биологии и медицине и обозначающем неспецифическую реакцию организма на воздействие внешних факторов, представляющих опасность для его жизни, здоровья или нормального функционирования. Социальный стресс является не только признаком нарушений в структуре общественной жизни, в функционировании социальных институтов, но и признаком неблагополучия общества на самом первом, микро-социальном его уровне, на уровне межличностных отношений между людьми в их непосредственном социальном окружении, среди родственников, близких и соседей. Само по себе неблагополучие на первичном социальном уровне может выступать

предпосылкой глобальных нарушений в структуре как отдельных социальных институтов, так и всего общества. Именно поэтому представляется важным получение некоторых оценок неблагополучия на локальном уровне, в небольших городских и сельских сообществах. Критериями для таких оценок неблагополучия или, наоборот, стабильности местного сообщества, послужили два признака: 1) неблагополучие на уровне всего сообщества: криминальная обстановка в городе, районе в форме общего уровня правонарушений, так, как его оценивают респонденты; сопоставляя со своей субъективной "нормой" преступности; 2) неблагополучие на микро-социальном уровне: оценка степени распространенности бытового пьянства в целом по городу, отдельному району, также в сопоставлении с собственной шкалой оценок респондента. В обоих случаях респондентам предлагалась ранговая 5-балльная шкала со значениями рангов: "1- практически нет", "2 - распространено очень слабо", "3 - умеренно", "4 - достаточно сильно", "5 - очень сильно". Отмечая уровень распространения пьянства или уровень правонарушений в своём городе, респондент сопоставлял его с субъективным средним уровнем, соответствующим, по его представлениям, уровню в целом по региону или в стране. Это целиком субъективные оценки свидетельствуют не о реальной криминальной обстановке в городе, и даже не о реальном уровне бытового неблагополучия, а об субъективно переживаемом чувстве "здоровья" или "нездоровья" "социального организма". Оценки респондентов из разных городов могут быть одинаковыми, тогда как реальный уровень преступности может сильно различаться. Так же и с бытовым пьянством: в одном городе утверждают, что эта проблема незначительна, в другом - что она приобрела катастрофический характер, в то время как по официальным данным объёмы продажи алкоголя или производства его суррогатов на душу населения и связанные с ними эксцессы в быту и в общественных местах, могут иметь один и тот же уровень.²²

Именно в этом я вижу ценность таких оценок: они позволяют охарактеризовать степень функциональных нарушений в отдельных частях "социального организма", иными словами, служить показателями уровня "социального стресса". К тому же оба показателя находятся в тесной коррелятивной связи (коэффициент ранговой корреляции $r_{sp}=0,55$; $N=986$), что свидетельствует о их однородности: как правило, одни и те же люди, давая оценку благополучия на уровне "внешнем" - по преступности, дают такую же оценку и на "бытовом" уровне алкоголизации населения. Поэтому оба показателя можно преобразовать в индекс "субъективной оценки благополучия местного общества". Как медиана, так и среднее значение ранговых оценок, суммированных по обоим показателям, полностью совпадают (индекс средней ранговой оценки составил для провинциальных городов значение 4,0, т.е. "достаточно сильно"). В табл. 14 представлено распределение оценок отдельно по каждой позиции. Видно, насколько незначительна доля респондентов, которые отмечают, что ситуация в их городе благополучна (менее 2%; в сельской местности эта доля гораздо выше). Тех, кто считает, что пьянство и преступность распространены умеренно, всего 19 - 27%. В целом группа респондентов с низкими и умеренными оценками "социального стресса" составляет от 20% для пьянства до менее чем 30% для правонарушений. В то же время, группа с мак-

²² Не могу удержаться от одного, крайне примечательного, на мой взгляд, наблюдения. В массовом сознании широко распространено представление об очень высоком уровне пьянства среди населения. И подавляющее большинство респондентов, особенно в процессе интервью, указывают на пьянство сограждан как на одну из основных проблем, давая при этом такие характеристики как: "пьют страшно", "пьют по-чёрному", "не просыпают". Парадокс, однако, состоит в том, что за все годы моих наблюдений (а это посещение ежегодно в течение 2-4 месяцев не менее 20-50 населённых пунктов, проживание там и постоянное проведение прямых наблюдений поведения людей) я ни разу (!) не наблюдал не только массовых пьянок, но очень редко на улицах, посещая дома и квартиры, сталкивался с людьми в состоянии умеренного или сильного опьянения. А ведь встречи с людьми происходили, начиная с раннего утра и вплоть до полуночи. Можно, конечно, допустить, что мои субъективные представления о "норме пьянства" сильно завышены по сравнению с обычными, но я предпочитаю иную интерпретацию: пьянство - весьма валидный признак социального благополучия или неблагополучия, поэтому субъективная оценка человека распространённости пьянства в его ближайшем окружении, - в семье, деревне, городке, - свидетельствует прежде всего не о реальном уровне алкоголизации населения, а о в значительной степени эмоциональной оценке респондентом качества межличностных отношений и в целом благополучия той социальной среды, в которую он погружён.

симальными оценками неблагополучия составляет, соответственно, 29% и 20%. Оценки в 4 балла дают более половины респондентов в каждом случае.

Таблица 14

Оценки уровня социального неблагополучия ("социального стресса") в малых городах. Распределение ответов респондентов в процентах

Ранг	Ранговая оценка	Распространённость пьянства (N=991)	Уровень правонарушений (N=988)	Средний балл ("индекс благополучия")
1	Практически нет	0,3	0,1	0,2
2	Очень слабо	1,1	1,5	1,3
3	Умеренно	17,8	25,6	21,7
4	Достаточно сильно	52,2	52,8	52,5
5	Очень сильно	28,7	19,9	24,3

Какими особенностями отличаются группы респондентов со сравнительно полярными оценками (в первом случае - дающими оценки от 1 до 3, во втором случае - оценку 5)? Группа тех респондентов, которые дают высокие оценки уровня социального неблагополучия как по параметрам пьянства, так и по параметрам правонарушений (14%), представлена значительным числом женщин (до 80%), многие из них работают в сфере социального воспроизводства (до 30%). По социально-психологическим характеристикам эти респонденты составляют сравнительно со всей выборкой горожан маргинальную группу: они чувствуют себя много менее приспособленными, чем остальные, находятся в худшем эмоциональном состоянии, признаются в существенно меньшей поддержке со стороны близких и родственников, имеют сокращенные личные и трудовые жизненные планы. Представители группы отличаются и более радикальными оценками социально-экономической и социально-политической ситуации, выше оценивают уровень социальной напряженности. Это группа с повышенным уровнем ситуативной тревожности, представители которой склонны к радикализму и в оценках социальных процессов.

Существует ли региональная специфика в оценках социального неблагополучия? Да, между регионами есть значительные различия, но они обусловлены социально-экономической спецификой отдельных обследованных городов в большей мере, чем регионов или экономических районов. В табл. 15 представлены значения показателей и "индекса благополучия". Видно, насколько могут различаться оценки благополучия по пьянству и криминальной обстановке в одном и том же регионе, а также в разных регионах одного экономического района. В целом относительная изолированность города, наряду (во вторую очередь) с занятостью населения влияют на оценки уровня преступности.

Видно, что есть регионы, где относительное благополучие или неблагополучие по пьянству совпадает с оценками благополучия/неблагополучия по правонарушениям (таких больше половины: Мурманская, Тверская, Иркутская, Новосибирская, Томская, Иркутская области, Алтайский край). Есть области с умеренным рассогласованием оценок благополучия/неблагополучия (Хакасия, Архангельская, Костромская, Псковская - в силу малочисленности выборки). Два региона со значительным рассогласованием оценок - Карелия и Эвенкия. В обоих случаях эксперты отмечают неблагоприятное состояние по алкоголизации населения и благоприятное - по уровню правонарушений. Объяснить это географической спецификой обследованных городов невозможно, изолированность Туры очень велика, а Кандалакша, Кемь и Чупа не только связаны с центром страны железной и автомобильной дорогой, но и являются морскими портами.

Усреднённые оценки по отдельным регионам оказались достаточно близкими. Можно отметить только выделяющиеся благоприятной ситуацией города Томской области и Хакасии (обусловлена изоляцией и весьма благоприятным социально-экономическим положением населения как в Северске, так и, в настоящее время, в Абазе). Напротив весьма неблагоприятные оценки ситуации в Алтайском крае, Иркутской, Псковской и Архангельской областях объясняются прежде всего тяжелым экономическим положением населения во всех обследованных городах, а также специфическими для каждого города факторами (например, высокий уровень безработицы в Вельске, изолированность Мамы, криминализация всего городского сообщества Рубцовска).

Эти различия между регионами хорошо видны из значений в последнем столбце табл. 15, где приведены значения индекса "социального стресса", представляющего собой алгебраическую разность индекса низкого и среднего уровня неблагополучия и индекса критически высокого уровня неблагополучия. Для наглядности различия в оценках респондентами уровня "социального стресса" в регионах представлены на рис. 13. Видно, что города регионов европейской части страны находятся в менее благоприятной ситуации, по сравнению с городами Сибири: Среднее значение индекса "социального стресса" по шести регионам Европейской России равно -9,5 (т.е. доля людей, оценивающих ситуацию в своём городе как критическую, почти на 10% превышает долю тех, кто считает ситуацию хорошей или нормальной), а аналогичное значение индекса по шести регионам Сибири - +12,4 (доля людей с "нормальными" оценками превышает долю людей с негативными оценками на 12%).

Таблица 15

Оценки уровня социального неблагополучия ("социального стресса") в малых городах по отдельным регионам и экономическим районам. Оценки от 1 до 3 баллов соответствуют "низкому" уровню "социального стресса", оценка 5 баллов - критически высокому уровню. Индекс "социального стресса" - разность индексов благополучия и неблагополучия с соответствующим знаком. Распределение ответов дано в процентах.

Экономический район	Регион (республика, край, область)	Низкий и нормальный уровень			Критически высокий уровень			Индекс "социального стресса"
		Пьянство	Правонарушени	Индекс	Пьянство	Правонарушени	Индекс	
Северный	Архангельская	7,5	20,4	13,9	37,0	27,8	32,4	-19,5
	Мурманская	12,7	17,5	15,1	28,6	20,6	24,6	-8,5
	Карелия	9,8	39,0	24,4	43,9	14,6	29,2	-4,8
Центральный*	Псковская	7,1	21,4	14,2	57,1	14,3	35,7	-21,5
	Тверская	18,3	26,0	22,1	31,0	23,5	27,2	-5,1
	Костромская	10,4	29,9	20,1	25,4	10,4	17,9	2,2
Западная Сибирь	Алтайский	9,2	12,2	10,7	46,3	34,0	40,1	-29,4
	Новосибирская	26,1	28,6	27,3	17,3	18,4	17,8	9,5
	Томская	37,4	45,3	41,3	16,5	12,3	14,4	26,9
Восточная Сибирь	Эвенкия	10,8	35,0	22,9	25,7	9,5	17,6	5,3
	Хакасия	26,6	41,7	34,1	24,8	14,5	19,6	14,5
	Иркутская	17,8	17,9	17,8	32,7	31,7	32,2	-14,4
Среднее значение по регионам		22,0			25,7			-3,7

Примечание: к Центральному району отнесена Псковская область, которая официально входит в Северо-Западный район.

Суммарные различия между индексами в Европейской России и в Сибири составили 22%. Очевидно, что это слишком значительные различия. Можно считать, что в общем и целом жители 13 сибирских городов испытывают существенно меньший социальный стресс, чем жители 13 европейских городов.

Различия в уровне "социального стресса" в значительной мере связаны также с численностью населения города. В табл. 16 представлены соответствующие значения индексов благополучия и неблагополучия отдельно по группам городов разной численности. Следующие особенности проявляются достаточно чётко. Доля благоприятных оценок по параметру распространённости пьянства весьма невелика во всех городах, но самые высокие оценки - в самых крупных из обследованных городов. При этом доля благоприятных оценок криминальной обстановки в городе выше, чем такая оценка уровня пьянства, особенно в совсем маленьких городах (до 10 тыс. жителей).

Оценка благоприятной криминальной обстановки обратно пропорциональна численности населения, что вполне естественно: в городах малой численности объективно более низкий уровень правонарушений (за исключением воровства). Точно так же и критические оценки уровня неблагополучия по правонарушениям прямо зависят от численности населения - с ростом численности населения города растёт и доля людей, отмечающих критически высокий уровень правонарушений. В отличие от этого, оценки уровня неблагополучия по пьянству одинаковы во всех группах городов.

Индекс "социального стресса" оказывается сравнительно благоприятным в самых маленьких провинциальных городах: здесь большее число респондентов отмечают, что асоциальная и антисоциальная активность населения невысокая. Наихудшая ситуация в городах численностью от 10 до 50 тыс. жителей, и сравнительно благоприятна в самых крупных из обследованных городов.

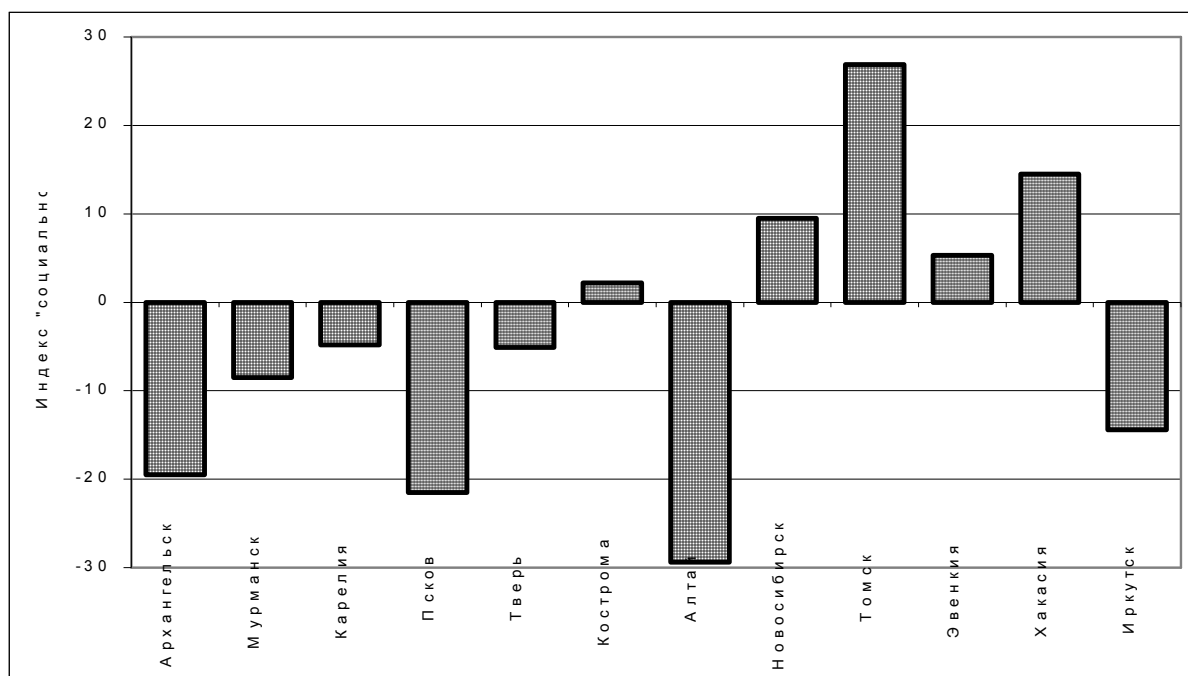

Рис. 13 Индексы уровня социального неблагополучия ("социального стресса")

Таблица 16

Оценки уровня социального неблагополучия ("социального стресса") в зависимости от численности населения города. Низкому и нормальному уровню "социального стресса" соответствуют оценки от 1 до 3 баллов, критически высокому уровню - оценка 5 баллов. Индексы благополучия и неблагополучия - средние значения соответствующих уровней для оценок пьянства и правонарушений. Индекс "социального стресса" - разность индексов благополучия и неблагополучия с соответствующим знаком. Распределение ответов дано в процентах.

Группа городов по численности населения, тыс. человек	Низкий и нормальный уровень			Критически высокий уровень			Индекс "социального стресса"
	Пьянство	Правонарушения	Индекс	Пьянство	Правонарушения	Индекс	
От 4,7 до 9,9 (N=13)	17,8	35,5	26,7	30,2	14,9	22,5	+4,2
От 10,0 до 19,9 (N=5)	18,1	24,0	21,0	29,9	21,3	25,6	-4,6
От 20,0 до 49,9 (N=5)	15,5	17,3	16,4	27,3	24,0	25,6	-9,2
Свыше 50,0 (N=3)	26,4	24,9	25,6	29,1	25,4	27,2	-1,6

Таким образом, можно заключить, что уровень "социального стресса" наиболее высок в европейских городках с численностью населения 20 - 50 тыс. жителей. Наиболее благоприятная социально-психологическая обстановка - в маленьких сибирских городках с численностью менее 10 тыс. жителей. В целом же региональные различия в социальном неблагополучии перекрывают различия между отдельными экономическими районами, хотя поляризация европейских и сибирских городов очень отчетлива - жители первых испытывают более значительный "социальный стресс", чем сибиряки. Различия же, обусловленные географической, экономической и социальной спецификой конкретных городов (так сказать, "индивидуальные различия"), перекрывают различия между регионами и экономическими районами страны.

Скрытая социальная напряженность в провинциальном российском обществе

Социальная напряженность определяется такими моментами как: 1) рассогласование между идеальным (нормативным) и реальным образами социального порядка в сознании большинства членов общества; 2) дисфункция общественного сознания, проявляющаяся в эмоциональном стрессе, мировоззренческой неопределенности (трансформации социальных ценностных установок) и распространении отклоняющихся форм поведения; 3) стремление устранить рассогласование на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях, которое проявляется в нарастании готовности к действиям, рассматриваемым как вынужденное поведение, направленное против существующего социального порядка ради достижения желаемого состояния; 4) вовлеченность в этот процесс значительной части общества. Однако феномен социальной напряженности представлен не только явными формами, но и формами скрытыми, не проявляющимися, как правило, в соответствующем поведении людей. Изучению скрытой напряженности уделяют очень мало, или вообще не обращают на неё никакого внимания. Между тем, по сути, именно скрытая социальная напряженность и является опаснейшим источником социального взрыва. Собственно скрытая (или латентная)

социальная напряженность может быть определена как второй из выше отмеченных признаков - состояние дисфункции общественного сознания, вызванной нарушением деятельности ключевых социальных институтов (экономических, политических, идеологических), которая, в свою очередь, отражается на душевном (психологическом) состоянии значительной части общества. Такое состояние (диагностируемое на обыденном уровне как «вакуум» мировоззрения, психологический и социальный стресс рассматривается людьми как ненормальное, связывается ими, с одной стороны, с «поверхностными» экономическими и политическими кризисами, отражающими коренные нарушения в деятельности социальных институтов (прежде всего института власти), и, с другой стороны, вынуждает людей предпринимать попытки к действиям (или, в предельном случае, сами действия), которые способствовали бы нормализации состояния (для подавляющего большинства членов общества – это возврат к прежнему стабильному состоянию, но не в политическом, а в индивидуальном, прагматическом смысле).

Уровень латентной напряженности проявляется прежде всего в оценках людьми вероятности возникновения в обществе волнений и массовых беспорядков, или роста организованной активности людей, протестующих против существующего порядка. Кроме того, он выражается и в готовности какой-то части общества принять участие в акциях протеста. Наконец, важным признаком перехода латентной напряженности в явные формы социального протеста служит показатель доли членов общества, имеющих уже опыт участия в акциях протеста. Рассмотрим эти показатели и попробуем оценить уровень напряженности как во всём обществе, так и в малых городах.

Оценки вероятности возникновения стихийных массовых беспорядков и организованных акций протеста

Распределение оценок вероятности возникновения массовых беспорядков и волнений в целом по стране и в малых городах представлено на рис. 14. Как видно, оценки горожан практически те же самые, что и в целом по всей выборке. Другими словами, и городские и сельские жители одинаково высоко оценивают вероятность спонтанного возникновения волнений и беспорядков в стране. В сопоставлении с ожидаемым распределением, график которого приведён на том же рисунке, оценки респондентов представляются угрожающими. Всего только 3-4% считают, что вероятность беспорядков нулевая, 12-13% оценивают её невысоко, ниже уровня 1/10. А тех, кто считает, что беспорядки могут возникнуть с достаточно высокой вероятностью - до 1/2 - уже составляют 54-55% всех опрошенных. Фаталистов, считающих, что это практически неизбежно, оказывается очень много - 29-30%.

Сравнивая эти оценки с такими же оценками, полученными при опросах в Новосибирске в 1998 и в январе 1999 г., следует признать, что прогнозируемая вероятность только за полгода - год возросла в 1,5 - 2 раза.²³ Если тогда вероятность беспорядков в стране оценивалась на уровне 0,224 (в долях единицы), то сейчас индекс вероятности беспорядков возрос до 0,392. При этом женщины гораздо тревожнее оценивают ситуацию, нежели мужчины (оценка женщин - 0,425, мужчин - 0,345).

Организованные акции протеста, по оценкам людей, раньше имели значительно большую вероятность возникновения, чем вероятность возникновения беспорядков (в Новосибирске, например, в 1999 г. в 3 раза: 0,673 по сравнению с 0,224): Сейчас ситуация качественно изменилась: люди считают, что беспорядки могут начаться с такой же большой вероятностью, как и забастовки (а эти последние акции протеста уже давно считаются весьма вероятными). Ровно 2/3 респондентов (65,1%) считают возникновение забастовок почти абсолютно вероятным, а 14% - невероятными. Если к этим последним прибавить ту 1/5 часть респондентов, которые вообще не думают об этом, то это составит долю в 35%.

²³ См.: Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год. - Новосибирск, 1999. - 32 с.

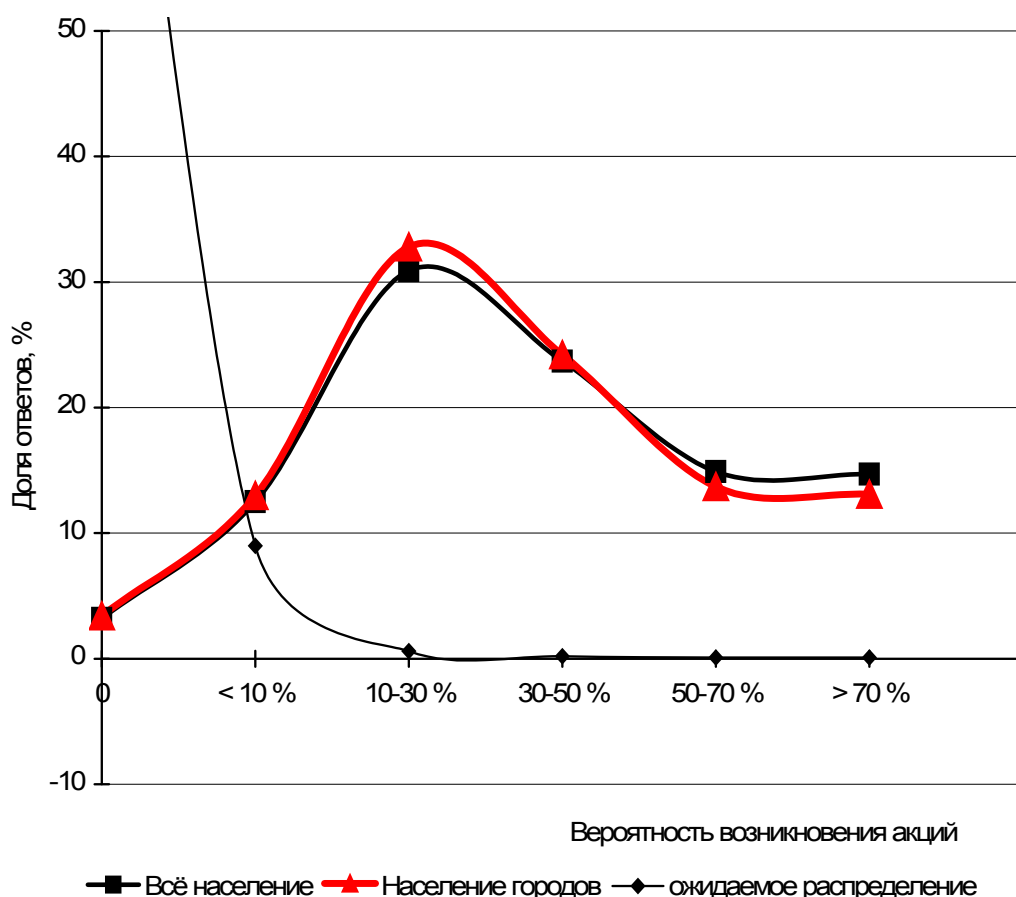

Рис. 14. Распределение оценок вероятности стихийного возникновения массовых беспорядков в 1998 и 1999 гг. Кривая распределения Пуассона (синяя тонкая линия) гипотетически отражает вероятности беспорядков в стабильных условиях при реалистическом предположении о 1-процентной доле деструктивных экстремистски настроенных элементов в стабильных социальных условиях

Таким образом, двое из каждых трёх человек считают забастовки почти неизбежностью, тогда как один из трёх - делом невероятным (см. табл. 17). Рассчитанный индекс прогноза вероятности забастовок составил 0,511, что достаточно близко к прогнозу вероятности беспорядков (0,392)²⁴. Если взять среднее значение от этих двух чисел, то можно говорить об индексе прогнозируемого уровня напряженности. Он составляет на средину и конец 1999 года 0,451 (оценка вероятности возникновения социальной нестабильности в виде волнений, беспорядков, бунтов, забастовок и любых других акций неповиновения существующей власти).

²⁴ К сожалению, указанные значения уровня напряженности нельзя сравнить «нормальными» значениями в условиях социальной стабильности. Поэтому можно лишь делать грубые предположения, исходя из того, что максимальный теоретический уровень, равный 1,0, никогда не может быть достигнут в реальном обществе, поскольку напряженность выльется в социальный конфликт гораздо раньше достижения этого уровня. Но что значит это «раньше»? Может быть, это уровень 0,5, когда половина общества будет проявлять активное недовольство существующим положением и, соответственно, властью? По крайней мере, если отталкиваться от косвенных эмпирических данных (например, того, что, по оценкам Академии МВД, пассивная часть населения, которая никогда не примет участия в любого рода акциях, составляет не менее 20%), реальный максимум социальной напряженности не может превышать значения 0,80. Ясно, что минимум напряженности близок или равен нулевому значению индекса. Следовательно, при качественном анализе индексов напряженности следует ориентироваться на интервал вариации от 0 до 0,8, а не до 1,0, имея в виду, что значения выше 0,5 отражают напряженность, принявшую открытый деструктивный характер.

Оценки мужчин и женщин как в городах, так и в сёлах одинаковы. Люди, таким образом, во всех типах поселений - в небольших сёлах, малых и крупных городах - с одинаковой вероятностью ожидают начала массовых акций протеста в стране.

Таблица 17

Оценки вероятности возникновения организованных массовых забастовок (в %%)

Допускаете ли Вы возможность забастовок, любых других акций протеста в экономической сфере в Вашем районе?	Вся выборка (N=1700)	Малые города (N=992)
Не думал об этом	20,9	19,5
Нет, сейчас забастовки невозможны	14,0	14,2
Забастовки могут начаться в любой момент	65,1	66,3

Готовность людей принять участие в акциях протеста

Одно дело оценивать вероятность акций протеста и другое - быть готовым принять в них участие. Это очевидно более весомый показатель социальной нестабильности. Каковы здесь оценки респондентов?

Значительное число людей демонстрируют готовность в любой момент принять участие в акциях протеста (табл. 18). Более 40% людей при первой же возможности выйдут, как они считают, на улицы. Чуть более 1/3 (35%) ни при каких обстоятельствах не собираются участвовать в протестах. Эта доля - хорошая прогнозная оценка пассивной части общества. Почти всегда при изучении напряжённости называется близкая к этой цифра числа людей, которые не будут вовлечены ни в какие формы протестов. В сумме же, с теми людьми, кто колеблется, но склоняется скорее не принять участие в акциях протеста, пассивная часть общества - это ровно половина, что также соответствует многим другим предположениям. Мужчины и женщины практически с одинаковой вероятностью готовы как принять участие в акциях (42% и 40% соответственно), так и не участвовать в них (52% и 49%).

Таблица 18

Распределение респондентов по их готовности принять участие в акциях протеста, направленных на защиту своих экономических и социальных прав (%%)

Если состоятся митинги, демонстрации протеста против роста цен, падения уровня жизни, других негативных экономических процессов, то Вы лично примете в них участие?	Вся выборка (N=1693)	Малые города (N=986)
Нет, так как не верю, что можно что-нибудь решить таким способом	34,7	37,3
Скорее всего нет, не принял бы участия, хотя полностью не уверен	15,0	15,1
Если мои друзья и близкие пойдут, то пойду и я	9,5	8,0
Да, принял бы участие, но в рамках закона	25,3	25,7
Безусловно принял бы участие	15,5	13,9

Я сопоставил полученные в 1999 г. значения готовности людей к участию в акциях протеста с некоторыми аналогичными более ранними данными, полученными при исследовании населения Новосибирска и других регионов за период с 1992 г.²⁵ Нарастание готовности людей к проявлению недовольства и неповиновению очень быстрое (рис. 15). Индекс готовности составил в 1999 г. 0,445 (вероятность в долях единицы). Значение индекса практически соответствует доле людей, готовых к акциям протеста.

Предшествующий опыт участия в забастовках совершенно определенно влияет на готовность человека и в последующем принять участие в подобных акциях. Каков этот опыт сейчас?

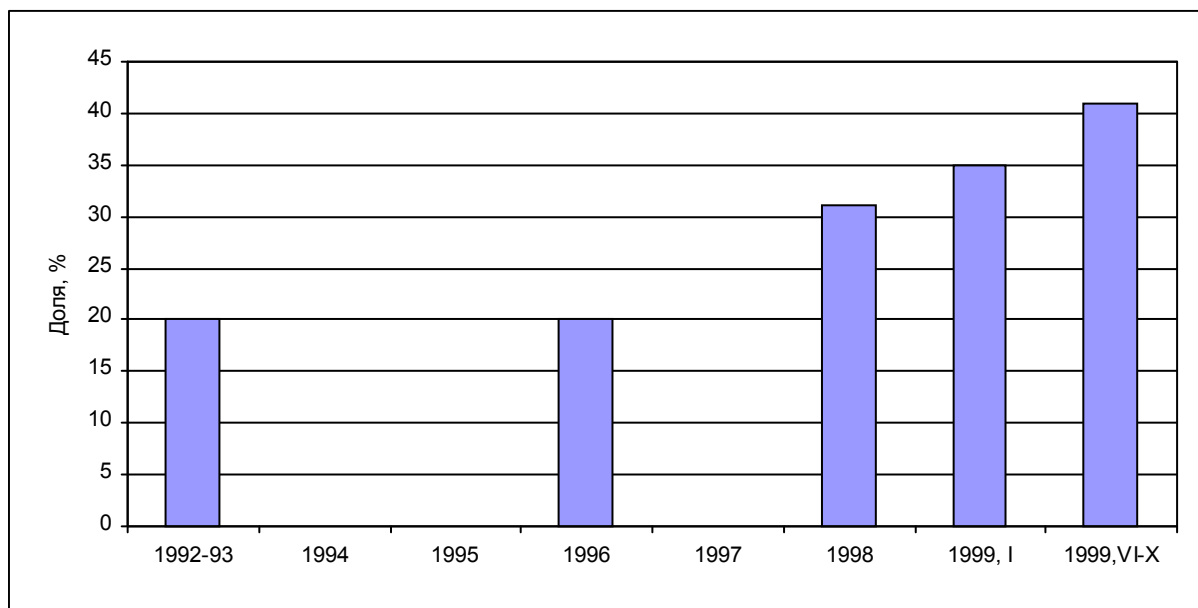

Рис. 15. Динамика готовности населения принять участие в акциях протеста разного рода (доля людей в процентах, определивших в своей готовности).

Опыт участия населения в акциях протеста: митингах, демонстрациях, забастовках

К настоящему времени уже около 1/4 всего взрослого населения страны участвовало в акциях протеста самых разных форм (24,4% отметили, что к моменту опроса уже принимали участие в акциях протеста, мужчины даже немного реже, чем женщины). Возрастание числа людей в стране, имеющих уже опыт участия в протестных акциях, происходит очень быстро (см. рис. 16), даже ещё быстрее, чем доля людей, готовых принять участие в акциях (рис. 15). Надо думать, очень скоро доли и тех и других выровняются: по крайней мере, почти 97% всех тех людей, что уже участвовали в акциях протеста, независимо от пола и возраста готовы в любой момент вновь выйти на улицы.

²⁵ См.: Социологические исследования, 1993. - № 2. - С 148 - 153; ²⁵ Пошевнев Г.С., Костюк В.Г., Еремин С.Н. Напряженность в социально-трудовых отношениях (по материалам конкретно-социологического исследования на предприятиях и в учреждениях г. Новосибирска). – Новосибирск, 1996. – 41 с.; Рукавишников В.О. и др. Социальная напряженность: диагнози прогноз // Социол. исслед., 1992. - № 3. – С. 3-23.

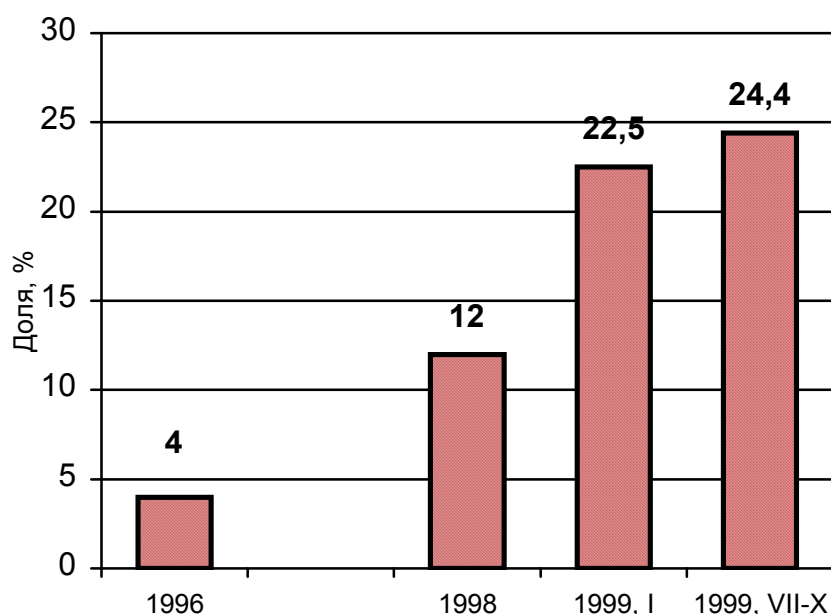

Рис. 16. Изменение доли людей, на момент опроса уже имеющих опыт участия в акциях протеста разного рода. Данные за 1996 г. - экспертная оценка руководителей отделов кадров промышленных предприятий.

Не вызывает удивления столь большая доля "опытных" людей. Ведь, как оказывается, почти на 1/3 предприятий, фирм и учреждений к середине 1999 г. имели место протестные акции разного рода (см. табл. 19). Причём доля пассивных протестов год от года сокращается, и возрастает доля протестов активных, всё чаще - не против руководства предприятия, а против федеральной власти (по косвенным оценкам, соотношение тех и других видов протестов поменялось местами по процентам: раньше, всего 2 года назад, пассивные формы протеста составляли 13 - 15%, а протесты против федеральной власти - менее 7%).

Таблица 19

Акции протеста на предприятиях и в учреждениях и их характер (ответы в процентах)

Были ли на Вашем предприятии, в организации, где вы работаете, коллективные акции протеста? Если они были, то какие формы принимали эти протесты?	Вся выборка (N=1644)	Малые города (N=986)
Никаких коллективных протестов не было	66,7	68,5
Это были формы отказа от активных действий (типа сидячей забастовки, голодовки, невыхода на работу и т.п.)	8,8	7,7
Это был протест против руководства предприятия, организации, который выражался в экономических и социальных требованиях	10,6	10,9
Это были действия в содружестве с руководством предприятия, направленные на защиту наших профессиональных интересов перед правительством, государством	13,9	13,0

Оценка реального уровня напряженности основывается на таких показателях как опыт участия людей в акциях протеста и число имевших место таких акций, свидетелем или участником которых был респондент. Индекс реального (наблюдаемого) уровня напряженности составил $I_{\text{реальн}} = 0,274$ (значение в долях единицы).

Наблюдаемый уровень скрытой напряженности не может однозначно интерпретироваться. Различия между отдельными показателями велики, чтобы их с уверенностью трактовать. Следует заключить, что хотя в целом уровень скрытой социальной напряженности в обществе высок, в настоящее время еще нет реальных предпосылок для возникновения спонтанных, неорганизованных массовых беспорядков (бунтов), для которых необходима более высокая активность населения и его готовность к таким акциям. На этом фоне вполне вероятно спонтанное возникновение беспорядков в отдельных районах города или на отдельных предприятиях, обусловленное нарастанием социальной разобщенности и высоким уровнем психологического стресса.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЛЮДЕЙ

Ещё одной важнейшей составляющей данного исследования населения "провинциальной" России явилось изучение изменений, происходящих в сознании людей. В качестве признаков, фиксирующих характер и направление подобных изменений, выбраны три следующих элемента общественного сознания: 1) социально-политические установки, характеризующие структуру политического сознания общества - одной из наиболее лабильных и динамичных составляющих общественного сознания; 2) самые консервативные элементы мировоззрения, такие как религиозное и экологическое сознание, выражающие основополагающее отношение человека к Богу и к Природе; обнаруживаемые сдвиги в этой области мировоззрения будут иметь более значительные последствия для социального развития, нежели сдвиги в политическом сознании; 3) структура основополагающих ценностей и смыслов жизни людей.

Изучение происходящих изменений возможно, естественно, только на каких-то временных интервалах, лучше достаточно продолжительных. Поэтому результаты, полученные в 1999 г. сопоставляются мною с аналогичными данными за несколько предыдущих лет - в основном начиная с 1995 г., - полученными, как правило, на разнородных локальных выборках. Однако это обстоятельство хотя и является явным ограничительным фактором для широких экстраполяций, но оно не мешает увидеть вполне ясные тенденции в направлении изменений, которые происходят сейчас в нашем обществе.

Характеристика социально-политических установок населения основывается на анализе следующих показателей: 1) отношение людей к местной (районной и городской) администрации с оценкой эффективности её деятельности; 2) отношение к власти вообще; 3) отношение к идее местного самоуправления городской общины, района, села; 4) отношение к политическим, социальным и экономическим реформам в стране; 5) социально-политические установки по отношению к роли государства и населения в устройстве общества.

Изменения глубинных мировоззренческих установок населения исследовалось на примере таких базовых составляющих общественного сознания, как религиозность и экологическое сознание, а также индивидуальных ценностных ориентаций и первостепенных смыслов жизни людей.

Отношение к власти и социально-политические установки населения

Отношение к местной власти

Отношение к власти и представление о ее эффективности - важное условие общественной стабильности или развития напряженности. Власть олицетворяет стабильность социальных структур и, следовательно, стабильность социальных позиций индивида. Она же обеспечивает и безопасность граждан. Эффективность власти в глазах людей напрямую связана с прочностью их общественных связей, позиций, с их социальной и физической защищенностью. Поэтому оценка эффективности власти - это косвенная оценка уровня удовлетворен-

ности условиями реализации социальных ожиданий индивида; она же характеризует отношение к власти, которое становится условием развития напряженности. Оценки эффективности местной (городской и районной) администрации давали респонденты-эксперты. В целом, несмотря на то, что среди экспертов было немало представителей той же местной власти, оценки большинства из них ниже средних (см. рис. 17). Около 2/3 всех экспертов (61,5%) оценивают результативность власти ниже среднего уровня и всего 4% экспертов считают местную власть эффективной в высокой степени.

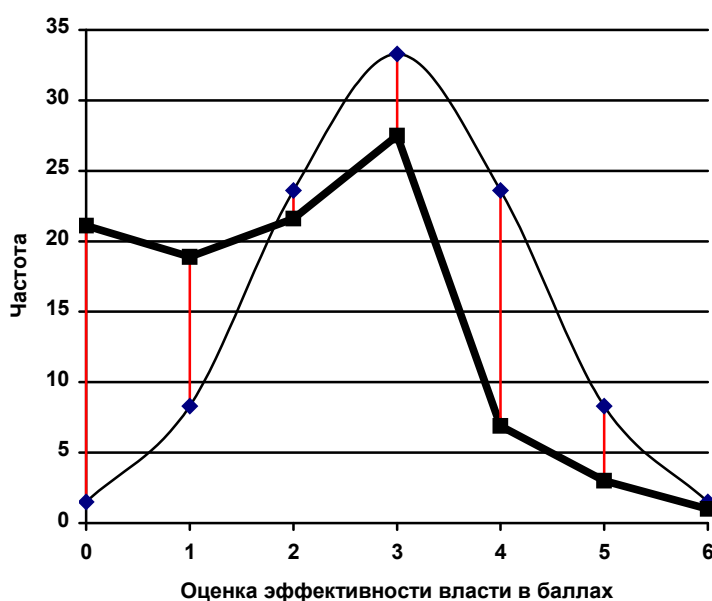

Рис. 17. Распределение экспертных оценок эффективности деятельности администрации города (черная маркированная кривая) сравнительно с ожидаемым распределением оценок (тонкая сглаженная кривая, рассчитана по эмпирическим данным). Минимаксные вертикальные линии характеризуют степень рассогласования между наблюдаемыми и ожидаемыми оценками. Доля низких оценок (от 0 до 2 баллов) повышена на 28% по сравнению с ожидаемым уровнем, а доля высоких оценок (от 4 до 6 баллов) занижена на 25%.

Несопоставимость негативных и позитивных оценок становится ещё более показательной при сравнении наблюдаемого распределения экспертных оценок с ожидаемым распределением таких же оценок в нормальной ситуации. На рисунке это последнее распределение показано сглаженной тонкой кривой. Между точками этой кривой и точками оценок кривой наблюдаемого распределения проведены минимаксные линии, отражающие степень различия между двумя типами оценок. Показательно, что худшие экспертные оценки эффективности власти в 14 раз (!) превышают аналогичные ожидаемые оценки, в то время как лучшие экспертные оценки всего в 0,7 раза ниже ожидаемых оценок (т.е. лучшие оценки, данные экспертами, практически совпадают с ожидаемыми лучшими оценками). Если сравнивать в целом различия между ожидаемым распределением оценок и реальными оценками, то степень несовпадения составляет 37% (это значение можно интерпретировать так: оценки деятельности местной администрации почти на 40% хуже, чем этого следовало бы ожидать).

Такие невысокие оценки в течение последних двух лет сохраняются на уровне, достигнутом к 1996 году. Горожане, как и повсюду в стране, утратили доверие и уважение к власти, а, следовательно, в такой же степени утратили чувство стабильности и защищенности. Низкие оценки власти характерны больше для людей старшего возраста, для людей с более высоким уровнем образования, для лиц, не имеющих постоянной работы или занятых в сфере материального производства. Пол респондента, его социально-квалификационный статус и принадлежность к государственному или частному сектору экономики не влияют на оценки.

Отношение к центральной власти и тенденции развития местного самоуправления

За десятилетие произошли коренные перемены и в отношении людей к власти, и в их политических предпочтениях. До 1994 года можно было с достаточной уверенностью говорить, что в среде простых людей, особенно в сельском обществе, коммунистическая идеология находила сочувствие едва ли не у всех. Но уже к 1996-97 годам наблюдалась довольно сильная политическая поляризация, которая привела к тому, что только около половины членов общины продолжали оставаться верными прежней идеологии, а другая половина перешла в лагерь, если не демократов, то "плюралистов", сделав острожную ставку на новые организационно-политические формы жизни.

Внутриполитическая вакханалия 1997-99 гг. способствовала почти полной утрате интереса к политике в среде простых людей. Сейчас в большинстве своём уже исчезло противостояние в недрах общества коммунистических и демократических установок: ни те, ни другие уже не популярны. Однако, если в отношении первых можно сказать, что их популярность упала, но сочувствие к коммунистической идеологии и соответствующей партии есть, и остаётся весьма большим, то к демократическим установкам сформировалось сейчас глубоко отрицательное отношение. Оно повсеместно. Можно сокрушаться, но дело обстоит именно так: "демократ" стало жупелом в провинции. Поэтому практически каждый политик местного масштаба старательно избегает практически любых демократических лозунгов, уверенно рассчитывая при этом на успех. А подавляющее большинство людей, как в малых городах, так и в сельской местности сейчас совершенно аполитично. Они намерены идти за той политической силой, которая способна будет предложить им прежде всего крепкую власть (или даже только сделает видимость этого).

Аналогично политическим пристрастиям развивалось в эти годы и отношение людей к власти. В течение всего десятилетия государственная власть, как местная, так и федеральная, неуклонно теряла и продолжает терять свою силу в глазах простых людей. Если ещё до 1993-94 гг. страх перед властью был велик и определялся не только ещё свежей памятью о советском времени, но и ожиданием скорого изменения экономической, а вместе с ней - и политической ситуации, - то к 1996-97 годам отношение стало близко к равнодушному, поскольку реальной власти государства на местах уже не осталось или осталось до смешного мало.

Тихо и неприметно эта власть оказалась в руках *бригадиров* - как в буквальном, так и в переносном смысле слова: у бригаиров производственных сельскохозяйственных обществ, наследовавших колхозам и совхозам, у бригаиров акционерных предприятий и у бригаиров криминальных организаций. "Свято место пусто не бывает". Хотя действительные отношения по поводу власти на местах сложны, в целом в глазах простых людей референтами реальной власти стали своеобразные полукриминальные-полупроизводственные организации, существующие в любом районе и любой волости. Весьма нередко (я думаю, это теперь стало правилом, но это довольно трудно обнаружить стороннему наблюдателю) руководители района связаны тесными узами с частными промышленными и коммерческими фирмами, а через них - с теневыми структурами. Обычным стало сочетание, когда близким родственником руководителя района, города оказывается человек, владеющий крупным предприятием, иногда градообразующим, и нередко тот же человек - известный всем в этом городе "авторитет". Сращивание криминала с властью достигло степени кровного родства. По

крайней мере, респонденты повсеместно и нередко указывают на такую цепочку, связывающую власть с теневой экономикой и криминалом.

Такие отношения, успевшие сложиться, закрепиться и укорениться за десятилетие "новой" жизни, оказываются в глазах людей даже оправданными. Более того, они целесообразны с их точки зрения. В одном из моих последних интервью средней руки предприниматель в Тверской губернии высказался вполне откровенно и ярко: "Что мне бояться рэкетиров - это теперь не те, что были 5-7 лет назад, теперь это люди с пониманием, они всегда готовы войти в твоё положение, уступить, даже помочь. А вот государство у нас - и есть главный рэкетир, и самый жестокий, для него любой из нас - враг: отдай всё, разденет, обманет, убьёт". И это ведь мнение не единичное, оно достаточно типично для тех людей, кто пытается делать свой бизнес в провинции более или менее честно.

С нынешней властью люди не связывают никаких позитивных ожиданий. В последние годы у простых людей отношение к центральной власти даже презрительное, чего никогда не бывало. Полная недееспособность властей проявляется не только в том, что с ней не считаются (если только эта местная власть не опирается на авторитет и силу криминальных структур). Власти будто и нет. (Забавный парадокс: власть полностью утратила силу, но численность её представителей в районах почти повсеместно возросла в 2-3 и более раз: теперь почти в каждой районной администрации до 80 и более штатных единиц.)

Но власть и порядок нужны безусловно и на это делают упор многие. Лейтмотивом политических предпочтений людей как был в начале десятилетия, так и поныне остаётся один: *"нам бы хозяйина - мы бы тужились"*. Людей вовсе не заботят конкретные партии и программы. Им нужна власть. Крепкая, последовательная. Карающая, но и способная защитить простого человека.

Такой власти сейчас нет. Поэтому люди и склоняются к двум обычным выборам. В первом и простейшем случае они обращаются к представителям преступного мира и, находя в их лице защиту и покровительство, всё больше тяготеют к этой, хотя и "эрзац-власти", но власти последовательной и эффективной. На местах она сильнее власти "настоящей", государственной. Хуже того, с течением времени криминальные авторитеты в районах (где они часто являются и главными бизнесменами и крупнейшими коммерсантами) начинают осознавать, что они неожиданно для себя оказались облечены новой функцией, незаметно, как бы походя переданной им государственной властью. Поэтому нередкими стали ситуации, когда не только простые люди, но и районные чиновники открыто гордятся своими связями с "авторитетами" - это реально повышает в глазах местного общества их влияние и власть. Как не сравнить подобную ситуацию с прежней Сицилией, или современной Колумбией? А ведь этот процесс в стране только набирает темп и стал вполне очевиден лишь в последние 2-3 года.

Если первое, к чему обращается население в поисках власти, - криминальные структуры, то вторым выбором населения в ситуации, когда власти мало или нет совсем, оказывается стремление к местному самоуправлению.

Такие тенденции очень чётко обозначились в период 1992-94 гг. Одной из важнейших причин для этого послужил развал колхозов и совхозов, процесс приватизации промышленных предприятий в городах²⁶. Люди, особенно в небольших городках, оказывались вдруг перед необходимостью настоящего физического выживания, не имея для этого ни денег, ни достаточного для обеспечения семьи приусадебного хозяйства. Задача жизнеобеспечения, опираясь только на свои силы, повлекла за собой вполне естественное стремление регулировать жизнь сообщества независимо от местной государственной власти. Это приводило к своеобразным эксцессам и конфликтам. Например, в 1994 г. во время социологических исследований в Горном Алтае жители села Сайдыс, расположенного в трёх десятках километров от Горно-Алтайска, рассказали мне, как, благодаря сформированному в селе самоуправлению, они защищают свои права перед властью. В то время широко распространились противоправные действия со стороны коррумпированных чиновников, способство-

²⁶ См., напр.: Приватизация по-русски / Под ред. А.Б. Чубайса. - М.: Варгиус, 1999. - 368 с.

вавших "теневым бизнесменам" решать их проблемы за счёт местного населения. Один из таких бизнесменов, занявшийся разведением маралов с целью нелегальной продажи пантов за границу, попытался, при поддержке районных чиновников, огородить громадный участок леса, находившийся в пользовании двух соседних деревень. Эта земля - в буквальном смысле слова источник жизни для людей. Возникший конфликт, где простым сельским жителям противостояли совместные силы "криминала", местной администрации и милиции, разрешился тем, что жители обоих сёл снарядили два конных отряда молодых парней вооруженных ружьями, и отправили их на защиту своей территории. Неделью вооруженные люди с двух сторон стояли на границах лесных угодий, пока, наконец, бизнесмен по каким-то причинам не уступил. Читатель почувствовал здесь романтику времен освоения дальнего американского Запада? Но этот случай оказался с хорошим концом. А таких случаев и тогда, и потом было и есть немало в стране, и далеко не всегда они заканчиваются счастливо. Большинство жителей небольших сообществ медленно, но со всевозрастающим вниманием обращается к идее самоуправления. Степень сочувственности к ней, естественно, прямо пропорциональна слабости законной власти на местах и произвола ее криминальных заместителей.

Но реальных шагов в этом направлении крайне немного: судя по ответам, менее чем в одном населенном пункте из каждых десяти сформированы элементы самоуправления, а развития, достаточного для его нормального функционирования, нет практически нигде. Это и понятно: лишь единицы представляют себе суть самоуправления, политические, социальные и экономические условия его осуществления в современном малом городе или селе. Как видно из данных в табл. 20, даже среди экспертов наиболее велика доля тех, кто не имеет ещё сложившегося мнения о значении местного самоуправления - до 1/3 опрошенных руководителей и специалистов затрудняются однозначно сформулировать своё отношение к городскому самоуправлению. Всего менее 1/5 экспертов относится отрицательно к идее местного самоуправления или не считает его необходимым. При этом только 8% экспертов дали ответ, указав, что в их городе местное самоуправление уже существует. Поскольку формально местное самоуправление существует во всех городах, такой ответ предполагает, что оно реально осуществляется в практической деятельности населения и администрации. Следовательно, можно, с известной натяжкой, предполагать, что эффективность самоуправления настолько невелика, что даже в кругу людей, осведомлённых о том, что идея местного самоуправления законодательно реализована в каждом городе, лишь только один из каждых десяти человек полагает её вполне осуществлённой.

В подтверждение этого можно привести следующее моё наблюдение. Ни одним из респондентов - как в общей выборке, так и в группе экспертов, - за все несколько последних лет моих исследований не было высказано каких-либо чётких представлений о конкретных механизмах воплощения в жизнь идеи самоуправления. В настоящее время мы наблюдаем осознание только потребности в самоуправлении, но не её реализации. Но потребность эта достаточно велика. Как скоро она получит организационное оформление не сверху, а снизу?

Таблица 20

Отношение к идее местного самоуправления в малых городах России. Экспертные оценки

"В последние годы отмечаются тенденции реального развития самоуправления малых городов и сёл. Выскажите, пожалуйста, своё отношение к идее местного самоуправления"	Частота ответов в % (N=262)
Самоуправление может принести только вред	9,2
В самоуправлении нет объективной потребности в нашем городе	9,2
Оно играет положительную роль, но не замещает администрацию	28,2
Местное самоуправление необходимо нашему городу	15,3
В городе есть местное самоуправление	8,0
Трудно сказать определенно, необходимо присмотреться	30,2

Идея местного самоуправления так или иначе связана с отношением людей к вопросу собственности на землю. Той же группе экспертов из малых городов России был предложен вопрос: "Каким должно быть, по Вашему мнению, право собственности на землю и угодья (лесные, охотничьи, родовые участки)?" В табл. 21 приведено распределение ответов 259 экспертов, живущих в малых городах. Видно, что до 2/5 экспертов считают, что правом собственности на землю должно обладать исключительно государство. Это в полтора раза больше числа противоположных мнений экспертов, предпочитающих полное право частной собственности на землю.

Меньше всего люди связывают право собственности на землю с местной общиной. Нахождение земельных угодий в собственности города, когда выборные руководители от имени местного самоуправления будут иметь право наделять жителей землёй во временное пользование, вызывает вполне законные опасения даже среди экспертов из местной администрации в том, насколько праведным будет такое распределение, когда оно окажется в руках представителей местного самоуправления.

Таблица 21

Отношение к проблеме земельной собственности в группе 259 экспертов из малых городов

"Каким должно быть право собственности на землю и угодья?"	Частота ответов, %
Полное право частной собственности (с правом продажи)	24,7
Пожизненное наследуемое владение (без права продажи)	24,3
Собственность городской общины, которая распределяет землю во временное пользование жителям	13,1
Государственная собственность на все земли	37,8

Отношение населения к реформам в обществе

Одним из важнейших социально-политических ориентиров населения может служить отношение его к происходящим в обществе реформам. В течение нескольких лет в своих опросах я предусматриваю получение таких оценок. При всей очевидности факта преобладания у населения преимущественно пессимистических оценок перспектив социального и экономического развития нашего общества, динамика таких оценок, прослеживаемая с 1992 г., вызывает крайнюю тревогу.

В приводимой схеме на рис. 18 представлена реконструированная на основе разных источников динамика социально-политических установок населения страны по отношению его к осуществляемым реформам. Если в самом начале реформ немалое число людей (особенно среди интеллигенции) приветствовали политические, социальные и экономические реформы²⁷, при этом число и приверженцев и противников реформ было практически одним и тем же, то в течение нескольких лет, даже на фоне сравнительно благоприятных 1996 г. и вплоть до первой половины 1998 г. наблюдается катастрофическое развитие у населения упаднических настроений. Доля людей, приветствующих реформы, считающих, что они ведут к возрождению и процветанию России, падает, особенно стремительно в последние 2 года. С почти 30% эта доля сократилась до менее чем 3% - более чем в 10 раз! Столь же стремительно нарастает доля людей в обществе, которые эти реформы осуждают, считают, что они ведут к упадку и разрушению страны. В начале десятилетия их было, так же, как и приверженцев реформ, примерно 30%. К концу 1999 г. негативное отношение к реформам стала испытывать половина населения провинциальной России (51%). При этом постоянно сокращается доля людей в обществе, которые затрудняются определить характер и направ-

²⁷ См., напр.: Социол. исслед., 1992. - №7. - С.155.

ление реформ - с 1/2 до 2/5 населения (с 50-55% до 40-46%). Динамика, представленная на схеме рис. 18, подтверждается более однородными данными опросов, представленных в табл. 22. Здесь приведены результаты опросов 1996-99 гг. городского населения Западной Сибири (в основном жители Новосибирска). И до того сравнительно небольшая доля оптимистов сократилась с 1996 г. в 4 раза, уменьшилось число людей, не определившихся в своем отношении к курсу реформ - их стало уже меньше половины. Еще быстрее возросло число пессимистически настроенных людей: с 1/3 до 1/2.

Направленность основных тенденций, отмеченных для Западной Сибири, однозначно совпадает с данными других социологических исследований (например, по данным ВЦИОМ²⁸ и аналогичным исследованиям²⁹ оптимистические оценки политического и экономического развития России в 1990-1991 давали 36% и более, в 1996 - 20-22%, в 1997 – 17-18%, в 1998 – 17-19%, пессимистические оценки, соответственно – 37-39% в 1996, 44-51% в 1997 и 41-48% в 1998). Результаты опроса 1999 зависят, конечно, от влияния экономических последствий 17 августа 98 г., но в целом они не искажают общую картину тенденции сокращения доли оптимистов.

Таблица 22

Распределение мнений респондентов о направленности социально-политических и экономических преобразований в России

Оценка политических и экономических реформ в России	1996 N = 628	1998 N = 701	1999 N = 952
Возрождение страны	16,6	11,8	4,0
Неизвестно куда идет страна	50,0	49,4	45,3
Упадок и разрушение страны	33,4	38,8	50,7

Позитивное или негативное отношение к процессам трансформации нашего общества фиксируется на мировоззренческом уровне, и практически не связано с социально-демографическими признаками. Ни пол респондента, ни уровень образования, ни его социально-профессиональный статус не определяют позитивное или негативное отношение к нынешним реформам. Сравнительно чаще негативно отношение к реформам более характерно только для людей старшего возраста и работающих в сфере материального производства. Нарастание в обществе неудовлетворенности, негативизма в отношении политики реформаторов при приближении практически к нулю доли тех, кто эти реформы приветствует, выступает важнейшим идеологическим условием развития социальной напряженности. Достаточно взглянуть на динамику оценок на рис.18, чтобы дать вполне уверенный краткосрочный прогноз отношения общества к деятельности его руководителей.

Каковы оценки направленности реформ в России, полученные от жителей малых городов летом и осенью 1999 г.? В целом они почти полностью совпадают с оценками аналогичного опроса, проведенного мною в январе 1999 г. в Новосибирске³⁰. Доля людей, относящихся к реформам негативно, считающих, что они способствуют только разрушению и упадку страны, составляет более половины всех опрошенных (51%). Доля людей, которые не могут определиться в своих оценках, составляет 46%. И совсем мизерное число оптимистов - 2,9% тех, кто связывает реформы с позитивными преобразованиями в стране. Итог десятилетия печален для политика.

²⁸ Социол. исслед., 1998. - № 12. – С. 130.

²⁹ Напр.: Масленников В.И. Нижегородцы о возможности переворота // Социол. исслед., 1992. - №3.- С.102-103.

³⁰ Плюснин Ю.М. Скрытая социальная напряженность в Новосибирске. 1999 г. - Новосибирск, 1999. -32 с.

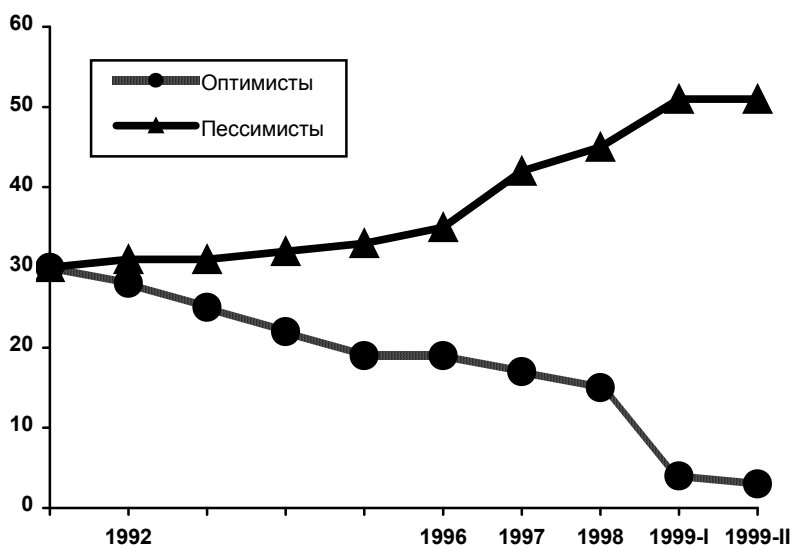

Рис.18. Динамика позитивного и негативного отношения населения к политическим, социальным и экономическим процессам в России (данные по не отмеченным на оси годам экстраполированы по результатам других опросов).

Интересно дать характеристику той 3-процентной группке оптимистов, что всё ещё продолжают приветствовать реформы 90-х годов. Это всего около 30 человек. Кто они? В большинстве своем это люди сравнительно молодого возраста (35,6 лет в среднем), преимущественно мужчины (2/3), у половины высшее образование, еще у 30% среднее специальное или незаконченное высшее. Это в основном специалисты, руководители или предприниматели (58%), гораздо меньше среди них рядовых работников. Сравнительно больше (почти в два раза) тех, кто не работает, либо трудится в частном секторе. Они имеют сравнительно более высокий уровень жизни, более благоприятную структуру бюджета семьи, а оценки нормального уровня жизни у них не менее чем на 1/4 выше средних оценок. Они отчетливо ориентированы на рыночную экономику, негативно относятся к тенденциям государственного регулирования в экономике, боятся народных волнений. Эти люди находятся в нормальном и хорошем эмоциональном состоянии, имеют дальние планы личной и трудовой жизни. Естественно, что почти все они чувствуют себя достаточно адаптированными к новой жизни. Они активны, целеустремленны и одиноки. Другими словами, это та небольшая группа людей, которые ориентированы на индивидуальный успех и уже сумели добиться чего-то в жизни. Поэтому их индивидуальный оптимизм в определенном смысле проецируется на всё общество. Это группа специфична, и только в этой группе ещё сохраняется поддержка того курса, который был декларирован в начале 90-х годов. Может быть, самым любопытным является тот факт, что почти все представители этой 3-процентной группы (более 80%) - жители сибирских регионов - из городов Томской и Иркутской областей, Красноярского края. Если исключить из анализа восточные регионы, то окажется, что в Европейской России доля людей, всё ещё поддерживающих реформы, не составит и одного процента. Остальная же масса населения - а с учётом вышесказанного можно уверенно говорить, что всё население - к реформам относится либо крайне отрицательно, либо неопределенно, выжидательно.

Социально-политические установки и политическая активность населения

Население городов (так же, впрочем, как и всё население страны) характеризуется весьма невысоким уровнем политической активности. По экспертным оценкам, представленным в табл. 23, ровно 2/3 населения имеют уровень активности ниже ожидаемого среднего уровня (т.е. такого, который должен быть в обществе при нормальных условиях; это, конечно, математическое ожидание распределения оценок при предположении о их полной независимости, поэтому есть достаточно сильное огрубление). Всего только 2,5% экспертов считают, что активность населения сейчас высокая (эти оценки, кстати, в 4 раза ниже ожидаемого нормального разброса оценок). Видно, что только оценка "низкий уровень" совпадает у экспертов с ожидаемым уровнем.

Таблица 23

Экспертные оценки уровня политической активности населения городов и районов

Уровень активности	Оценка экспертов, % (N=405)	Ожидаемая оценка, %
Нулевой	16,5	1,5
Крайне низкий	23,7	8,3
Низкий	25,9	23,6
Средний	26,9	33,3
Выше среднего	4,4	23,6
Очень высокий	1,7	8,3
Предельно высокий	0,7	1,5

Но эта картина не столь ярко характеризует то, насколько низко эксперты оценивают сегодняшнюю активность людей. Более показательное распределение, приведенное на рис. 19, где представлена кумулята распределения экспертных оценок уровня политической активности сограждан. Медианное значение соответствует 1,3 балла, и 50% экспертов дают оценки в квартильном интервале от 0,5 до 2,4 (ниже среднего уровня). Оценки же 90% экспертов покрывают уровень до 2,8 (т.е. не достигают и средних значений). Таким образом, уровень политической активности населения малых городов России в 1999 г. был крайне низким.

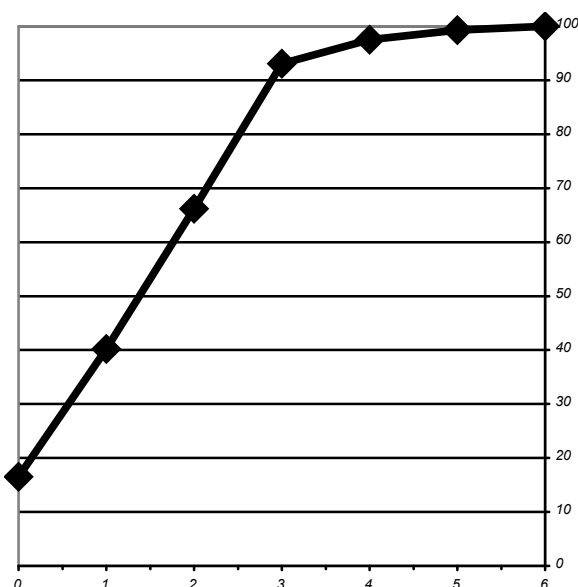

Рис. 19. Накопленные частоты (кумулята) экспертных оценок уровня политической активности населения городов России. Медианное 50-% значение составляет 1,3, квартильный разброс - 0,4 - 2,4. Оценки 90% экспертов укладываются в интервал 0 - 2,8 балла. До значения $Y=92$ кумулята имеет практически линейный вид и насыщение происходит на интервале $X=3, Y=92 - X=5,5, Y=100$. Кумулята, как бы составленная из двух почти линейных участков, показывает, насколько единодушны эксперты в низких оценках уровня активности населения.

Каковы сейчас социально-политические установки горожан? Они выявлялись при ответах на вопрос о том какие факторы и в какой мере могут способствовать улучшению положения дел в стране. Респондентам предлагался набор из шести социально-политических мероприятий, которые политиками и учеными нередко рассматриваются в качестве условий выхода из кризиса и перехода общества в состояние стабильности (формулировки этих мероприятий заимствованы из различных эмпирических социологических исследований).

Среди этих шести акций три являются акциями "снизу" - социально-политическими действиями населения, вынуждающими Правительство и президента страны на принятие соответствующих решений или изменение действующего курса. Это: 1) массовые выступления населения (предполагается, что они носят стихийный или слабо организованный характер); 2) проведение митингов и демонстраций (организованных протестных и предупредительных акций населения); 3) временный запрет на забастовки (правительственные меры, принимаемые под давлением населения, вследствие его высокой политической или иной активности).

Три другие из предложенных респондентам для оценки акций - действия "сверху", направленные на урегулирование политической активности. Это: 4) жесткий контроль над деятельностью правительства со стороны законодательной власти; 5) усиление власти президента (как концентрация законодательной и исполнительной власти в одних руках); 6) временный запрет на деятельность политических партий (как форма контроля законодательной власти).

Как в целом оценивают респонденты значение тех или других акций? В табл. 24 показано, как распределяются респонденты в своих оценках важности и значимости тех или иных социально-политических мероприятий. В силу того, что им предлагалось дать оценку по ранжированной 6-балльной шкале, всю совокупность ответивших по каждому вопросу можно делить на три группы: 1) считающих данную акцию совершенно неэффективной; 2) считающих, что данная акция может принести какую-то пользу; 3) считающих, что данная акция имеет важное или определяющее значение для улучшения положения дел в стране.

Таблица 24

Распределение респондентов на группы по отношению к мерам, способным улучшить положение дел в стране

Меры, способные улучшить положение дел	Частота ответов в %		
	Не будут эффективными совсем	Будут эффективны в среднем	Будут очень эффективны
1. Массовые выступления населения (стихийные акции)	62,9	20,8	16,3
2. Проведение митингов и демонстраций (организованные акции)	70,8	18,6	10,6
3. Меры правительства по временному запрету на проведение забастовок	80,5	13,5	6,0
4. Жесткий контроль деятельности правительства	6,4	15,3	78,3
5. Усиление власти президента	43,6	22,5	33,9
6. Временный запрет на деятельность политических партий	56,2	25,2	18,6

Распределение оценок весьма показательно. Во-первых, подавляющее большинство жителей уверены в том, что акции, идущие "снизу", будут совершенно неэффективны с точки зрения устройства дел в государстве. По всем первым позициям от 2/3 до 3/4 респондентов отмечают полную неспособность стихийных или организованных акций самого населения выступить в качестве конструктивного фактора социального строительства. Доля таких оценок в 4-7 раз превосходит долю оптимистических оценок. И это при том, что большинство людей почти уверены в спонтанном возникновении протестных акций и массовых беспорядков, а многие из них готовы сами принять участие в таких акциях. В то же время и меры правительства, направленные на запрет любых протестных акций почти всем представляются совершенно неэффективными. Иными словами, большинство населения городов не видит в массовых протестных акциях конструктивности. В любом случае они не станут условиями улучшения состояния общества.

Одновременно, и в репрессивной деятельности власти, направленной против волеизъявления народа и его политического самоопределения, люди не видят выхода из положения: по мнению подавляющего большинства, ни запрет на забастовки, ни запрет деятельности политических партий не смогут стать эффективными мерами улучшения ситуации.

В то же самое время меры, направленные на увеличение порядка в эшелонах самой власти, представляются населению много более важными факторами улучшения социальной ситуации. Большинство уверены, что именно жесткий контроль деятельности правительства и, в некоторой степени, усиление власти Президента будут способствовать позитивным изменениям.

Говоря иначе, получившаяся картина социально-политических установок людей прямо и недвусмысленно соответствует известным поговоркам: "рыба гниёт с головы" (и начинать обустройство общества следует со структур власти), да "дурная голова ногам покоя не даёт" (при такой власти массовые выступления и забастовки будут, но ни к чему хорошему они не приведут).

Для более детального анализа социально-политических установок населения была предпринята многомерная классификация на основании шести отмеченных выше признаков, и разделение выборки респондентов на группы. Анализ показал, что оптимальной и наиболее естественной (лучше всего содержательно интерпретируемой) классификацией является разделение всей выборочной совокупности на 5 кластеров (см. рис. 20). При этом дистанции (евклидово расстояние) между всеми кластерами достаточно велики. Выделенные группы вполне определенно различаются по своим позициям в отношении трёх "факторов стабилизации": 1) активность "снизу", со стороны населения; 2) усиление запретительных и репрессивных акций власти; 3) усиление, централизация и концентрация власти.

Самую многочисленную группу (32,4%) составляют те, кто рассматривает активность снизу и репрессивные меры, направленные сверху вниз, в качестве негодных средств стабилизации общества, но основные надежды возлагают на усиление власти президента и в целом концентрацию власти (те, для кого ориентиром служит установка "нам бы хозяина - мы бы тужились").

Вторую по численности (27%) и очень однородную по установкам группу составили респонденты, которые считают, что никакие из перечисленных мер не могут обеспечить стабильности и порядка, за исключением единственной - ужесточения контроля за деятельностью правительства как со стороны Президента, так и законодательной власти. Вследствие этого можно считать, что содержательно, по направленности установок, данный кластер примыкает к первому.

Можно, таким образом, заключить, что до 60% населения небольших провинциальных городов основные надежды на улучшение своей жизни связывает не с собственной активностью, а с деятельностью власти, прежде всего с её усилением и централизацией. Но при этом считается неэффективным возврат к мерам запретительного характера. Это в некотором, метафорическом, смысле ожидание прихода "добротного тирана".

Более радикальные установки имеют представители третьей группы, составляющие самую малую долю среди населения (11,8%). Наступление благоприятных перемен они связывают только с расширением запретительных и репрессивных функций власти, вовсе отказывая народной активности в способности быть фактором стабилизации общества.

В сумме три перечисленные группы, составляя почти 3/4 населения, противостоят двум другим группам, члены которых в известном смысле демонстрируют противоположные социально-политические установки. Обе последние группы представлены равными долями - по 14,4%. Первая из них (четвёртая) образована респондентами с ярко выраженными установками на роль народной активности в качестве первостепенного фактора улучшения положения дел в стране. Наоборот, репрессивные функции власти они оценивают негативно, а роль фактора возрастания и концентрации центральной власти считают незначительной. Это те, кто делает ставку в задаче "исправления жизни" прежде всего и исключительно на себя, на народ, но не на власть.

Последняя, пятая и столь же малочисленная группа респондентов, не отличается избирательностью. Эту группу составили респонденты, которые полагают, что как факторы народной стихийной активности, так и факторы усиления и концентрации власти (плюс к этому и в умеренной степени применяемые властью репрессивные акции) все вместе должны способствовать стабилизации общества. По большому счёту, это люди, которые готовы рассматривать любую возможность, лишь бы это способствовало улучшению жизни. Обратной стороной такого отношения является социальное равнодушие - годится всё, что предлагается - и репрессии, и президентское правление, и диктатура, и революция, и бунт, - лишь бы они указывали дорогу к счастью. Это, однако, может быть также и признаком безысходности: ситуация настолько критична, что следует хвататься за любую соломинку.

На рис. 20 я представил взаимное расположение всех пяти групп в условной системе координат. По одной оси (абсцисс) отложены значения ранговых оценок, отражающие степень ориентации респондентов на роль народных "низов" в деле оздоровления общественной ситуации (0 - отсутствие всякого значения; 1 - минимальное значение; 2, 3 и 4 - соответственно, имеет значение ниже среднего, в среднем; и выше среднего; 5 - максимально большое значение). По другой оси (ординат) отложены аналогичные значения ранговых оценок, отражающие представление респондентов о роли и значении центральной власти в процессе социального обустройства, прежде всего концентрации власти и усиления её запретительных и репрессивных функций.

Хорошо видно, что хотя кластеры и различны, всё-таки три первых из них могут быть объединены в "большой" кластер: респонденты придают минимальное значение "роли масс" в обустройстве общества, возлагая большие или меньшие надежды на государственную власть. Четвёртый и пятый кластеры удалены как от этого "большого" кластера, так и друг от друга: представители первого из них имеют "диаметрально" противоположные установки, сравнительно с установками, свойственными представителям "большого" кластера, возлагая надежды исключительно на активность "низов", вторые же ожидают позитивного результата как от активности власти, так и от активности народа.

Наблюдаемое распределение социально-политических установок позволяет делать прогноз электорального поведения жителей провинциальных городов. Составляющие менее 15% представители четвертой группы - это потенциальный электорат демократических партий, поскольку именно со стихией народной активности большинство простых людей связывают своё представление о демократии. Значительная же часть "большого" кластера - электорат "партии власти" или всех тех партий, которые делают ставку на крепкую и жесткую центральную власть. В большинстве своём это люди, которые ожидают появления "хозяина" во главе страны.

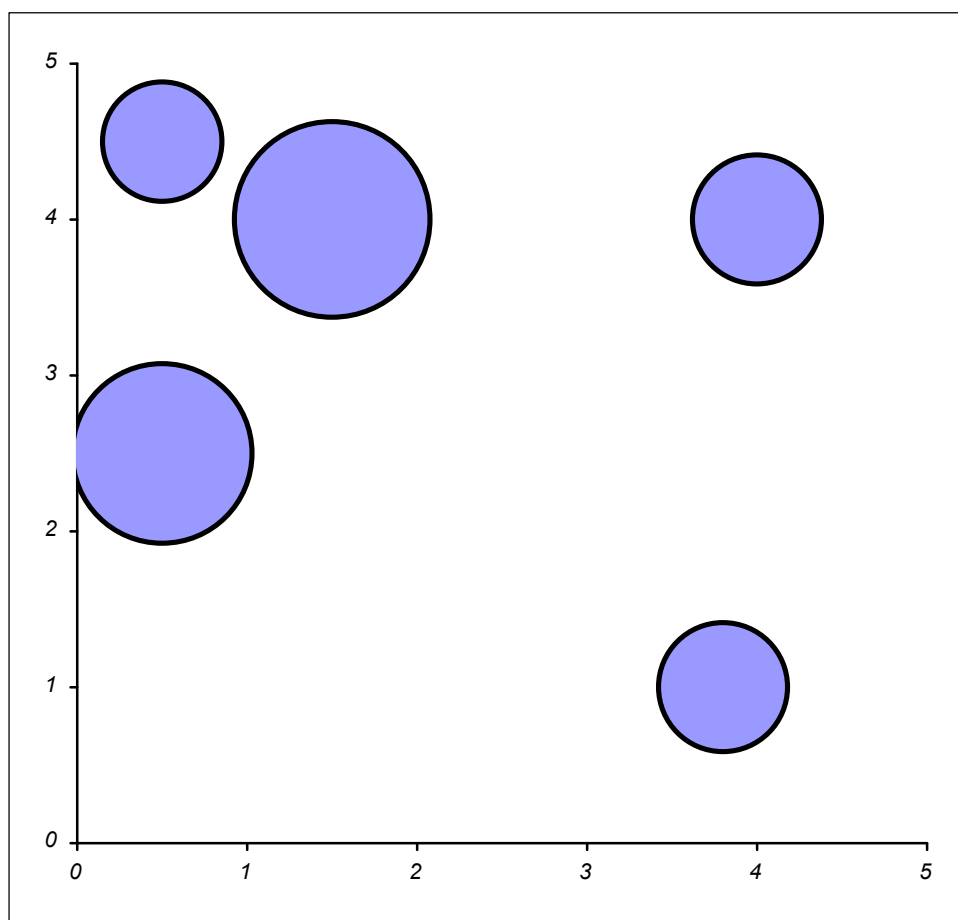

Рис. 20. Взаимное расположение пяти выделенных кластеров респондентов с разными социально-политическими ориентациями в системе координат "ориентация на активность народа" (ось абсцисс: суммированы параметры "массовые выступления" и "организация митингов, демонстраций") и "ориентация на сильную центральную власть" (ось ординат: суммированы параметры "усиление власти президента", "ужесточение контроля правительства" и "запреты на деятельность политических партий, митингов и демонстраций"). Площадь кружков соответствует величине групп, координаты их центров - усредненные значения центров, соответствующие исходной ранговой шкале (ранги в интервале от 0 до 5). Номера кружков - номера описанных в тексте кластеров.

Изменения базовых составляющих мировоззрения

Религиозность

Уровень религиозности населения нельзя назвать слишком высоким, однако с годами, в течение этого десятилетия, он постепенно повышается, в основном за счёт молодого поколения. Люди среднего возраста, особенно после 40 лет, и даже женщины, обычно признаются в своём неверии, причиной которому - воспитание прочных атеистических взглядов в советское время. На рис. 21 показано распределение оценок респондентов степени религиозности их близких и соседей. Хотя в целом распределение скошено влево (т.е. в сторону пре-

обладания неверующих), видно, что крайних оценок очень немного - всего по 7-9% людей считают, что близкие в их окружении почти поголовно неверующие или, наоборот, почти все верующие. В целом около 60% людей указывают на низкий уровень религиозности своих родных и близких. Около 1/10 (9%) отмечают высокую религиозность членов их сообщества. Однако, если к ним прибавить те 32% респондентов, кто считает, что до половины жителей являются верующими, то доля возрастает до более 40%. Иными словами, в провинциальном российском обществе к концу столетия уже 2/5 населения в той или иной степени признают себя верующими.

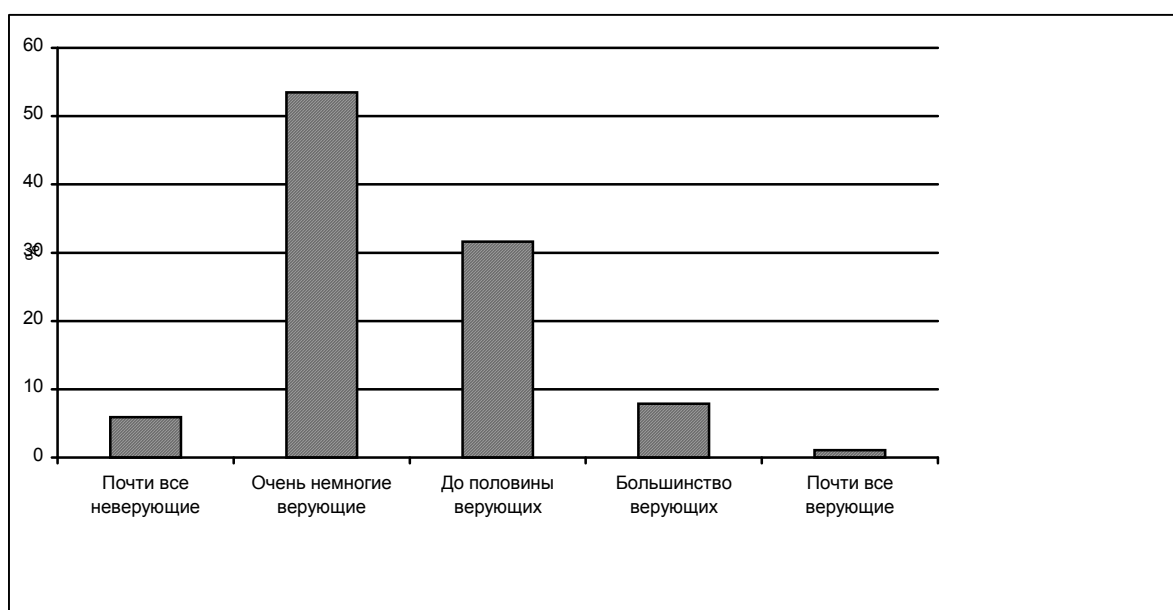

Рис. 21. Распределение ответов респондентов о степени религиозности их близких и соседей. По оси ординат - доля ответов в %.

В целом оценки религиозности населения достаточно сильно зависят от типа населённого пункта, где проживает респондент. Как это ни парадоксально, в сёлах и малых городах численностью до 10 тысяч жителей религиозность населения оказывается ниже, чем в городах с большей численностью. На рис. 22 показаны различия в оценках религиозности жителей населённых пунктов с разной численностью.

В первом случае, в сельской местности и в городках только 33-35% респондентов считает, что половина и более всего населения села или городка религиозны, тогда как в городах с численностью жителей более 10 тысяч высокую религиозность населения отмечают 50-53% респондентов. Такие различия в религиозности жителей из разных типов поселений никак не связаны с наличием или отсутствием приходов, священников, церквей. Они обусловлены какими-то другими факторами. Возможно, здесь есть и влияние моды.

Быть верующим стало модным с недавних пор не только в городской, но и в крестьянской среде, поэтому нередко оказывается, что чем моложе человек, тем выше он оценивает свою религиозность. По крайней мере такая корреляционная связь, незначительная, но статистически значимая, прослеживается в ответах респондентов разного возраста. Естественно, что женщины в целом имеют значительно больше религиозного чувства, чем мужчины, и их оценки степени религиозности сограждан существенно выше. Другие очевидные соотношения: люди более образованные и с более высоким социально-профессиональным статусом ниже оценивают религиозность населения.

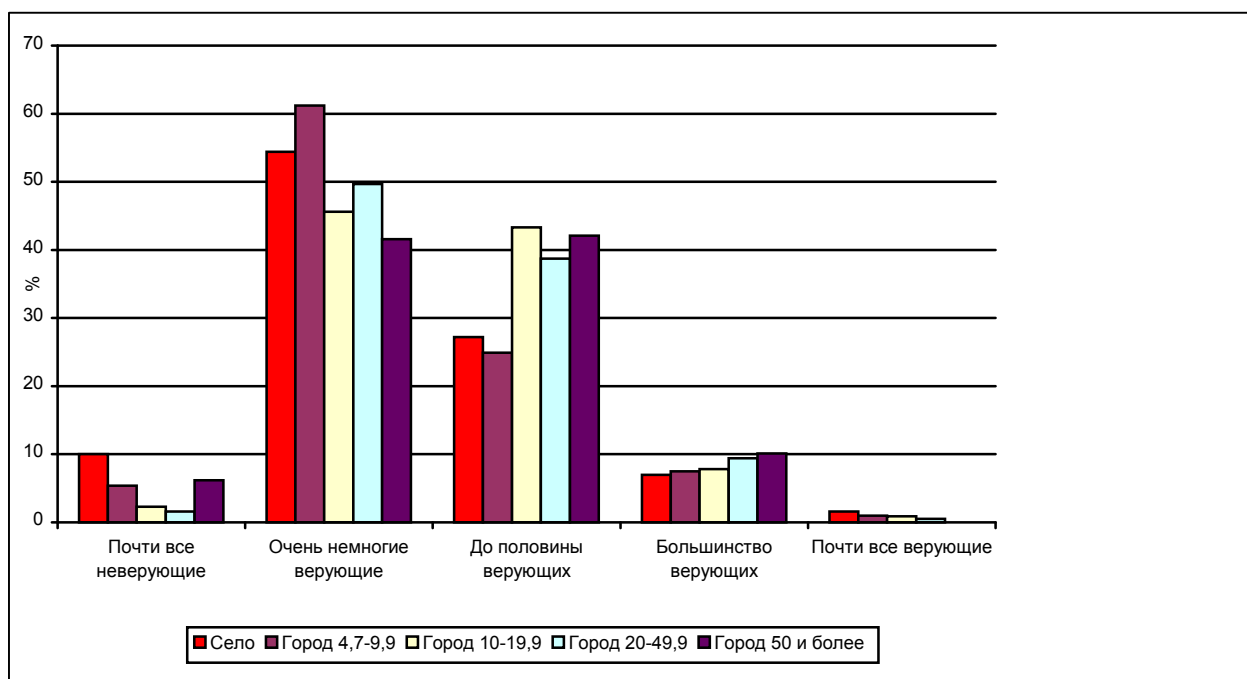

Рис. 22. Распределение оценок уровня религиозности жителей в населённых пунктах разной численности.

Экологическое сознание

Одним из важных признаков трансформации мировоззренческих установок членов общества является, с моей точки зрения, совокупность доминирующих у населения экологических представлений. Именно эти представления характеризуют отношение людей к «природе» либо как к чуждой (возможно, враждебной) внешней среде (негативные ценностные установки), либо как к источнику средств существования (утилитарные установки), или как к среде обитания, нуждающейся в заботе и сохранении (этические установки), а, может быть, и как к Миру (эстетические установки). В некотором смысле экологическое сознание в народной среде стало замещать сознание религиозное. Оно более отвечает стандартам рациональности, привитым населению за 80 лет массового образования, более актуально и современно. К тому же, так или иначе, отношение к природе возбуждает глубинные, архаические пласты сознания, где религиозное чувство было сращено с отношением к природе.³¹

Поскольку исследование экологических представлений проводилось в рамках более широкого социологического опроса, для анализа применялся всего один открытый вопрос, который предполагал свободный характер ответов. Формулировка вопроса: «Что такое, с Вашей точки зрения, «экология»? Как Вы понимаете это слово?». Она рассчитана на непосредственную эмоциональную реакцию простого человека, как правило, не имеющего никаких представлений об экологии как научной дисциплине.

Свободный характер ответов предполагал использование метода контент-анализа. Эта процедура, осуществлённая на массиве 1988 ответов, в том числе множественных, показала, что разнообразие спонтанных «экологических ассоциаций», несмотря на значительную по размеру выборку, весьма ограничено и составляет менее десятка отдельных категорий. При

³¹ Плюснин Ю.М. Экологическое мировоззрение: конъюнктурность и архаичность // Социально-политический журнал. – М., 1996. -- № 4. – С. 217 - 221

этом оказалось, что по частоте использования категорий, характеризующих представления людей об экологии, нет различий между респондентами разного пола, возраста, селитебного и социально-профессионального статуса, характера деятельности. Не отмечено также и региональных различий.

Значительная группа респондентов – 21,7% - затруднились каким-либо образом охарактеризовать своё представление об экологии и отказались от ответов. Остальные 78% распределились в ответах по 9 направлениям. Незначительная доля людей, почти все с высшим образованием, знакомые с наукой, - 7% - охарактеризовали экологию как «науку о...». Они выделены в группу респондентов с нейтральными оценками и далее были исключены из анализа

Остальные 93% из тех респондентов, что дали исчерпывающие ответы, распределились по 8 категориям, составившим 4 группы с разными ценностными мировоззренческими установками. Группа индивидов, классифицированных как имеющие негативные ценностные установки, определяли «экологию» как а) «загрязнение» или б) «нарушение» окружающей среды, среды обитания, природы. Таких всего 6,8%.

Группа индивидов, определивших «экологию» просто как «окружающую среду» или «использование природы» (крайне мало ответов), составила 10,5% и классифицирована как утилитарно-нейтральная. Группа респондентов, которые под «экологией» понимают охрану окружающей среды, природы, или отдельных её компонентов (воды, воздуха, земли, моря, рек, лесов и т.п.), классифицирована как имеющая этические ценностные установки. Таких 24,5%. Наконец, к четвёртой группе отнесены те респонденты, ценностные установки которых имеют преимущественно эстетическую, ценностную направленность. Здесь представления об экологии либо весьма развитые, сложные (экология – это взаимоотношение человека и природы, человека и мира (7,8%); экология – это Природа, гармония, сама Жизнь ... (7,7%)), либо простые непосредственные эстетические реакции («экология – это здоровье», 3,3%; «экология – это чистота», 32,1%).

Обращает на себя внимание очень высокая, преобладающая доля людей, ассоциирующих в своём сознании экологию с чистотой (нередко ответ формулируется предельно кратко: «чистота», «чистота во всём»). Не менее важно то, что респондентов с эстетическими экологическими установками оказалось не меньше половины (50,9%). Это почти на порядок превосходит число людей с негативными ценностными установками, и в несколько раз больше числа людей с утилитарными и даже этическими установками. На рис. 23 с помощью такого параметра как размер прямоугольника, соответствующая доле индивидов с тем или иным типом отношения, продемонстрировано, насколько велика сейчас в нашем обществе ценностная экологическая установка и насколько она преобладает над любыми иными установками, особенно негативным, утилитарным и прагматическим отношением к природе.

Такой эмпирический результат есть, с моей точки зрения, свидетельство двойственности мировоззренческих установок простых людей - наличия под конъюнктурными установками более глубинных архаических. Два этих пласта народного экологического мировосприятия - поверхностный и глубинный - поскольку они отражают два типа отношений к природе как к "кладовке" и отношение к Природе как к Земле-Матери, - соединены в обыденном сознании не по естеству, но по принуждению, требуемому характером современной деятельности, а также по принуждению, навязываемому формами нашего образования. И как соединенные не по естеству эти разнящиеся представления требуют для себя и разного духовного питания, разного образования.

В первом случае поверхностные экологические представления столь же мало нуждаются в систематическом научном знании, сколь простой человек вообще непосредственно нуждается в науке. Получаемые им через средства массовой информации экологические сведения будут и далее продолжать оставаться конъюнктурными по содержанию и случайными по форме, до тех пор, пока сама исходная их форма - научное экологическое знание - не затвердеет в однозначности парадигмального образа. Поэтому осуществляемое такими

средствами случайное и частичное экологическое знание будет продолжать оставаться невостребованным в народной среде. Оно и усваивается ею вовсе не так, как это происходит в городской среде. Причина, может быть, как раз в том, что обыденное сознание городского жителя возвращается на урбанизированной почве, предоставляющей мало возможностей простого "общения с природой", как в непосредственном отношении, так и в опосредованном, через механизмы традиционного воспитания.

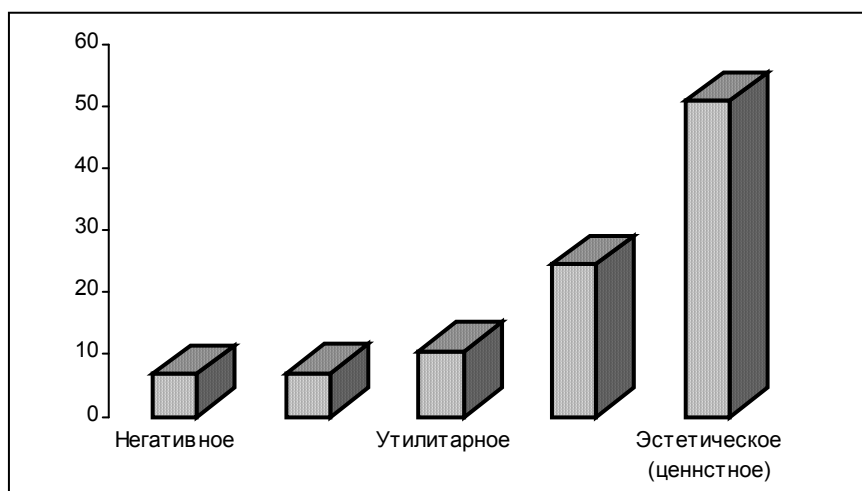

Рис. 23. Структура типов отношения к природе у населения провинциальной России

Другое дело - то экологическое образование, которого требует глубинный архетипический пласт обыденного мировосприятия. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: то содержание и те формы экологического образования, какие предлагает сейчас человеку школа и университет, в данном случае неприемлемы и не усваиваемы. Требуется совсем другое знание. Это должно быть ненаучное по форме знание, знание кристаллизованное, неподвижное, которое основывалось бы на абсолютных законах и бесспорных, раз навсегда заданных алгоритмах, предписывающих правильное поведение на основании такого знания. В своих специфических особенностях такое знание сродни религиозному знанию, точнее религиозному опыту. Именно поэтому обращение к экологии (в форме различных экологических проблем) на уровне массового народного сознания оказывается в значительной мере дополнением (далеко не всегда альтернативой) религиозной деятельности. Сопоставляя между обеспокоенностью человека экологическими проблемами, ценностным отношением его к природе с его религиозностью отмечается многими исследователями современного религиозного сознания, особенно в ортодоксальном христианстве (православии). Сопоставляя характер отношений к природе и к религии, я прихожу к выводу, что в современной ситуации нарастания мировоззренческого вакуума потребность в развитии религиозного чувства приводит, вследствие рационального по своим объяснительным конструкциям массового сознания современного человека, к возбуждению, инициализации архаического чувства к природе, долго дремавшего в скрытых глубинах души. И это чувство выливается в *экоцентрическое* мировоззрение, начинает замещать собой чувство религиозное.

Индивидуальные цели и ценности жизни

Динамика индивидуальных ценностей

Проблема изменения мировоззренческих и ценностных установок в современном российском обществе, осмысляемая социальными философами как структурный кризис ценностей в кризисно-реформируемом социуме, постепенно теряет новизну в глазах исследователей и переходит в область рутинных социологических исследований и социальной практики. Между тем, это несколько не уменьшает её актуальность, более того, она осознаётся как основание всех социокультурных сдвигов в обществе и, следовательно, изменения в мировоззрении выступают важнейшим критерием направленности процесса трансформации общества.³²

Но в каком направлении происходят сдвиги в мировоззрении, особенно, когда речь идёт о «простом человеке»? Собственно говоря, знание этого даёт возможность предсказать тенденции движения общества в сторону модернизации или традиционализма, дезинтеграции или структурного обновления. Исследования такого рода в наше время трудоёмки и в действительности их совсем немного. Поэтому мне представляется, что любые, сколь бы они ни были ограничены, неполны или односторонни, исследования структурных сдвигов в сознании простых людей, происходящих в трансформационный период общественного развития, заслуживают внимания. Полученные в любой локальной точке, они отражают (конечно, с большими или меньшими искажениями) общие тенденции, характерные для всего населения.

Осознание практической важности этих обстоятельств, а также то, что зафиксированные изменения в мировоззрении имеют вполне определённую направленность, позволяющую делать предсказания о характере социокультурных сдвигов в обществе, побудило меня сопоставить данные за несколько последних лет.

Исследование изменений структуры терминальных ценностей осуществлялось с помощью методики, разработанной и предложенной М. Рокичем и модифицированной мною в рамках концепции иерархии потребностей А. Маслоу.³³ Модификация заключалась в перераспределении совокупности наименований ценностей, добавлении новых и в распределении по пяти группам: 1) ценности «органического ряда»: простая жизнь, жизнь в удовольствие, материальное благополучие; 2) ценности безопасности: здоровье, жизнь человека, физическая безопасность; 3) ценности социальных связей: семья, любовь, друзья, общение; 4) ценности самоутверждения человека в обществе: работа и активная жизнь, социальное признание, равенство людей, самостоятельность; 5) ценности самореализации личности: свобода, творчество, красота, познание, понимание. Такая модификация позволила упростить и обобщить анализ структуры ценностных диспозиций больших групп людей. При описании иерархической структуры ценностей я исходил из известного методологического принципа, что любое ранговое распределение (в том числе и структура ценностей) имеет наиболее устойчивые области на своих концах.³⁴ Поэтому в анализе использовалась структура распределений наиболее значимых для людей ценностей (первой или трёх первых).

³² См., напр.: Вестник РГНФ, 1997. - № 3. - С. 33; Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РГНФ, 1998. - № 3. - С. 132 - 147. Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. - М.: Эдиториал, 1996. - 224 с.; Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) // Под ред. И.Г. Дубова. - М., 1997. - 475 с.

³³ Rokeach M. The nature of human values. - N.-Y., 1973; Maslow A.H. Motivation and personality. N.-Y.: Harper & Bros. 1954; Плюснин Ю.М. два полюса ценностного развития личности. Концепция социальных качелей ценностей // Гуманитарные науки в Сибири, 1995. - № 2. - С. 34-40.

³⁴ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М.: Наука, 1987. - С. 62-65

Данные, полученные в 1999 г., сопоставляются с данными, полученными в 1995-98 гг. в различных районах юга Западной Сибири и севера европейской части России. Исходной гипотезой исследования является моя концепция «социальных качелей ценностей», разработанная в 1995 г. В рамках этой концепции прогнозировалась определенная динамика иерархической структуры базовых ценностей людей в условиях социального кризиса. Предполагалось, что по мере развития кризиса и вне зависимости от того, приобретает ли развитие восходящий или нисходящий характер, динамика структуры ценностей будет долго иметь инерционный характер и предпочитаемые ценности большинства населения будут продолжать смещаться в сторону низших ценностей.

Полученные результаты в целом подтвердили и подтверждают эту гипотезу. Более того, смещение базовых ценностей к полюсу низших приобрело в последние два года после августовского обвала 1998 г. угрожающий характер (см. рис. 24).

И у мужчин и у женщин структура наиважнейших ценностей очень похожа. Это постоянно и неизменно занимающая первое место ценность *здоровья*, относящаяся к группе ценностей физической безопасности. Второе место занимает ценность *семьи, семейной жизни*. Вместе с такими ценностями, как *жизнь человека, любовь, работа, материальное благополучие* они образуют группу всегда предпочитаемых ценностей во всех локальных сообществах.

Анализ динамики ценностей за пять лет у женщин и за четыре у мужчин - показывает значительные динамические изменения в предпочтениях людьми тех или иных ценностей, которые должны оцениваться как социально неблагоприятные. На рис. 24 представлены гистограммы распределений важнейших предпочитаемых ценностей, объединенных в пять вышеописанных ценностных групп. Достаточно беглого взгляда, чтобы увидеть, что вплоть до 1998 г. включительно происходит однонаправленное, из года в год, движение ценностной структуры «простого человека» в сторону преобладания ценностей низшего порядка над высшими ценностями. И эта тенденция совершенно одинакова как у мужчин, так и у женщин. В 1999 г. зафиксировано, как я думаю, начало обратного процесса: смещение системы ценностей в сторону преобладания значимости в жизни человека социальных отношений и ценностей индивидуального развития. Пойдет ли дальше этот процесс?

Общая направленность динамики в течение всех лет - в сторону всё большего преобладания ценностей физической безопасности над всеми остальными. Сейчас происходит вынужденное смещение в структуре ценностей и в том числе повышается индивидуальная значимость «органических» ценностей (рост их значения в 2-3 раза можно, конечно, объяснить неуклонным снижением жизненного уровня людей).

Ценности группы социальных связей, которые должны занимать одно из главенствующих мест в диспозиционной структуре личности, всё больше отступают на второй план. Рост на этом фоне важности материального благополучия, физической безопасности, сохранения здоровья следует рассматривать как признак очень значительной трансформации мировоззренческих и социальных установок людей, трансформации, направленность которой неблагоприятна для общественного развития, но вполне соответствует тем ориентирам, которые предлагают простым людям современные средства массовой информации.

Столь же негативная динамика в отношении ценности работы и активной трудовой жизни. За 5 лет высшая значимость работы сократилась в 6 раз у женщин, а у мужчин за 4 года - в 2-3 раза. Действительно, люди утрачивают ценность труда, поскольку перед глазами всех - процветающие бандиты и олигархи, богатства которых возникли практически мгновенно, «на халяву», без трудовых усилий. Потому даже парадная ценность труда, работы, свойственная советскому обществу, утратила в современном обществе всякое значение. «Нынешняя официальная идеология, сформированная под очевидным влиянием олигархии с её откровенным культом богатства, показной роскошью и явным игнорированием ценности труда лишь способствует распространению «халявы» во всех слоях общества».³⁵ Как бы ни казалась парадоксальной столь быстрая динамика ценностных установок, и в частности в от-

³⁵ Шляпентох В.Э. Многослойное общество: «антисистемный» взгляд на современную Россию // Социологический журнал, М., 1997. - № 4. - С. 13.

ношении работы, но скорее всего это так. Результаты разных исследований с точностью почти до процента дают согласованные оценки: так, в сумме ценность работы признаётся главенствующей всего 5,8% респондентов в 1997-98 гг.; по данным же опроса проведённого ВЦИОМ в 1997 г. на вопрос, что требуется, чтобы стать богатым в России, только 5% ответили «талант и упорная работа».³⁶

Не менее удручающую картину мы наблюдаем в динамике такой базовой ценности как любовь. Её значение как ведущей ценности падает как у мужчин, так и у женщин. Любовь уже не спасёт мир и уходит из сердца простого человека. Люди перестают верить в главенство любви, также как в друзей и семью. Такое разрушение веры в близких, в своё непосредственное социальное окружение, подтверждает и динамика ещё одной ценности - ценности понимания другого человека, близкого человека. Роль этой ценности снизилась у мужчин более чем в 2 раза, а у женщин - более чем на порядок. Практически никто из людей не верит в понимание.

Конечно, предпочтение высших ценностей - удел немногих людей, поэтому даже на большой выборке нельзя определенно говорить и статистически значимых тенденциях. Это видно и на рис. 24. Значение высших ценностей в структуре ценностных диспозиций простого человека за короткий отрезок времени длиной в 4-5 лет уменьшилось в 3-5 раз. Интенсивность этого процесса выше, чем процесса снижения значимости ценностей социальных связей по крайней мере в 2-3 раза.

Точно такой же интенсивности процесс - но с обратным знаком - мы наблюдаем на полюсе низших ценностей. Значимость ценностей физической безопасности возросла примерно в полтора раза, а ценностей материального благополучия - в 3-5 раз. На рис 25 этот процесс изменений значения разных групп ценностей представлен более наглядно, чем на рис. 24. Очевидно, насколько сильно качнулись «качели ценностей». Достигли ли они уже своей низшей точки? Или данные 1999 г. говорят о том, что низшая точка была пройдена в конце 1998 г.?

Трансформация жизненных смыслов

Ещё одним важным признаком трансформации общественного сознания в современной России являются изменения значимости для большинства людей тех или иных смыслов жизни. Классическая культурно-независимая типология жизненных смыслов³⁷, составила методологическую базу моих исследований структуры смыслов жизни простых людей в стране. Первоначально я намеревался изучить только структуру предпочтений людьми определенных смыслов их жизни. Оказалось, однако, что зафиксированная структура имеет некоторый временной тренд. Наблюдения 1995-1999 годов показывают, что в четырёх случаях прослеживается вполне определенная направленность, достаточно очевидно интерпретируемая при помощи причин социальной природы.

В российском обществе определенно увеличивается численность той группы людей, которые важнейшим смыслом считают простую, непритязательную жизнь, основу которой составляет удовлетворение примитивных органических и материальных потребностей. За несколько лет доля таких людей возросла с 17-20% до 28%. В данном случае напрашивается очевидная интерпретация: предельные трудности, связанные с необходимостью физического выживания, заставляют людей всё чаще переоценивать смыслы жизни в пользу самого простого существования.

³⁶ Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. - М., 1997. - № 2. - С. 42.

³⁷ C.W. Morris (Morris C.W. Varieties of Human Value. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956.), дополненная в 60-70-е годы C.R. Rogers (Rogers C.R. On becoming a person. A therapist's view of psychotherapy. - Boston: Houghton Mifflin Company, 1961.

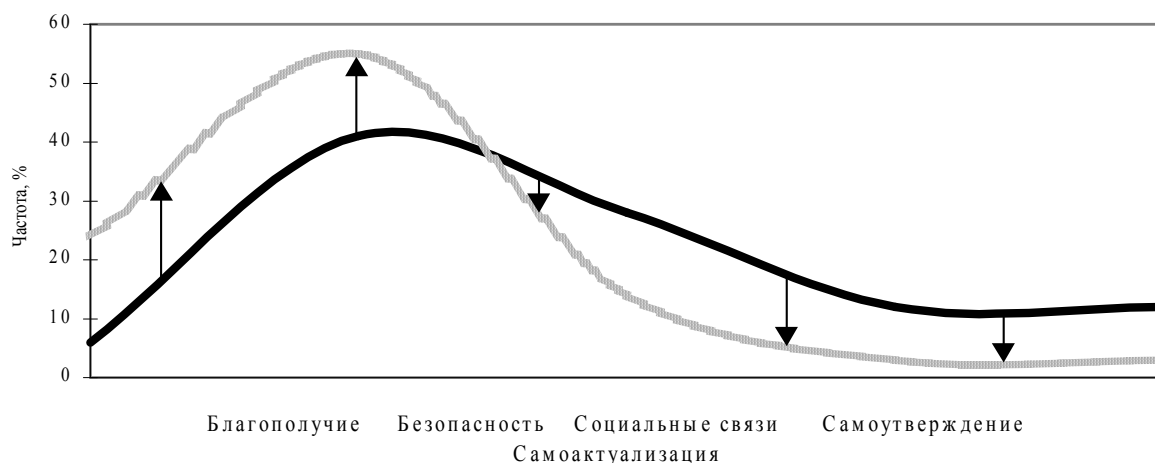

Рис. 25. Динамика изменений в структуре важнейших индивидуальных ценностей. Чёрная линия - данные 1995-96 гг.; серая линия - данные 1997-99 гг. Стрелками показана степень изменений значимости каждой их пяти групп ценностей. Ценности благополучия и безопасности наращивают значимость за счёт снижения значимости ценностей самоутверждения и самоактуализации личности. Ценности социальных связей не изменяют своего значения.

Увеличивается в обществе и число людей, значимый смысл жизни которых - в активной деятельности, в индивидуалистическом стремлении к успеху, к достижению результата, независимо от трудностей. Эта цель, как часто считают, не слишком присущая русским (в нашем сознании она обычно ассоциируется с "американской индивидуалистической моделью жизни"), оказывается сейчас приоритетной для каждого четвертого! (Я не располагаю надёжными данными за более ранний, чем 1995 г., период, но, по косвенным оценкам, указанный смысл жизни принимался тогда в качестве приоритета примерно 7-10% простых людей; можно думать, что годы реформ, несмотря на все негативные последствия их для жизнедеятельности людей, в частности, повлияли на этот 2-3-кратный рост числа людей, полагающихся в выборе жизненных целей прежде всего на себя самого, изживающие в себе патерналистские установки, столь обычные для нашего социализма). Напротив, предпочтение такой жизненной цели, как жизнь ради других людей, стремление быть полезным для общества, уменьшается. В данном случае доля людей, выбирающих эту цель в качестве важнейшего смысла своей жизни, сократилась за 5 лет вдвое: с 10-11% до 5-6%.

Наблюдается сокращение значимости в глазах простых людей и другой социально-ориентированной цели: жить по долгу и совести, принимая ответственное участие в делах общества. Если в исследованиях 1995-96 гг. доля людей, отдающих предпочтение именно этому смыслу, составляла 15-16%, то к концу 1998 и 1999 гг. их число сократилось до менее чем 10%.

Все эти изменения в предпочтении центральных жизненных установок (я думаю, непостоянные и обратимые) достаточно очевидно интерпретируемы. Происходит ослабление внутренних социальных скреп, поддерживающих стабильность общества через глубинные мировоззренческие установки своих членов. Люди всё меньше чувствуют себя обязанными на безусловную жертву ради общества, ради его процветания. Одновременно и внешние обстоятельства - как материальные трудности жизни, так и несомненное давление идеологий, ранее неприемлемых или запрещенных в советском обществе, - оказывают сильнейшее давление на сознание людей и заставляют переоценить жизненные смыслы и приоритеты. Можно сказать, что индивидуально-ориентированные жизненные цели людей находятся сейчас в согласии с такой же индивидуалистической ориентацией большинства форм идеологии в реформируемом российском обществе. Более 40% людей сейчас полагают для себя

важнейшими именно индивидуальные цели, хотя ещё недавно число таких людей не составляли и 1/4 общества. Как обычно, маятник качнулся слишком сильно. На этот раз изменения больше затронули ментальные установки женщин, нежели мужчин: доля женщин с индивидуальными жизненными целями возросла в 1.5 раза, тогда как у мужчин роста доли людей с такими установками практически нет (зато у мужчин наблюдается очень быстрое и резкое сокращение числа тех, кто отдаёт предпочтение социально-значимым смыслам жизни - таких, например, в выборке 1999 г. оказалось всего менее 10%). Этот факт отражает действительное и повсеместное нарастание активности женщин в российском обществе в последнее десятилетие. Важно, что этот рост деловой активности женщин затронул не только жительниц крупных городов, но и самых мелких селений.

Между тем, я не могу не отметить такую важную черту смысложизненных ориентаций людей, особенно среди жителей сёл и малых городов, как значительное предпочтение "роджерсовскому" смыслу жизни. В своё время К. Роджерс предложил добавить к списку 5 основных смыслов жизни Ч. Морриса шестой, по его мнению, очень важный смысл жизни развитой личности. В формулировке Роджерса - это "быть тем, кто ты есть в действительности, оставаться самим собой при любых обстоятельствах". Оказывается, что именно этот жизненный смысл наиболее предпочтителен почти для 40% простых россиян (в крупных городах предпочтение существенно ниже).

Я думаю, что и здесь объяснение найти просто. В годы общественной нестабильности и неурядиц человек подвергается немалым искусам и опасностям утратить своё достоинство. В этих обстоятельствах требуется сохранить уважение к себе как к личности, остаться тем, кто ты есть действительно. Поэтому и представляется для многих людей сейчас первой целью сохранение своей самобытности, личности.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Благосостояние и уровень жизни населения. В малых городах почти 3/4 респондентов (72%) считают благосостояние своей семьи очень низким или находящимся на черте бедности.

Удовлетворённость людей уровнем жизни в 1999г.: за последние полгода - год стали жить лучше только 22% семей, у 20,6% семей материально жизнь никак не изменилась, а у 57% благосостояние ухудшилось. На каждую семью, улучшившую свою жизнь, приходится 2-3 семьи, жизнь которых ухудшилась. Различия между сельскими и городскими семьями несущественны.

Реальный уровень жизни и черта бедности: месячный доход средней семьи из 2,93 человек составил 1958 рублей, а в пересчёте на одного человека - 668 рублей. В малых городах денежные доходы выше, чем в сёлах: 2157 рублей на семью или 744 рублей на одного человека в месяц. В сёлах доход составил 1394 рубля в месяц на семью из 2,8 человек, т.е. менее 500 рублей на одного человека.

Значение черты бедности определяется в 682 ± 12 рублей. Жители городов дают более высокие оценки: 729 ± 15 рублей, а жители сёл - 574 ± 16 рублей. Несмотря на то, к какому слою общества по уровню благосостояния люди относят себя сами, подавляющая часть их живет на черте бедности.

Оценки нормального уровня дохода в среднем на одного человека в месяц составляют 2561 ± 60 рублей. Оценки горожан выше (2867 ± 77 рублей), в селе на 1000 рублей ниже (1866 ± 90 рублей). Разница в 1000 рублей отражает различия в обеспеченности жителей продуктами питания, получаемыми от подсобного хозяйства.

Простейший расчёт показывает, что вклад подсобного хозяйства в бюджет средней семьи в провинциальной России составляет, в денежном исчислении, не менее 35000 рублей в год. А реальный денежный доход такой семьи из разных других источников (зарплата, пенсия, случайные приработки) составляет менее 24000 рублей в год. Нормальный доход семьи, в оценках людей - 90000 рублей. Это в 4 раза больше, чем реальный доход и оценок черты бедности (23700 рублей в год).

Структура бюджета как городской, так и сельской семьи практически одинакова и неблагоприятна. Доля расходов на питание - 63% (рост по сравнению с 96-98 гг. - около 10-13%; в денежном выражении - 1308 рублей на семью, или чуть более 450 рублей в месяц на одного человека). Коммунальные расходы составили 14,6% (238 рублей), транспортные расходы - 4,8% (128 рублей). На покупку вещей повседневного употребления остается 12,4% (330 рублей), на досуг, развлечения, культуру - 4,9% (153 рубля).

Среднестатистическая структура бюджета соответствует структуре бюджета городской семьи, живущей ниже черты бедности. Всего 7% российских семей имеют возможность тратить на питание 30% и менее из своего бюджета, а 63% семей тратят на питание более 50% бюджета. Почти 10% населения живут за гранью возможного - они тратят на еду менее 300 рублей в месяц, т.е. не более чем 10 рублей в день на 3-х человек. А позволить себе тратить на питание 1000 и более рублей в месяц на человека могут всего менее 8% семей.

Источники доходов. Почти 81%, т.е. 4/5 всех доходов приносят жителям или государственным пособия, или заработная плата, или работа в своем хозяйстве. Значение всех трех источников практически одинаково. Но при оценках доли зарплаты в общем доходе семьи в городе она составила 62%. Зарплата остаётся важнейшей составляющей денежных дохо-

дов. Роль подсобного хозяйства в качестве источника пропитания велика примерно в такой же степени, как и роль зарплаты в качестве источника денежных доходов.

Крайне невелика предпринимательская и коммерческая активность в качестве источников доходов. Но с учётом всех видов доходов от продаж доля предпринимательской активности возрастает до 13,5%, что следует признать немалым уровнем.

Распределение источников доходов позволяет оценить экономическую зависимость человека от государства: на данный момент она составляет не более 1/2. Вторую половину образует собственная, самостоятельная активность людей. Это немалое достижение за 10 лет "реформ".

2. Особенности хозяйственной деятельности местных сообществ. Наиболее выгодным видом деятельности остаётся торговля. Технологичное промышленное производство почти в два раза менее доходно, чем добыча и реализация сырья. Однако сельскохозяйственное производство более выгодно, чем промыслы. Очень низко оценивается доходность предпринимательской деятельности как в условиях малых городов, так и в сельской местности. Определяющее значение придаётся развитию местного сельскохозяйственного производства в качестве основы благополучия района, города. Если объединить все отрасли, имеющие отношение к сельскому хозяйству, то их значимость оценивается более чем в 50%. При этом именно данная сфера общественного производства – самая убыточная на настоящий момент. Однако люди уверены, что основу экономического благополучия населения на данном этапе развития обеспечивает именно сельское хозяйство, но не частная торговля, или предпринимательство. На этом фоне большое значение придаётся сырьевым отраслям в развитии местной экономике (22%).

Единого мнения о перспективах местной экономики нет, но преобладает мнение (4/5), что понадобится в среднем десяток лет для выведения экономики из кризиса. Сопоставление оценок, полученных в данном исследовании, с аналогичными оценками предыдущих лет показывает, что раньше средние сроки стабилизации назывались в 3-5 лет. По мере развития кризиса возрастют и предполагаемые сроки стабилизации.

3. Экономическая активность населения. Реальный уровень безработицы в малых городах значительно выше, чем в крупных. Есть населённые пункты, где работу имеют не более 10-20% трудоспособного населения. По суммарной оценке, уровень реальной безработицы составил к середине 1999 г. в среднем около 40 % (разброс оценок 2/3 экспертов от 20 до 60%). Реальное экономическое состояние небольших городов таково, что нынешний объём производства по силам выполнить всего 1/5 - 1/10 части работников (в сёлах эта доля, практически по всем экспертным оценкам, составляет вообще не более 1/10). По мнению экспертов, десятая часть всего наличного состава способна обеспечить весь нынешний объём производства. Проблема занятости в малых городах и сёлах страны приобретает, таким образом, совершенно иной акцент. Встаёт проблема не занятости вообще, а социальной занятости, занятости людей в обществе. Единственным решением (если оставить вопрос о миграции в крупные города) здесь видится повышение индивидуальной трудовой активности людей и высокий уровень их профессионализма.

Экономический потенциал большинства предприятий городов и хозяйств районов подорван в очень значительной степени. Лишь 3-4% предприятий и хозяйств могут быть отнесены к категории успешных, ещё около 10% нормально функционируют, но не менее 85-90% предприятий и хозяйств находятся в тяжёлом и критическом состоянии. В явном противоречии с этим находится качество рабочей силы и профессиональный уровень работников. Всего 34% экспертов считают его неудовлетворительным, а 2/3 дают позитивные оценки (42% - достаточный, а 24% - высокий и очень высокий). На этом фоне высоки и оценки потенциала предпринимательской и коммерческой активности населения городов: до 1/2 экспертов считают её высокой или очень высокой.

Деловая активность людей, их профессиональный потенциал, в противоположность распространённым стереотипным представлениям, очень высоки. С учётом сравнительно небольшого интервала времени, прошедшего с начала "реформ", представляются удивительно высокими оценки уровня предпринимательской и коммерческой активности населения. Менее половины экспертов (47%) считают активность населения в этих сферах невысокой, 27% - достаточно высокой, а по мнению ещё 26% - очень высокой. За 5 последних лет предпринимательская активность населения возросла в несколько раз. Направляется эта активность либо в сферу коммерции, либо в сферу теневой экономики, либо в сферу сельскохозяйственного производства и промыслов.

4. Новые "модели жизнеобеспечения" локальных сообществ в разных регионах страны складываются из нескольких форм. Основные формы: а) тенденция к возврату традиционных неэкономических форм хозяйствования (от экономики к "натуральной" жизни); б) попытка сохранить существовавшие в советское время "производственно-распределительные" отношения, основанные на "экономическом патернализме"; в) хаотический процесс формирования сиюминутных, ситуативных (и в силу этого неадаптивных) механизмов жизнеобеспечения. Помимо этих, на наших глазах возникают, развиваются и деградируют другие "модели". Среди них в 1999г. было зафиксировано быстрое развитие процессов на местном уровне, которые можно расценивать как предпосылки появления в будущем ещё одной новой модели жизнеобеспечения. Это формирование экологически ориентированного предпринимательства, причём с инициативой снизу. Практически в каждом небольшом городе появились 1-2 предпринимателя, которые начали вкладывать деньги в экологический и научный туризм, в развитие народных промыслов, привлекая к этому делу наиболее активных и дельных мужчин. Та скорость, с которой распространяется эта форма деловой активности населения, она обещает стать важной структурообразующей точкой экономического развития малых городов.

5. По социально-экономическим установкам население подразделяется на три группы кластеров. Особо выделяется одна однородная группа (20,5%), представители которой выступают за радикальную либерализацию экономики при одновременном снижении контролирующей и регулятивной роли государства. Остальные индивиды сходны между собой в признании необходимости контролирующей роли государства в экономике как условия её стабилизации. Но в одном кластере из двух групп (17,4% и 21% численности, в сумме 38%) люди ориентированы на исключительную роль государства в экономике. В другом кластере также из двух групп (22% и 19%, в сумме 41%) индивиды сходны и на первый взгляд кажется, что это "максималисты", полагающие, что как усиление контроля со стороны государства, так и увеличение экономических свобод, наряду с ростом открытости экономики, - всё будет способствовать улучшению и процветанию. Однако точнее было бы определить их как людей, весьма смутно представляющих себе значение и роль разных факторов в экономическом развитии. В целом же от 70% до 80% всех жителей малых городов имеют установки, ориентированные на сильную государственную власть и государственный контроль экономики. Лишь от 20% до 30% людей демонстрируют либеральные и рыночные установки. Сопоставление с крупным городом показывает, насколько шире распространены здесь либеральные установки сравнительно с малыми городами России.

6. Среди социально-психологических факторов экономического поведения одно из ведущих значений имеет самоощущение людьми степени своей приспособленности к новой жизни. Значительная часть людей, несмотря на десятилетие перемен, всё ещё никак не может приспособиться к ней. Каждый второй взрослый житель России не чувствует себя достаточно приспособленным к новой жизни. Есть основания думать, что до 90-95% простых

людей в стране не только не чувствуют себя "хозяевами жизни", но даже и не рассчитывают на минимальный успех.

На протяжении всего почти десятилетнего периода в российском обществе несколько не увеличивается число людей, которые считают себя адаптировавшимися к новой жизни. Их доля при опросах, проводившихся начиная с 1994, остаётся в пределах всего 5-10%. Но не уменьшается в обществе и число тех людей, кто считает себя вовсе неспособными "встроиться" в новые экономические и социальные отношения.

Планирование личной и трудовой жизни, начиная с 1991-92 гг. стало быстро и резко сокращаться. К 1993-94 планирование будущего сократилось у большинства до нескольких месяцев и недель: жизненные перспективы сократились сразу на порядок в течение очень короткого отрезка времени. К 1996-98 гг. наблюдался медленный, но постоянный рост перспективного планирования. Средние оценки перспектив приближались к 8-10 месяцам и 1 году. Однако, в 1998 - начале 1999 перспективы вновь стали призрачными, резко сократились, и сейчас ситуация подобна той, что была в 1994. Те значения жизненных перспектив, которые я фиксирую в среде простых людей, свидетельствуют о глубине психологического кризиса общества.

Психологический статус населения неблагоприятен. Доля лиц в психологически благоприятном состоянии составляет всего 26% людей. А 2/3 людей (около 68%) оценивают своё душевное состояние пессимистично, причём 12% считают, что они находятся в крайне тяжёлом эмоциональном напряжении. Однако те же самые люди, характеризуя настроение близких людей из своего непосредственного окружения, дают ещё худшие оценки. По их мнению, только около 7% близких живут с уверенностью в будущем и с оптимизмом в душе, 62% испытывают напряжение и неуверенность, а каждый третий (около 33%) находится на грани нервного срыва.

7. Отношения между людьми в локальном сообществе носят нормальный характер по мнению 64%, а ещё 15% считают, что отношения хорошие или прекрасные. В нашем обществе человек располагает очень большой моральной, душевной и материальной поддержкой со стороны близких (очень значительную поддержку имеют 40% людей, ещё 35% хотя и имеют поддержку и сочувствие со стороны близких, хотя она представляется им недостаточной). Безразличное отношение близких чувствуют по отношению к себе 9%. Только 4% признаются, что от своих близких он не получает никакой помощи. Всего 10-12% взрослых людей в нашем обществе чувствуют себя одиночками.

Именно два данных обстоятельства - психологическая поддержка близких и социальная сплочённость людей, живущих по соседству друг с другом - оказываются едва ли не ключевыми факторами, которые всё ещё поддерживают и скрепляют наше общество на самом глубинном, низовом его уровне.

8. Социальное неблагополучие и "социальный стресс" в сообществах. Незначительна доля респондентов, которые отмечают, что социальная ситуация в их городе благополучна (менее 2%). Тех, кто считает, что пьянство и преступность распространены умеренно, всего от 19% до 27%. В целом группа респондентов с низкими и умеренными оценками "социального стресса" составляет от 20% для уровня алкоголизации до менее чем 30% для уровня правонарушений. Людей с максимальными оценками неблагополучия, соответственно, 29% и 20%.

Индекс "социального стресса" оказывается сравнительно благоприятным в самых маленьких провинциальных городах. Наихудшая ситуация в городах численностью от 10 до 50 тыс. жителей, и сравнительно благоприятна в самых крупных из обследованных городов. Уровень "социального стресса" наиболее высок в европейских городах с численностью населения 20 - 50 тыс. жителей. Благоприятна социально-психологическая обстановка - в маленьких сибирских городках с численностью менее 10 тыс. жителей. В целом же региональные различия в социальном неблагополучии перекрывают различия между отдельными

экономическими районами, хотя поляризация европейских и сибирских городов очень отчётлива - жители первых испытывают более значительный "социальный стресс", чем сибиряки. Различия же, обусловленные географической, экономической и социальной спецификой конкретных, перекрывают различия между регионами и экономическими районами страны.

9. Скрытая социальная напряженность в провинциальном обществе крайне велика.

Оценки вероятности возникновения стихийных массовых беспорядков и организованных акций протеста: только 3-4% считают, что вероятность беспорядков нулевая, 12-13% оценивают её ниже уровня 1/10. Тех, кто считает, что беспорядки могут возникнуть с вероятностью до 0,5- уже составляют 54-55% всех опрошенных, тех для кого они практически неизбежны - 29-30%. Прогноз вероятности беспорядков составляет 0,39 в долях единицы. Почти 2/3 людей (65%) считают возникновение организованных акций протеста (забастовок) абсолютно вероятным, лишь 14% - невероятными. Прогноз вероятности забастовок составил 0,51.

Готовность людей принять участие в акциях протеста составляет более 40%, тогда как 35% ни при каких обстоятельствах не собираются участвовать в протестах. Предшествующий опыт участия в забастовках совершенно определенно влияет на готовность человека и в последующем принять участие в подобных акциях: почти 97% всех тех людей, что уже участвовали в акциях протеста, независимо от пола и возраста готовы в любой момент вновь выйти на улицы.

Опыт участия населения в акциях протеста к настоящему времени достиг, по-видимому, критического уровня. Около 1/4 всего взрослого населения страны участвовало в акциях протеста (24%).

Не вызывает удивления столь большая доля "опытных" людей. Почти на 1/3 предприятий, фирм и учреждений к середине 1999 г. имели место акции протеста. Причём доля пассивных протестов год от года сокращается, и возрастает доля протестов активных, всё чаще - не против руководства предприятия, а против федеральной власти.

Индекс реального уровня напряженности составил 0,27 (в долях единицы). Хотя в целом уровень скрытой социальной напряженности в обществе высок, в настоящее время еще нет реальных предпосылок для возникновения спонтанных, неорганизованных массовых беспорядков (бунтов), для которых необходима более высокая активность населения и его готовность к таким акциям. На этом фоне вполне вероятно спонтанное возникновение беспорядков в отдельных районах города или на отдельных предприятиях, обусловленное нарастанием социальной разобщенности и высоким уровнем психологического стресса.

10. Отношение к власти и социально-политические установки населения. Эффективность местной власти оценивается людьми крайне низко: всего 4% считают местную власть эффективной (оценки деятельности местной администрации почти на 40% хуже, чем этого следовало бы ожидать).

Отношение к центральной власти. Население почти полностью утратило интерес к политике. В большинстве своём исчезло противопоставление коммунистических и демократических установок: ни те, ни другие не популярны. Однако сочувствие к коммунистической идеологии и соответствующей партии остаётся весьма большим, в то время как к демократических установкам сформировалось глубоко отрицательное отношение. Отношение к власти стало безразличным или пренебрежительным. С нынешней властью люди не связывают никаких позитивных ожиданий.

Однако потребность в крепкой власти велика. Поэтому люди склоняются к двум обычным выборам. В первом случае они обращаются к преступному миру и всё больше тяготеют к этой, хотя и "эрзац-власти", но власти последовательной и эффективной. На местах она сильнее власти "настоящей", государственной. а с течением времени криминальные авторитеты в районах начинают осознавать, что они неожиданно для себя оказались облечены но-

вой функцией, незаметно переданной им государственной властью. Сращивание криминала с властью достигло степени родства. Респонденты повсеместно указывают на связь власти с теневой экономикой и криминалом. Такие отношения, успевшие сложиться, закрепиться и укорениться за десятилетие, оказываются в глазах людей даже оправданными, более того, целесообразными.

11. Вторым выбором населения в ситуации безвластия оказывается стремление к местному самоуправлению. Такие тенденции очень чётко обозначились в период 1992-94 гг. Но реальных шагов в этом направлении до сих пор крайне немного: менее чем в одном населенном пункте из каждых десяти сформированы элементы самоуправления, а развития, достаточного для его нормального функционирования, нет практически нигде. Лишь единицы представляют себе суть самоуправления, политические, социальные и экономические условия его осуществления в современном малом городе или селе. До 1/3 опрошенных руководителей и специалистов затрудняются однозначно сформулировать своё отношение к городскому самоуправлению. Всего менее 1/5 экспертов относится отрицательно к идее местного самоуправления или не считает его необходимым.

12. Отношение населения к реформам в обществе и социально-политические установки. Если в самом начале реформ немало людей были как приверженцами, так и противниками реформ, то в течение нескольких лет, и вплоть до первой половины 1998 г. наблюдается катастрофическое развитие упаднических настроений. Доля людей, приветствующих реформы, падает, особенно стремительно в последние 2 года: с почти 30% до 3% (более чем в 10 раз). Столь же стремительно нарастает доля людей, которые считают, что реформы ведут к упадку и разрушению страны. В начале десятилетия их было примерно 30%. К концу 1999 г. негативное отношение к реформам сформировалось у половины населения (51%).

Население характеризуется невысоким уровнем политической активности: более 2/3 вообще не намерены проявлять активность. Подавляющее большинство людей уверены, что акции, идущие "снизу", будут совершенно неэффективны с точки зрения устройства дел в государстве (от 2/3 до 3/4 респондентов). В то же самое время меры, направленные на увеличение порядка в эшелонах самой власти, представляются населению много более важными факторами улучшения социальной ситуации: жесткий контроль деятельности правительства и усиление власти Президента будут способствовать позитивным изменениям в стране. По установкам в отношении факторов стабилизации (1) активности "снизу", со стороны населения; (2) усиления запретительных и репрессивных акций власти; (3) усиления централизации и концентрации власти - респонденты разделились на 5 групп. Самую многочисленную (32%) составляют те, кто рассматривает активность снизу и репрессивные меры, направленные сверху вниз, в качестве негодных средств стабилизации общества, а основные надежды возлагают на усиление власти президента и в целом концентрацию власти. Вторую однородную по установкам группу (27%) составили респонденты, которые считают, что никакие из перечисленных мер не могут обеспечить стабильности и порядка, за исключением - ужесточения контроля за деятельностью правительства. Более радикальные установки у третьей группы (12%): наступление благоприятных перемен связываются только с расширением запретительных и репрессивных функций власти, вовсе отказывая народной активности в способности быть фактором стабилизации общества. Четвёртая группа образована респондентами с ярко выраженными установками на роль народной активности в качестве первостепенного фактора улучшения положения дел в стране. Репрессивные функции власти они оценивают негативно, а роль фактора возрастания и концентрации центральной власти считают незначительной. Это те, кто делает ставку в задаче "исправления жизни" прежде всего и исключительно на народ, но не на власть. Пятую группу составили респонденты, которые полагают, что как факторы народной, стихийной активности, так и факторы усиления и концентрации власти все вместе должны способствовать стабилизации

общества. По большому счёту, это люди, которые готовы рассматривать любую возможность, лишь бы это способствовало улучшению жизни.

Распределение социально-политических установок позволяет делать прогноз электорально-го поведения жителей провинциальных городов. Составляющие менее 15% представители четвертой группы - это потенциальный электорат демократических партий, поскольку именно со стихией народной активности большинство простых людей связывают своё представление о демократии. Значительная же часть "большого" кластера из трёх первых групп - электорат "партии власти" или всех тех партий, которые делают ставку на крепкую и жесткую центральную власть. В большинстве своём это люди, которые ожидают появления "хозяина" во главе страны.

13 Изменения базовых составляющих мировоззрения. Уровень религиозности населения нельзя назвать слишком высоким, однако с годами, в течение этого десятилетия, он постепенно повышается, в основном за счёт молодого поколения. В целом 60% указывают на низкий уровень религиозности своих родных и близких, 9% отмечают высокую религиозность сообщества, 32% респондентов считают, что до половины жителей являются верующими. В провинциальном российском обществе к концу столетия уже 2/5 населения в той или иной степени признают себя верующими.

Как ни парадоксально, в сёлах и малых городах численностью до 10 тысяч жителей религиозность населения оказывается ниже, чем в городах с большей численностью.

Альтернативой религиозности выступает в некотором смысле экологическое сознание населения. Оно более отвечает стандартам рациональности, более актуально и современно. Типология населения по структуре предпочитаемых экологических установок позволила выделить несколько групп: 1) с негативными ценностными установками 6,8%; 2) с утилитарно-нейтральными установками 10,5%; 3) с этическими ценностными установками 24,5%; 4) с эстетическими установками 50,9%. Доля людей с эстетическими экологическими установками почти на порядок превосходит число людей с негативными ценностными установками, и в несколько раз больше числа людей с утилитарными и даже этическими установками.

Сопоставляя характер отношений к природе и к религии, следует признать, что в современной ситуации нарастания мировоззренческого вакуума потребность в развитии религиозного чувства приводит, вследствие рационального по своим объяснительным конструкциям массового сознания современного человека, к возбуждению, инициализации архаического чувства к природе. И это чувство выливается в экоцентрическое мировоззрение, замещающее собой чувство религиозное.

14. Динамика индивидуальных ценностей претерпевает значительные изменения: происходит однонаправленное, из года в год, движение ценностной структуры «простого человека» в сторону преобладания ценностей низшего порядка над высшими ценностями. В 1999 г. зафиксировано начало обратного процесса: смещение системы ценностей в сторону преобладания значимости в жизни человека социальных отношений и ценностей индивидуального развития. Очевидно, насколько сильно качнулись «качели ценностей». Данные 1999 г. говорят о том, что, возможно, низшая точка была пройдена в конце 1998 г.?

15. Трансформация жизненных смыслов. В российском обществе увеличивается численность той группы людей, которые важнейшим смыслом считают простую, непритязательную жизнь, основу которой составляет удовлетворение примитивных органических и материальных потребностей. За несколько лет доля таких людей возросла с 17-20% до 28% в 1999 г. Увеличивается и число людей, значимый смысл жизни которых - в активной деятельности, в индивидуалистическом стремлении к успеху, к достижению результата, независимо от трудностей. Напротив, предпочтение такой жизненной цели, как жизнь ради других людей, стремление быть полезным для общества, уменьшается. Наблюдается сокращение

значения в глазах простых людей и другой социально-ориентированной цели: жизни по долгу и совести, принятие ответственного участия в делах общества.

Происходит ослабление внутренних социальных скреп, поддерживающих стабильность общества через глубинные мировоззренческие установки своих членов. Индивидуально-ориентированные жизненные цели людей находятся сейчас в согласии с такой же индивидуалистической ориентацией большинства форм идеологии в реформируемом российском обществе. Однако в то же самое время остаётся весьма большой доля тех людей, которые важнейшей для себя жизненной целью полагают самодостаточность себя как личности. В годы общественной нестабильности и неурядиц человек подвергается немалым искусам и опасностям утратить своё достоинство. В этих обстоятельствах требуется сохранить уважение к себе как к личности, остаться тем, кто ты есть действительно.